

ОТДѢЛЪ I.

Византійскія Житія Святыхъ VIII—IX вѣ- ковъ.

I.

ГЛАВА VII.

(Продолженіе)¹).

Іосифовъ монастырь.

Житіе Іосифа Пѣснописца. — Ж. патріарха Мееодія.

Препод. Іосифъ Пѣснописецъ основалъ свой монастырь близъ храма Іоанна Златоустаго, гдѣ онъ былъ первымъ игуменомъ. Монастырь этотъ, по весьма правдоподобному предположенію А. И. Паладопуло-Керамевса, могъ быть школою церковнаго пѣснописанія, а кромѣ того и метохіею сицилійскихъ монаховъ и паломниковъ. Сюда прибылъ сицилиецъ Теофанъ, съ молодыхъ лѣтъ находившійся при Іосифѣ, принялъ здѣсь монашество, прошелъ школу пѣснописанія и былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Іосифа. Незадолго до своей кончины св. старецъ въ сопровожденіи Теофана явился къ патр. Фотію съ книгою, содержащею въ себѣ официальную опись патріаршей ризницы, прося его принять церковныя сокровища. Представленіе при этомъ инокъ Теофана безъ всякаго сомнѣнія говорило о томъ, что Іосифъ желалъ послѣ своей смерти видѣть Теофана игуменомъ своего монастыря. Фотій такъ и понялъ молчаливое желаніе Іосифа и по смерти старца назначилъ Теофана игуменомъ Іосифова монастыря. «Ты предызбралъ меня, хотя и не по достоинству, стоятъ

1) См. Виз. Врем. т. XVIII (1910), стр. 1 сл.

Византійскій Временникъ.

во главѣ твоей паствы, поставивъ меня пастыремъ, а не какъ слѣдовало бы—овцею», писалъ Теофанъ объ Іосифѣ (§ 16).

Дѣйствительно Теофанъ сицилиецъ извѣстенъ своимъ пѣснописаніемъ: ему принадлежитъ между прочимъ служба со стихирами и канономъ св. Кириллу, епископу Катанскому¹⁾. Однажды въ Іосифовъ монастырь хартуларіемъ былъ назначенъ одинъ иконоборецъ. По этому поводу патр. Фотій въ письмѣ Θεοφάνει τῷ μονάζοντι (Βαλέττα σ. 429—431) восклицаетъ: τῆς περιβοήτου Σικελίας ἔφθασεν ὁ ὀλεθρὸς. Этимъ картиннымъ выраженіемъ Фотій безъ сомнѣнія указывалъ на Іосифовъ монастырь, какъ метохію Сициліи.

Ученикъ и преемникъ Іосифа въ его монастырѣ, монахъ, пресвитеръ и игумень Теофанъ составилъ житіе св. Пѣснописца²⁾, хотя и не сейчасъ послѣ его кончины (ок. 883 г.); г. Керамевсъ основательно полагаетъ, что житіе Іосифа было составлено уже по смерти Фотія, между 898—899 годами. Агиографъ называетъ Іосифа θεῖος, ἱερώτατος и μακάριος, рѣже μακαρίτης (§§ 5, 12), заявляетъ, что пишетъ простою, необработанною рѣчью и въ такое время, когда онъ уже обдержимъ болѣзнями и труднымъ (οὐκ εὐλαλὸν) языкомъ (§ 1, 16).

Іосифъ родился въ 813 г.³⁾ на о. Сициліи отъ отца Плотина (Πλωτῖνος) и матери Агаѳіи (Ἀγάθη). Когда островъ былъ взятъ варварами и многіе были уведены въ плѣнъ⁴⁾, Іосифъ со своими родителями переселился въ Пелопоннисъ (πρὸς τὴν Πελοπόννησον γῆν, § 2). — Указанное занятіе Сициліи вѣроятно относится ко времени 819—820 г., когда на островъ напалъ капитанъ Mohammed-ibn-Abd-Allah-ibn-Aghlab, дядя аглабидскаго князя Ziadet-Allah'a, взялъ много плѣнныхъ и вернулся въ Африку⁵⁾. — Изъ Пелопонниса онъ, на 15-мъ году возраста (въ 828 г.), прибылъ въ Солунь, главный городъ Θεσσαλίи⁶⁾, и здѣсь былъ постриженъ во иноческій санъ (§ 3). Послѣ начальнаго образованія онъ приступилъ къ изученію философіи (§ 4); потомъ получилъ санъ пресвитера. Чудотворецъ Григорій Декаполитъ, жившій тогда въ Солуни, очень любилъ Іосифа. Вмѣстѣ съ Григоріемъ

1) См. П.-Керамевсъ, Θεοφάνης Σικελός въ Byz. Zeitschr., IX, 370—378.

2) Πολλῶν τῶν ἐν ποικίλοις διαλαμψάντων (А. И. Пападопуло-Керамевсъ. Сборникъ греческихъ и латинскихъ памятниковъ, касающихся Фотія патриарха. Спб. 1901, I).

3) См. ниже. Амари относитъ рожденіе Іосифа къ 800 г. (I, 533).

4) ἦλθον γὰρ χερσὶ βαρβάρων καὶ πολλῶν πλειόνων δὲ δορυαλώτων ἀποφανθέντων.

5) M. Amari. Storia dei musulmani di Sicilia. Firenze 1854, I, 231.

6) πρὸς τὴν τῶν ἄλλων προκαθημένην Θεσσαλίαν πόλιν Θεσσαλονίκην.

Іосифъ прибылъ въ Константинополь и оба они поселились въ храмѣ Антипы, близъ св. Мокія (§ 5). — Храма Антипы мы доселѣ не знали; изъ настоящаго житія видно, что онъ стоялъ около св. Мокія, между старою Константиновскою и византійскою стѣнами столицы.

Когда началась христорборная ересь, нѣкоторые просили Григорія Декаполита послать Іосифа въ Римъ для сообщенія всѣмъ о начавшемся злѣ. Іосифъ поплылъ на суднѣ; но варварскіе корабли схватили его около Крита и увели въ плѣнъ. Вмѣстѣ съ другими Іосифъ былъ заключенъ въ темницу, гдѣ обратилъ одного иконоборческаго епископа къ иконопочитанію. Варвары убѣждали послѣдняго отказаться отъ христіанства, епископъ не согласился и за то былъ бичеванъ и разстрѣлянъ (§ 6). Въ тюрьмѣ Іосифъ занимался проповѣдью и укрѣплялъ православіе денно и ношно. Однажды явился къ нему благообразный мужъ изъ Миръ (очевидно Ликійскихъ, то-есть св. Николай) и велѣлъ ему взять поданный свитокъ. Іосифъ взялъ его, прочелъ и воспѣлъ: «потщися, милосердый, и поспѣши яко милостивый на помощь нашу, яко можеша хотѣй». И воспѣваемое дѣло наутро стало удивительнѣйшимъ (§ 7).

По смерти иконоборца Теофила (въ 842 г.) церковь одѣлась въ свою иконную красоту, чему Іосифъ въ темницѣ радовался, но скорбѣлъ о разлукѣ съ Григоріемъ Декаполитомъ и его ученикомъ Іоанномъ (§ 8). Послѣ многихъ лѣтъ отсутствія (*μετὰ χρόνου συχού*) Іосифъ вернулся изъ плѣна въ Константинополь и поселился въ монастырѣ Іоанна Златоустаго, «сосѣднемъ съ нашимъ монастыремъ»¹⁾, гдѣ по смерти Григоріева ученика Іоанна жилъ пять лѣтъ. Къ Іосифу сошлось очень много иноковъ, и тогда онъ воздвигъ свой монастырь *ἐν ὄρφῃ ἐρήμῳ τότε ὄντι*, въ который перенесъ мощи Григорія Декаполита и его сподвижника Іоанна. Живя въ ѳессалійскихъ предѣлахъ, онъ вмѣстѣ съ Григоріемъ воздвигъ храмъ во имя апостола Вареоломея, куда и положилъ мощи апостола, которыя онъ получилъ отъ одного преподобнѣйшаго и высокопоставленнаго мужа. — Въ виду того, что Вареоломеевскій храмъ былъ поставленъ Іосифомъ въ ѳессаліи²⁾, становится очевидной неумѣстность этого извѣстія житія въ данномъ мѣстѣ: его слѣдовало бы помѣстить въ § 3. Когда и гдѣ Іосифъ получилъ мощи апостола? Въ виду того, что до 839 г. онѣ лежали на

1) τῆ κατ'ἑμᾶς γειτονίῳτι μονῆ

2) Ср. Amari, I, 502—503.

о. Липарѣ (около Сициліи), откуда были перенесены въ Беневентъ¹⁾, можно догадываться, что Іосифъ, какъ уроженецъ Сициліи, могъ получить частичку мощей еще на родинѣ, съ нею покинуть островъ, жить въ Пелопоннисѣ и затѣмъ въ Солуни. — Варѳоломея и Григорія съ Іоанномъ Іосифъ почтилъ пѣснопѣніями. Передъ памятью Григорія (20 ноября) онъ ночью какъ бы на-яву увидѣлъ страшнаго мужа въ апостольскомъ облаченіи, который взялъ съ престола евангеліе и передалъ его Іосифу; послѣ этого святой получилъ даръ пѣснотворенія (§ 9).—Судя по контексту, можно думать, что здѣсь идетъ рѣчь о томъ же ап. Варѳоломеѣ, который стало быть былъ первымъ, кого Іосифъ почтилъ пѣснопѣніемъ. О Варѳоломеѣ говоритъ Теофанъ быть можетъ со словъ самого Іосифа, и это—важное обстоятельство. Столѣтіемъ позже для объясненія особеннаго поэтическаго дара пѣснотворцевъ выработалась уже особенная, на библейской основѣ, схема—о яденіи святыми свитковъ²⁾. Іосифъ составилъ гимны другамъ Божиимъ, апостоламъ, пророкамъ, мученикамъ, подвижникамъ и подвижницамъ и безчисленнымъ святымъ. «Во всѣхъ языкахъ, говоритъ Теофанъ, Іосифъ ублажается, во всѣхъ церквахъ признается божественнымъ (ἀποθεῖσθαι), во всѣхъ славится и возвеличивается» (§ 10). Ему и я, замѣчаетъ агіографъ, составляю благодарственные пѣснопѣнія за то, что онъ постриженіемъ волосъ вырвалъ меня изъ объятій отца и матери (πατρικῶν ἀγκυλῶν), изъ многомятежной жизни, и приобщилъ къ творцу всѣхъ и Владыкѣ (§ 11).—Если Іосифъ и Теофанъ были сицилійцами, то послѣдній пошелъ за первымъ вѣроятно въ юношескомъ возрастѣ.

Прославляемый всѣми, Іосифъ среди соблазновъ церкви испыталъ на себѣ тяжелую руку кесаря Варды и, по царскому повелѣнію, былъ сосланъ въ далекій городъ Херсонъ³⁾, отсюда онъ вернулся въ столицу черезъ нѣсколько лѣтъ (μετὰ τινὰς χρόνους) и въ патріаршество Игнатія (867—877) назначенъ былъ отъ царей хранителемъ священныхъ сосудовъ (скевофилаксомъ) Великой церкви. По отшествіи Игнатія ко Господу приснопамятный патр. Фотій, этотъ канонъ

1) См. нашу рецензію на книгу А. Васильева: Византія и арабы (Спб. 1900), въ Ж. М. Н. Пр. 1901, XI, 189 и сл. Арх. Сергій, говоря объ исторіи мощей (МВ², II, 338), не знаетъ рассматриваемаго извѣстія этого житія.

2) См. во Введеніи Агіографическую схему (стр. 30).

3) λέγω δὴ τὰ περὶ τοῦ καίσαρος Βάρδα λαληθέντα τε καὶ πραχθέντα, ἵνα συντόμως εἶπω, ὅθεν βασιλείῳ χειρὶ καὶ νεύματι μακρὰν ὑπερόριον γίνεται, τούτέστιν ἐν Χερσῶνι τῇ πόλει, ἵνα καὶ τοῦ ἐντεῦθεν τύχη μακχρισμοῦ.

(πηδάλιον) церкви, возлюбилъ «покойнаго» Іосифа, почиталъ божественнымъ (ἐξεδείξαζε), былъ хвалителемъ добрыхъ дѣлъ его, считалъ его выше другихъ (§ 12). Дѣйствительно, Іосифъ «былъ мирень съ ненавидящими миръ», чѣмъ и располагалъ къ себѣ всѣхъ. Имѣвшій съ нимъ бесѣду становился инокомъ и ученикомъ его; посланный родителями для полученія отъ него молитвы возвращался инокомъ; просившій у святого помышленія и заботы черезъ немного лѣтъ удостаивался помышленія — отхода ко Господу (§ 13).

Іосифъ думалъ о своей кончинѣ и хотѣлъ ея. Прошелъ великій постъ и наступилъ великій пятокъ спасительныхъ Страстей Христовыхъ. Старецъ, взявъ инвентарную книгу (γραμματαῖον) церковнаго имущества (Св. Софій), вмѣстѣ съ Теофаномъ отправился къ патр. Фотію¹⁾ и вручилъ ее. Фотій былъ обезпокоенъ и удивленъ этимъ, соображая, въ чемъ тутъ дѣло. А Іосифъ, освободившись отъ такой заботы, вернулся къ своей паствѣ въ благодушномъ настроеніи духа. Но сейчасъ же (παραιτίχα) у него явились предвѣстники болѣзни — ознобъ и жаръ. Благословивъ дѣтей, помолившись о друзьяхъ, онъ произнесъ отходную, приобщился Св. Таинъ, склонился на одрѣ и скончался, на седьмой день послѣ того, какъ слегъ въ постель, именно 3 апрѣля (§ 14). — Таково опредѣленіе Теофаномъ времени кончины Іосифа. Если послѣдній слегъ въ постель въ пятокъ на Страстной недѣлѣ, а скончался 3 апрѣля на седьмой день, то Пасха въ это время приходилась на 31 марта; а на 31 марта Пасха приходилась въ 883 году²⁾. — Масса духовенства (даже епископовъ) и народа присутствовала при гробѣ почившаго Пѣснописца; поминутно раздавались голоса: отлетѣла отсюда церковная ластовица, замолкъ пѣснотворный языкъ! и пр. Скорбь распространилась по всей столицѣ; одни спѣшили ко гробу для поклоненія, другіе для полученія милостей; всего народа не могло вмѣститься. Іосифъ скончался въ почтенномъ возрастѣ (ἐν πολιᾷ αἰδεσίμῳ καὶ χρόνῳ), по словамъ Псалмопѣвца, семидесяти лѣтъ (§ 15)³⁾. — Если Іосифъ въ 883 г. скончался въ возрастѣ 70 лѣтъ, значитъ онъ родился въ 813 году. — Послѣ своихъ личныхъ замѣчаній о своей болѣзни, о недостойнствѣ «Житія», агіо-

1) τῷ φωτωνύμῳ τοῦ θεοῦ ἀρχιερεῖ καὶ τὴν κλῆσιν ἔχοντι τοῖς ἔργοις ἐπαληθεύουσαν.

2) ἐβδόμη ἀπὸ τῆς κατακλίσεως ἀνοομένης ἡμέρας (§ 14). Ἀνοομένης свидѣтельствуеъ, что прошло полныхъ шесть дней и святой почилъ на седьмой день; но если бы кто сталъ понимать, что Іосифъ скончался черезъ семь дней, тогда пасху слѣдовало бы отодвинуть на 30 марта: на этотъ день она падала въ 878 году.

3) Псал. LXXXIX, 10.

графъ предоставляет другимъ рассказывать о благовоніи, исходящемъ отъ гроба Іосифа (§ 17). Въ заключеніе Θεοφάνъ молитъ святого о ходатайствѣ предъ Богомъ о дарованіи мира церкви, объ удаленіи всякихъ соблазновъ, о храненіи православной вѣры (§ 18). — «Особенно эта послѣдняя глава житія, говоритъ г. Керамевсъ, оставляетъ такое впечатлѣніе, что Θεοφάνъ, оканчивая свой трудъ о жизни преподобнаго Іосифа, находился подъ вліяніемъ важныхъ церковныхъ вопросовъ, которые съ 898 г. готовились къ рѣшенію. Въ этомъ именно мѣстѣ своего труда Θεοφάνъ проситъ Іосифа, чтобы онъ молился Христу о прекращеніи смутъ и о мирной жизни Церкви; далѣе онъ сильно ударяетъ на то, чтобы Іосифъ собственными мольбами упросилъ Христа, дабы православная вѣра навсегда сохранялась неповрежденной. Очевидно, здѣсь Θεοφάνъ имѣетъ въ виду смуты, происшедшія съ 891 года при папѣ Формосѣ, а также расколъ, вызванный изъ-за нихъ между Римскою и Византійскою Церквями, и наконецъ горячій споръ объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына. Эти волненія между двумя церквями были улажены въ Константинополѣ посредствомъ собора, состоявшагося при патр. Антоніи и папѣ Іоаннѣ IX. Хотя мы и не имѣемъ точныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствъ объ условіяхъ, на которыхъ состоялось тогда соединеніе церквей, но несомнѣнно то, что соборъ 899—900 или 900—901 годовъ имѣлъ своею цѣлью выполнить и подтвердить акты собора 879—880 годовъ».

Житіе патріарха Меѳодія, написанное его современникомъ сицилійскимъ архіеи. Григоріемъ Асвестомъ, до насъ не сохранилось¹⁾. Патр. Меѳодій — лицо, непосредственно предшествовавшее патріархамъ Игнатію и Фотію, время которыхъ описано страстно и подъ разными углами зрѣнія. Великая борьба между двумя первосвятителями, въ которой приняла участіе и тогдашняя духовная и свѣтская литература, въ которой безспорно дѣло не обходилось безъ инсинуаций, безъ передержекъ, безъ уничтоженія противныхъ свидѣтельствъ, отчасти отозвалась и на памяти Меѳодія. Мы желаемъ думать, что исчезновеніе житія, составленнаго Григоріемъ, не есть дѣло случайное и — именно по самой личности автора. Григорій Асвеста былъ

1) Migne. Patr. gr., CXL. 282; AA. SS. Boll., июнь II, 960; ср. О. И. Успенскій, въ Ж. М. Н. Пр. 1891, I. 140; Очерки по исторіи византійской образованности, стр. 69. О патр. Меѳодіи статья J. Pargoire въ *Echos d'Orient*, 1903, VI, 126 — 131 и 183—191 и Добшица въ *Byzant. Zeitschrift* 1909, XVIII, 41.

сынъ имп. Льва Армянина и въ качествѣ сипилійскаго архіепископа состоялъ въ большой дружбѣ съ патр. Фотіемъ. Постриженникъ Григорія, Фотій всегда высоко ставилъ и считалъ его святымъ мужемъ. Ему, а не кому другому Фотій поручилъ переговоры съ папою, для чего посылалъ Григорія въ Римъ. Очевидно, Асвеста долженъ былъ знать жизнь Мееодія прекрасно — и потому, что онъ самъ былъ въ Сиракузахъ, и потому, что самъ былъ Римѣ, куда ѣздилъ передъ тѣмъ съ порученіями и Мееодій. Сынъ иконоборца, Григорій прикнулъ къ фотіанамъ и очевидно долженъ былъ идти противъ Игнатія и Мееодія, какъ лицъ одного направленія въ отношеніи къ Риму. Быть можетъ онъ засвидѣтельствовалъ въ житіи Мееодія о такихъ сторонахъ церковнаго вопроса, опубликованіе которыхъ не входило въ интересы игнатіанской партіи, почему сочиненіе и было уничтожено, какъ уничтожено все, что говорило въ пользу противной партіи.

ГЛАВА VIII.

Монастырь Психаитскій.

Житіе Іоанна Психанта.

Между мало извѣстными обителями Константинополя заслуживаетъ вниманія монастырь Богородицы τῶν Ψυχᾶ, мѣстоположеніе котораго съ точностью неизвѣстно, по полному недостатку свѣдѣній о немъ. Правда, извѣстенъ столичный кварталъ τῶν Ψυχῶν, въ которомъ безъ сомнѣнія и стоялъ этотъ монастырь, но бѣда въ томъ, что и его мѣстоположеніе неизвѣстно. Дю-Канжъ и Мордтманн¹⁾ помѣщали его въ окрестностяхъ форума Константина, значить близъ Ипподрома, по напр. Van den Ven полагаетъ, что онъ стоялъ внѣ сухопутной стѣны, то-есть совсѣмъ въ противоположной части столицы. Основаніе къ пріуроченію послѣднимъ изслѣдователемъ монастыря именно внѣ стѣны болѣе или менѣе гадательное: ни откуда не видно, чтобы τὰ Ψυχᾶ была монастыремъ приииснымъ и зависимымъ отъ загороднаго монастыря «Источника». Полагаютъ, что Ἡ ζωδόχος Πηγή былъ основанъ Юстиніаномъ, стало быть τὰ Ψυχᾶ (Ψυχᾶ) могъ возникнуть только позже. До какого времени существовалъ Психаит-

1) Mordtmann. Esquisse topographique de Constantinople. Lille 1892.

скій монастырь, также неизвѣстно; Антоній Новгородскій (ок. 1200 года) уже не говоритъ о немъ. Ниже, при разсмотрѣнннхъ памятѣй св. Іоанна, мы встрѣтимся и съ другимъ начертаніемъ имени этого монастыря.

Житіе Іоанна Психаита (IX в.)¹⁾ составлено было однимъ изъ анонимныхъ иноковъ психаитской обители вѣроятно спустя значительное время послѣ кончины св. настоятеля, когда память о немъ уже стала забываться. Впрочемъ, одинъ изъ списковъ житія (Мюнхенскій) относится къ X (или даже будто бы къ IX) в., поэтому агіографъ не могъ быть очень удаленъ отъ времени жизни Іоанна. Авторъ лично не зналъ святого; свѣдѣнія о немъ довольно скудны и не свободны повидимому отъ безпристрастія. Его литературный языкъ хорошъ, однако не безъ примѣси солецизмовъ (μικρούς 115 и пр.) и необычныхъ оборотовъ (Δὴ λαβῶν 117); послѣдовательность въ разсказѣ примѣрная.

Родиною Іоанна была галатская страна Вукелларій²⁾, въ частности мѣстечко очень извѣстное (οὐκ ἄσκημον), но не поименованное;— этою данью агіографической риторической схемѣ авторъ сразу обнаружилъ недостатокъ своихъ свѣдѣній въ отношеніи біографіи своего игумена. — Отецъ его Левъ былъ священникомъ. Онъ переѣхалъ съ семьей въ мѣстечко около Никомидіи (χωρίῳ τῆς Νικομηδέων ἐπαρχίας), гдѣ у него явилась полнота припасовъ и гдѣ онъ заботился о воспитаніи и развитіи дѣтей. По достиженіи ими совершеннолѣтія отецъ подумывалъ о ихъ бракѣ, но они заявили, что предпочитаютъ иное ученіе, то-есть иночество. На общемъ семейномъ совѣтѣ, въ присутствіи Льва, его жены Хіоніи (Χιονία), сыновей Θεодора, Іоанна и Филиппа и дочери Евфросиніи, было рѣшено избрать иноческую жизнь. Инокъ Антоній вкратцѣ преподавалъ имъ начала монашескаго житія (§ 2). Жену и дочь Левъ поселилъ въ монастырѣ (ἀσκητήριον), а самъ съ тремя сыновьями постригся въ византійскомъ монастырѣ Богоро-

1) Le Muséeon. Études philologiques, historiques et religieuses. Louvain 1902, III, 103—123 (публикація van den Ven'a): Βίος ἡτοι πολιτεία τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν καὶ ὁμολογητοῦ Ἰωάννου, γενομένου ἡγουμένου μονῆς τῆς παναγίας δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου τῶν Ψυχᾶ (Νίχαι μὲν καὶ τροπαία πολέμων). Изъ двухъ списковъ Monac. 366 положенъ въ основу, изъ Vatoss. 240 приведены варианты. Но въ виду того, что первый, хотя и болѣе старій, представляетъ изъ себя интерполированный текстъ житія по Оксфордскому списку, крупною ошибкою van den Ven'a было пользоваться списками такъ, а не наоборотъ.

2) ἡ πρὸς τῇ Γαλατίᾳ καίμηνη χώρα, ἣν δὴ Βουκελλαρίους ὀνομάζουσιν.

дницы (Живоноснаго) Источника, изобиловавшемъ иноками¹⁾. — Последнее извѣстіе по всей вѣроятности ошибочное. Въ вѣкъ иконоборческой, къ каковому времени относится постриженіе семьи, монастыри опустошались и монахи изгонялись, почему объ обилии монаховъ «Источника» не могло быть рѣчи. Очень возможно, что послѣ 842 г. обитель и снова населилась, но въ такомъ случаѣ поздній агіографъ, говоря о VIII вѣкѣ, рисовалъ картину монастыря конца IX или начала X вѣка: это называется несоблюденіемъ исторической перспективы. — Игуменъ монастыря «Пиги», Георгій, постригъ всѣхъ ихъ въ обители. — Личность Георгія извѣстна. Онъ присутствовалъ на соборѣ 787 г. и защищалъ иконопочитаніе: Γεώργιος ὁ εὐλαβέστατος ἠγούμενος τῆς Πηγῆς ἐξεφώνησεν ὁμοίως²⁾. — По словамъ нашего агіографа, это былъ мужъ достохвальный, славившійся своимъ великимъ житіемъ по Богу, слава о которомъ была широко распространена. Вскорѣ по принятіи схимы Левъ умеръ, «приложившись къ святымъ отцамъ», за нимъ умеръ младшій изъ братьевъ Филиппъ, исполненный добродѣтелей. Θεодоръ и Іоаннъ продолжали подвижничество. Видя ихъ рвеніе, игуменъ Георгій хотѣлъ рукоположить ихъ въ санъ священниковъ и привелъ ихъ къ патр. Тарасію (784—806), который перваго рукоположилъ въ пресвитера, а втораго — въ діакона (§ 3). Послѣ длиннаго разглагольствованія о предметахъ тогдашняго образованія (§ 4) авторъ рассказываетъ, что одинъ изъ видныхъ патрикіевъ, по имени Михайлъ, любившій иноческое житіе, все свое состояніе отдалъ монастырю³⁾ и просилъ имп. Ирину (780—790, 797—802) сдѣлать Θεодора игуменомъ, а Іоанна — экономомъ основаннаго имъ монастыря. Императрица соизволила на это. — Van den Ven думаетъ, что святой былъ назначенъ экономомъ психаитскимъ и одновременно съ этимъ былъ экономомъ въ монастырѣ, построенномъ Михайломъ; по нашему же, онъ былъ діаконъ пигійскимъ, потомъ экономомъ психаитскимъ. — Братья ревностно служили въ обители. Однажды Іоаннъ верхомъ на конѣ отправился для совершенія обычнаго канона; доро-

1) μοναστῶν τε πλῆθειν ἀρετῇ κομόντων ὄντι ἐμπλέω, такъ ошибочно въ Мюнхенскомъ спискѣ, въ Барочіевомъ (Оксфордскомъ): μοναστῶν ἀρετῇ κομόντων ἐμπλέωσ ἦν.

2) Labbe et Cossart. Concilia, VII, 154. S. Bénay (Le monastère de la Source à Constantinople: Échos d'Orient 1900, III, 295) въ спискѣ игуменовъ не упомянулъ имени Георгія, но E. Marin (Les moines de Constantinople, p. 348) восполнилъ этотъ недостатокъ.

3) τὴν τε ἅπασαν αὐτοῦ ὑπαρξίν εἰς κατασκευὴν μοναστηρίου προθέμενος.

гою ему явилось видѣніе (§ 5). Послѣ того какъ «державный» (ὁ κρατῶν) поставилъ Θεодора во епископа, Іоаннъ принялъ игуменство. — Здѣсь останавливаются на себѣ вниманіе три вопроса: когда все это могло случиться? Гдѣ Іоаннъ сдѣлался игуменомъ? Куда былъ назначенъ епископомъ Θεодоръ? Авторъ говоритъ: τοὺς τηλικαῦτα κρατοῦντας τῶν σκήπτρων, Εἰρήνη δὲ ἦν ἡ θειοτάτη δέσποινα, гдѣ *οἱ κρατοῦντες* по отношенію къ Иринѣ не совсѣмъ точное, лучше было бы сказать: Ирина и сынъ ея Константинъ. Но если бы и въ данномъ мѣстѣ разумѣлась Ирина, агіографъ вѣроятно продолжалъ бы свое неточное выраженіе *οἱ κρατοῦντες*, но на дѣлѣ мы видимъ ὁ κρατῶν. Вотъ почему мы склонны къ допущенію, что Іоаннъ сдѣлался игуменомъ уже по смерти Ирины (802), быть можетъ при имп. Никифорѣ (802 — 811). На второй вопросъ само житіе не даетъ отвѣта. Авторъ излагаетъ такъ неопредѣленно, что невозможно заключить, гдѣ Іоаннъ былъ игуменомъ; и если бы не заглавіе нашего житія, мы можетъ быть никогда не узнали бы имени обители. Теперь мы знаемъ, что Іоаннъ былъ сдѣланъ игуменомъ Психайтскаго монастыря (въ началѣ IX в.). Что касается до брата его Θεодора, то онъ былъ сначала инокомъ Пигійскаго монастыря, потомъ пресвитеромъ Психайтскаго и занялъ епископскую кафедру одновременно съ Іоанномъ, стало быть также въ началѣ IX в. Гдѣ была эта кафедра — совершенно неизвѣстно, но вѣроятно на мѣстѣ его родины, въ Галатіи, ибо въ IX в. все еще прочно держался обычай рукополагать епископа на мѣстѣ его родины¹⁾. — Игуменъ Іоаннъ, говоритъ агіографъ, началъ возстановлять честный храмъ и упавшія и сожженныя постройки. — Van den Ven полагаетъ, что постройки были сожжены въ 813 г. болгарскимъ княземъ Крумомъ. — Собственными трудами святой возстановилъ ихъ съ бѣльшимъ блескомъ.

Между тѣмъ на престолъ вступилъ царь Левъ, эта «свинья въ грязи нечестія»; и хотя это животное было очень дѣятельнымъ (δραστηρώτατον), оно не шло выше своей природы. Онъ вооружился на икону Христа и злословилъ святыхъ его, свелъ съ трона первопрестольника, — патр. Никифора, въ 815 г.; — іереевъ жестоко изгонялъ, монастыри опустошалъ (ληϊζεται), производилъ розыски по горамъ и пещерамъ, стерегъ площади, запиралъ городскія ворота; вооружен-

1) Упоминается епископъ Θεодоръ Аморійскій VIII—IX в. (Schlumberger, Siggill. byzant., 268), однако Аморій стоялъ во Фригіи, а не въ Галатіи.

ные войны разыскивали подвижниковъ благочестія какъ враговъ (§ 9). Иоаннъ былъ оболганъ передъ новымъ, незаконнымъ, патриархомъ, — Теодоромъ Касситерою (815 — 821), — который донесъ о немъ царю. Епархъ¹⁾ вызвалъ Иоанна на судъ. — Агіографъ находится подъ очевиднымъ вліяніемъ мученической литературы. Епархи въ древнее время судили мірянъ, по прямо смѣшно говорить, чтобы въ IX в. и игуменовъ могли судить тѣ же епархи. Въ дальнѣйшемъ авторъ уже прямо говоритъ, что страданіе Иоанна было нисколько не менѣе, нежели мученичества старыхъ мучениковъ. — Побѣжденные святымъ, судьи передали Иоанна кровожадному звѣрю Льву, варвару по названію и по образу мыслей, который обнажилъ его тѣло, бичевалъ и заключилъ игумена въ тюрьму. Изъ тюрьмы послѣдовала ссылка Иоанна. — Здѣсь въ житіи замѣтно сочинительство автора. Послѣ словъ (р. 117) *εἶτα διαδέχεται τὸ δεσποτῆριον ἕξορία* агіографъ какъ бы увидѣлъ, что страданія Иоанна все еще представлены не въ достаточной мѣрѣ, и вотъ онъ прибавляетъ, что (не смотря на ссылку) игуменъ опять былъ битъ плетью и запертъ въ крѣпчайшую тюрьму, гдѣ былъ лишаемъ пищи. Распространившись объ этомъ вводномъ разсказѣ, авторъ въ дальнѣйшемъ потерялъ нить своего повѣствованія и уже ни словомъ не упоминаетъ объ *ἕξορία*. Подобная манера — нагроможденіе доказательствъ, каковы бы они ни были, — свидѣтельствуеетъ о школьной обработкѣ житія, вышедшей изъ-подъ пера неопытнаго, некритичнаго и неточнаго автора. — На сцену появляется предтеча антихриста, магъ Яннисъ (т. е. патр. Иоаннъ Грамматикъ). Послѣдній иконоборческій патриархъ, по прозванію *Κατασάμβα* (*Καλοσάμβα*), Галила, *Μωροχαρζιανός* или *Μωροχαρζάνος*, бывший до своего патриаршества игуменомъ столичнаго монастыря Сергія и Вакха, часто фигурируетъ въ житіяхъ святыхъ въ качествѣ яраго иконоборца какъ до патриаршества, такъ и послѣ, когда онъ былъ уже разбитымъ, слѣпымъ старикомъ въ отставкѣ. Въ настоящемъ житіи Яннисъ выведенъ въ эпоху до своего патриаршества, хотя и съ полномочіями архіерарха: онъ заперъ нашего святого въ высочайшемъ строеніи, зажегъ внизу огонь и ждалъ, что тотъ, вынужденный удушьемъ, спустится къ нему. Лепетъ школьника! Для чего было садить игумена въ столпъ, чтобы нужно было потомъ выгонять его оттуда посредствомъ

1) *Ἐπαρχος* = *ἑπαρχος*, ср. данныя van den Ven'a о тожествѣ этихъ реченій (р. 115).

дыма? — Закончивъ разсказъ о злоключеніяхъ святого, агіографъ патетически вопрошаетъ: кто въ состояніи передать муки святого? (§ 7).

Но вотъ имп. Льва постигъ праведный судъ,—убить 24 декабря 820 года, — и Іоаннъ, получивъ возможность, отправился въ городъ Херсонъ, лежащій около Воспора¹⁾. — Мы ожидали бы, что здѣсь-то и будетъ сказано о ссылкѣ игумена въ Херсонъ; однако ἄδεια и εὖ διατίθεσθαι говорятъ о добровольной поѣздкѣ святого въ Крымъ. Почему же агіографъ, заявивъ сначала объ изгнаніи Іоанна, потомъ тщательно затушеваль насильственность поѣздки? Основанное на преданіи, житіе это составлено изъ ряда разнаго рода легендъ. Существовала легенда о его ссылкѣ, какъ ходило въ обращеніи преданіе о его добровольномъ путешествіи. Авторъ житія началъ было пересказывать первую изъ нихъ, но потомъ, почти незамѣтно для себя, пересказаль второе преданіе. По житію, поѣздка святого состоялась послѣ 820 года, то-есть по смерти Льва, уже при Михаилѣ II. Но если мы хоть на минуту остановимся на изгнаніи, для насъ будетъ совершенно ясно, что изгнаніе это могло имѣть мѣсто въ царствованіе Льва. Извѣстно, что Армянинъ во все свое царствованіе изгоняль монаховъ, тогда какъ Косноязычный съ первыхъ же лѣтъ началъ ихъ возвращать въ столицу. Затѣмъ, добровольное путешествіе игумена въ Херсонъ, совершенно необъяснимое, производитъ странное впечатлѣніе: здѣсь у него не было ни знакомыхъ, ни самой цѣли для путешествія. Напротивъ видно, что какъ только представилась возможность, онъ изъ Херсона прибыль въ Византію, гдѣ и скончался. Такимъ образомъ мы считаемъ въ высшей степени вѣроятнымъ такое положеніе вещей, что Іоаннъ былъ сосланъ въ Херсонъ царемъ Львомъ. — Здѣсь, въ Херсонѣ, святой снова взялся за свои подвижническіе труды; во все время исполненія канона онъ держаль руки распростертыми въ воздухъ. Въ одну ночь нѣкій изъ близъ его стоявшихъ видѣль лампаду огня, исходящую изъ устъ святого; на утро онъ съ благочестіемъ разсказываль объ этомъ своимъ сосѣдямъ. Слава объ Іоаннѣ разнеслась кругомъ; всѣ больные сходились къ нему, и святой исцѣляль ихъ (§ 8). У одной женщины рука была поражена демономъ; Іоаннъ помолился, взяль больную за руку, и она выздоро-

1) Ἀδείας γοῦν ἐπειλημμένος ὁ ἅγιος καὶ τὰ καθ' ἑαυτὸν εὖ διαθέμενος ἐπὶ Χερσῶνι τὴν πόλιν χωρεῖ τὴν παρακειμένην τῇ Βοσπόρῳ.

вѣла. Нѣкій юпша, сброшенный демономъ со скалы, упаль и лишился языка и движенія: Іоаннъ исцѣлилъ его. Мѣдникъ (χαλκεύς) Анастасій, исцѣленный святымъ, жилъ у него довольно долго и потомъ снова занялся своимъ ремесломъ. Нѣкій рыболовъ (ἀλιεύς) Исидоръ также исцѣленъ (§ 9). «Такъ стекались (къ Іоанну) народы, жившіе около Воспора и расположенные внѣ святого¹⁾». Игумень считаль приходъ ихъ (συνδρομή) наказаніемъ, а хвалы ихъ — уменьшеніемъ собственной добродѣтели. Пригласивъ одного изъ своихъ учениковъ, Парөөнія, онъ посовѣтоваль ему идти въ Византію; но тотъ сказаль, что это не возможно въ виду массы (враговъ?), что трудно какъ выбратъся изъ Херсона, такъ и вернуться въ него; на это Іоаннъ предложилъ ѣхать вмѣстѣ²⁾. Ободривъ жителей или народы, Іоаннъ и Парөөній выѣхали въ Византію, чѣмъ навели на херсонитянь общую печаль. — Судя по количеству свѣдѣній изъ жизни игумена въ Херсонѣ, можно догадываться, что психаитскій игумень пробыль въ Крыму значительное время. Изъ житія выносишь впечатлѣніе, что святой соскучился по столицѣ и ѣхаль сюда обнять своихъ друзей; но еще правдоподобнѣе, кажется, думать, что онъ поѣхаль въ Византію только послѣ того, какъ вышелъ указъ объ амнистіи. При Михаилѣ II было нѣсколько моментовъ, когда сосланныхъ монаховъ правительство снова сзывало въ столицу, какъ напр. это было въ эпоху возстанія Θοмы. Когда послѣдній былъ въ М. Азіи, вызванъ былъ оттуда Θεόδωρ Студитъ; когда Θοма былъ у береговъ Θρακίи, царь могъ вызвать монаховъ съ побережья Чернаго моря, изъ боязни, какъ бы изгнанники не перешли на сторону возстанія. Послѣднее продолжалось до 823 г., до гибели Θοмы, почему около этого времени и возможно было возвращеніе Іоанна въ Константинополь.

Прибывъ въ Византію, поклонившись здѣсь честнымъ храмамъ и отдавъ должную любовь друзьямъ, Іоаннъ удалился въ опредѣленное убѣжище, обитель, — вѣроятно Психаитскую. Здѣсь онъ сказаль своему ученику, его сопровождавшему: Іоаннъ уже переселяется изъ жизни, нужно готовиться къ исходу. Парөөній повяль такъ, что предсказаніе касается его собственной жизни, поэтому сказаль: «конечно,

1) Οὕτω γοῦν συρρέοντων τῶν παραχειμένων ἐθνῶν τῇ Βοσπόρῳ θύραθεν τε τοῦ ἁγίου καθεζομένων.

2) μὴ δυνατὸν φήσαντος εἶναι ἐαθῆναι ἡμᾶς ὑπὸ τοῦ πλήθους εἰς ἔργον τοῦτο προαγαγεῖν, παλινδρομεῖν, ὃ σφώτατος φησιν, αὐτοῖς ὑποδώμεθα καὶ αὐτὸ τέλος ἡμῖν τοῦ σκοποῦ γένοιτο. Въ другомъ спискѣ чтеніе значительно отличное.

(ты говоришь) обо мнѣ, отче»? Но Іоаннъ явственно сказалъ, что умираетъ онъ, игумень. Передъ смертью онъ собралъ учениковъ и преподавалъ имъ обычное (συνήθης) наставленіе (§ 10): укрѣпляйтесь въ подвигахъ за благочестіе, до конца храните вѣру непоколебимо, считайте себя гостями міра (§ 11)¹). По смерти святого одна сумасшедшая женщина приходитъ къ его гробу. На крикъ ея сбѣжался весь городъ, всѣ отложили страхъ передъ царемъ — вѣроятно, Михаиломъ II, 820—829, — и прибыли сюда, чтобы видѣть мощи («Дотолѣ царилъ зловоніе ереси»): тогда и упомянутая женщина исцѣлилась отъ бѣса. Другая женщина имѣла слѣпота отъ рожденія ребенка, принесла и повергла его къ ногамъ святого: ребенокъ прозрѣлъ. Съ трудомъ, изъ-за тѣсноты, присутствующіе могли предать землѣ тѣло Іоанна, который приложился къ іереямъ какъ іерей, къ мученикамъ какъ мученикъ, къ преподобнымъ какъ преподобный (§ 12). Не забудь, замѣчаетъ агіографъ, предстательствовать предъ Богомъ о паствѣ твоей, но какъ ты при жизни пекся о ней, такъ и по кончинѣ ограждай ее, чтобы волкъ не вырвалъ овцы изъ стада (§ 13).

Данныя житія св. Іоанна слишкомъ скудны и общи, чтобы на основаніи ихъ можно было извлечь изъ памятника какія либо хронологическія даты. Неизвѣстно, когда святой родился, неизвѣстно, когда онъ и умеръ. «Памяти» и житіе пріурочиваютъ кончину его къ 25 мая; изъ житія можно догадываться о кончинѣ въ царствованіе имп. Михаила Травла (820 — 829). Въ виду значительнаго, какъ можно думать, времени, проведеннаго Іоанномъ въ Херсонѣ (до 823 года), и въ виду короткаго пребыванія его передъ смертью въ Константинополѣ, можно допустить, что святой скончался въ половинѣ 20-хъ годовъ IX столѣтія.

ГЛАВА IX.

Пафлагонія (Амастрида, Тій, Дадивры).

Житіе Іоанна Готскаго. — Ж. Георгія Амастридскаго. — Константина Тійскаго Слово объ обрѣтеніи мощей Евфиміи Всехвальн. — Никиты-Давида Пафлагонина ж. патріарха Игнатія.

Пафлагонская область, имѣвшая историческія связи съ Крымскимъ полуостровомъ, невольно привлекаетъ къ себѣ взоры русскаго историка. Частыя путешествія Крымскихъ Скивовъ въ Амастриду и пафла-

1) Ср. выше, стр. 41—42.

гонскихъ грековъ въ Крымъ, то съ цѣлью грабежа, то съ цѣлью торговли, даютъ понять, что историческій путь между Крымомъ и Византіею былъ не сухопутный, а морской, и первымъ этапнымъ пунктомъ на этомъ пути была собственно не Византія, а Амастрида и вообще пафлагонское побережье. Пафлагонія — первая область имперіи, которая принимала удары сѣверныхъ народовъ, и первая область, которая получала скиѣскіе товары. Здѣсь память о Крымѣ была живою, не книжною, здѣсь должны были знать о положеніи крымскихъ народовъ лучше, нежели въ самой столицѣ. Къ сожалѣнію, пафлагонская литература, къ тому же только агіографическая, очень скромная и мало даетъ положительныхъ свѣдѣній о зарѣ русской исторіи, и чѣмъ менѣе извѣстій, тѣмъ болѣе они служатъ предметомъ споровъ въ ученой литературѣ.

Современное и подробное житіе Іоанна, епископа Готскаго, написанное повидимому въ Амастридѣ, до насъ не дошло; взамѣнъ того мы имѣемъ лишь βίος ἐν συντόμῳ, которое В. Г. Васильевскій изслѣдовалъ въ качествѣ современнаго и оригинальнаго; о немъ мы говоримъ во второй части настоящаго сочиненія.

Знаменитое своимъ отношеніемъ къ Русской исторіи житіе Георгія Амастридскаго, сохранившееся въ единственномъ Парижскомъ кодексѣ X столѣтія¹⁾, уже съ давняго времени послужило предметомъ ученыхъ споровъ въ области русской исторіи. Акад. Васильевскій со свойственною ему обстоятельностью изложилъ ученую судьбу памятника и снабдилъ его такимъ широкимъ изслѣдованіемъ, послѣ котораго не остается мѣста для новыхъ догадокъ и предположеній. Впрочемъ, житіе Георгія представляется въ слѣдующемъ видѣ²⁾.

Въ предисловіи анонимный резонеръ-агіографъ исходитъ отъ гимнастическаго сравненія: администраторы допускаютъ къ гимнастическому состязанію лишь тѣхъ лицъ, которыя доказали свою физическую способность; а его, автора, «духовные подвигоположники» толкаютъ на арену слова совсѣмъ не подготовленнаго къ дѣлу; взягься

1) Cod. Paris. 1452, f. 57 r. — 75 г., изслѣдованіе житія, Васильевскаго, въ Ж. М. Н. Пр. 1878, февр. 277—306, мартъ 128—161; по гречески съ русскимъ переводомъ издано акад. Васильевскимъ: Русско-византійскія изслѣдованія. Спб. 1893, II. 1—73 Приложенія; полатыни въ AA. SS. Boll. 21 февраля, III. 269—279. Корректурны и поправки къ изданію, П. В. Никитина, въ «Зап. Имп. Акад. Наукъ» (Mémoires, VIII-e série, cl. hist-philol. I. 1). Спб. 1895 стр. 27—48.

2) Изложеніе житія также у Васильевскаго, стр. XXVIII—XLV; W. von Gutzeit. Ueber die Lebensgeschichte des heiligen Georgios von Amastra.

за работу было бы дерзостью, но и откладываніе, нерѣшительность, возбудило бы подозрѣніе въ пренебреженіи и только продлило бы испытаніе; но дерзновеніе какъ результатъ ревности, представляетъ, кажется, меньшую опасность, чѣмъ небреженіе, этотъ признакъ души лѣнивой и близкой къ отчаянію (§ 1). Акад. Васильевскій правильно заключилъ отсюда, что житіе Георгія есть первый литературный опытъ агіографа. Послѣ этого дается общая характеристика Георгія, начинающаяся словами: «кто же не знаетъ этого великаго и небеснаго произрастѣнія, слава котораго прозвучала отъ края до края, котораго чудеса многочисленны, а подвиги еще многочисленнѣе? «Онъ былъ угоденъ въ глазахъ царей ради своего пророческаго дара и былъ уважаемъ сановниками ради необычайности чудотворенія; онъ былъ пзвѣстенъ блескомъ своей добродѣтели патріархамъ ранѣе своего священства», «былъ страшенъ для враговъ и дорогъ для своихъ» (§ 2). Программа автора обнимаетъ такимъ образомъ не только жизнь Георгія, но и посмертныя его чудеса.

Родители Георгія, Θεодосій и Μεγεθα (Μεγεθώ), давшіе агіографу поводъ къ игрѣ словами, жили въ очень богатомъ и сильномъ мѣстечкѣ Кромнахъ около «славной» Амастриды¹⁾ (§ 3). Они до старости не имѣли дѣтей, и когда обѣщались посвятить дѣтище свое Богу, узы безплодія были разрѣшены (§ 4). Посѣщая по обыкновенію храмы, Μεγεθα во время беременности проходила однажды въ преддверіяхъ церкви мимо сидѣвшихъ тутъ наиболѣе видныхъ лицъ городка, которыя, кажется, прошли на счетъ ея положенія²⁾. Ночью они увидѣли во снѣ страшныхъ мужей съ палицею въ рукахъ, которые требовали у нихъ извиненія передъ обиженной ими женщиною, ибо не было оказано надлежащей чести своему архіерею, то-есть плоду въ утробѣ женщины. Именитые граждане по утру явились къ Μεγεθῆ, извинились передъ нею и рассказали ей о своемъ снѣ (§ 5). Не довольствуясь этимъ, она отправилась къ одному прозорливцу, который предсказалъ дитяти имя Георгія, помазаніе священства и дары божественной благодати; агіографъ разсуждаетъ далѣе на тему, почему дѣти отъ бесплодныхъ всѣ знамениты, тогда какъ рожденные не отъ бесплодной не всѣ прославлены (§ 6).

1) Стр. 5: τῆς πλησίον τῆς περιβλέπτου Ἀμάστριδος οἰκήτορες γεγονότες τῶν Κρωμνηνῶν πολίχνης, τῆς τῷ πολλῷ πλούτῳ καὶ τῇ δυναστείᾳ διασήμου χρηματισίας.

2) Стр. 8: ἐμφανισθῆναί τισι τῶν τῆς πόλεως προαχόντων ἐν τοῖς τοῦ ναοῦ προτεμενίσμασι προσκαθεζομένοις ἐπισυμβέβηκεν, οἵτινες οὐδὲν πλέον ἢ ὡς γυναῖκα ἐσεβάσθησαν.

Родился дѣйствительно мальчикъ. — Акад. Васильевскій, приурочивая вступленіе его на епископскую кафедру къ 790 г., а съ другой стороны допуская, что по каноническимъ правиламъ Георгій ранѣе 30 лѣтъ и не могъ быть рукоположеннымъ, полагаетъ, что святой родился ок. 760 года. — На третьемъ году жизни, когда онъ, страннымъ образомъ, все еще ползаль, не безъ интригъ демона, онъ обжегъ себѣ руки и ноги, каковой случай агіографъ толкуетъ иносказательно, что врагъ желалъ лишить будущаго воина Христова средствъ для борьбы со змѣемъ (§ 7), — однако изъ житія совсѣмъ не видно, чтобы Георгій боролся съ иконоборчествомъ. По оказаніи медицинской помощи, ребенокъ выздоровѣлъ, но развивался болѣе разумомъ, нежели физически. Сдѣлавшись способнымъ къ ученію, онъ былъ отданъ школьнымъ учителямъ (τοῖς παιδοτρίβαις ἐκδίδοται); изучилъ всю энциклическую науку (πᾶσαν ἐγκύκλιον παιδείαν), какъ нашу (ἡμετέρα, духовную), такъ и внѣшнюю, причемъ первую всецѣло, а вторую только въ извлеченіи полезнаго. Чуждый ребяческихъ рѣзвостей, онъ уже въ началѣ возраста обнаруживалъ качества старцевъ; убѣгалъ удовольствій юности, не любилъ слушать мірскихъ разговоровъ, звуковъ напѣвовъ, созданныхъ для возбужденія удовольствія, и рѣчей рассказчиковъ (γελοιαστῶν ἀνθρώπων, § 8). По достиженіи зрѣлаго возраста онъ былъ взятъ къ себѣ дядею, занимавшимъ тогда епископскій престолъ на родинѣ¹⁾, для того, чтобы участвовать въ церковной обычной жизни и быть посвященнымъ во всякое церковное благолѣпіе и устройство (§ 9). — До Георгія Ле-Кенъ знаетъ двухъ архіереевъ на кафедрѣ Амастридской церкви: Іоанна (при Львѣ Исаврѣ) и Григорія (современника VII вселенскаго собора); представляется возможнымъ допустить, что этотъ Григорій и могъ быть дядею Георгія.

Жизнь въ Амастридѣ, повидимому, не понравилась Георгію, и онъ «тайкомъ удалился изъ своей родины, не помысливъ о какихъ либо большихъ сборахъ для своего исхода, не взявъ съ собою ни суммы, ни жезла, ни мѣди въ поясѣ, ни множества слугъ, ни чего-либо другого, что требуется для удобства путешествія²⁾; но одинъ только домашній слуга, одно вьючное животное были достаточны; всего менѣе

1) Стр. 17: εἰσποιεῖται παρὰ τοῦ ἱερέως καὶ θεοῦ τὸ τηλικαῦτα τὸν τῆς πατρίδος θρόνον διέποντος.

2) Въ Житіи Лазаря Галисійскаго (XI в.): οὐ πῆραν, οὐ ῥάβδον, οὐκ ἄρτον, οὐκ ἄλλο τι τῶν πρὸς τροφήν (Сообщ. Имп. Прав. Пал. Общ. 1897, февр., стр. 20 отд. отд. Отчета о поѣздкѣ на Афонъ).

заботился о старости родителей, объ этомъ пресловутомъ и благовидномъ препятствіи на пути къ лучшему» (§ 10). У подошвы горы Агріосирики (Ἀγριοσηρικῆ) онъ отослалъ слугу съ выючнымъ животнымъ домой, а самъ удалился въ глубину лѣса, вдаль отъ городского шума, гдѣ не ступала еще нога человѣка. На вершинѣ горы онъ нашелъ пещеру, въ которой жилъ одинъ пустынный-прозорливецъ, поселился здѣсь и облачился въ монашескую схиму (§ 11).—Очевидно Агріосирика находилась гдѣ-то въ Пафлагоніи, не далеко отъ Амастриды. Объ известной горѣ Κύτωρον, получившей прозваніе отъ города Κύτωρος, однако, не можетъ быть рѣчи, такъ какъ, по свидѣтельству Евстафія Солунскаго, городъ Κύτωρος сохранилъ свое названіе до конца XII вѣка¹⁾,—а стало быть и гора едва ли могла переимѣнить свое имя; впрочемъ, эпитетъ «Агріосирика», то-есть Дико-шелковая, могъ относиться къ Китору по какому либо частному случаю; во всякомъ случаѣ трудно отыскать современное названіе горы. — Вскорѣ Агріосирикійскій аскетъ скончался. Передъ смертью онъ посоветовалъ Георгію идти «въ монастырь, который туземцы называютъ Вониссою»²⁾; «это та Вонисса, замѣчаетъ агіографъ, о которой такъ много говорятъ и которая такъ славится добродѣтелию, въ которой соборище монаховъ, живущее на земли равноангельски». Георгій отправился въ монастырь и былъ принятъ тамъ безпрепятственно (§ 12). — Монастырь Βόνυσσα (вѣроятно въ Пафлагоніи) почти несомнѣнно тождественъ съ тѣмъ монастыремъ Βόνυσαι, игуменъ котораго присутствовалъ на VII вселенскомъ соборѣ³⁾, и несомнѣнно отличенъ отъ нынѣшняго каппадокійскаго селенія «Ванисса» и отъ Анатолійской крѣпости «Вонита». — Здѣсь Георгій всецѣло предался подвигамъ: изучалъ св. Писаніе, читалъ житія святыхъ, исторію Іосифа (Прекраснаго), книгу Іова, и изъ всего извлекалъ для себя примѣры для подражанія (§ 13); такъ онъ проводилъ каждый день и каждую ночь (§ 14).

Съ тѣхъ поръ прошло много времени (χρόνος οὐκ ὀλίγος). Слава о подвижничествѣ Георгія достигла до Амастриды. По смерти тамошняго предстоятеля (вѣроятно Григорія), жители рѣшились на его

1) Στέφανος. Περί πόλεων, ed. Berkel. p. 486. Сагра-дахъ? (къ востоку отъ Амастриды).

2) Стр. 22: πρὸς μονήν τινα παραγενέσθαι, ἣν οἱ ἐγχώριοι Βόνυσσαν προσαγορεύουσιν.

3) В. Васильевскій, стр. LXII; о безразличіи ед. и мн. чиселъ см. «Визант. Врем.» 1897, IV. 366. Святогорецъ Никодимъ, отождествивъ Βόνυσσα съ Βόνιτζα, страннымъ образомъ приурочилъ монастырь къ Акраніи, близъ Ξερόμερον.

мѣсто выбрать Георгія, для чего отправили къ нему посольство изъ избранныхъ людей города, частью членовъ священнаго собора, частью представителей городского управленія (*οἱ ἐν τέλει*, § 15). Въ рѣчи своей послы указывали на долгъ Георгія родинѣ и просили уплатить плату за воспитаніе воспитавшимъ, оказать городу честь прибытіемъ, а церкви — утвержденіемъ на епископскомъ сѣдалищѣ (§ 16). Георгій отклонилъ предложеніе гражданъ, но тѣ не сдались и деликатно похитили подвижника (§ 17), съ которымъ прибыли въ Константинополь къ патр. Тарасію. Знакомство Тарасія съ Георгіемъ было давнее. Когда первый числился еще «въ придворномъ чинѣ, исполняющемъ тайную царскую службу, чтò на языкѣ италійскомъ называется «секретарствомъ»¹⁾, совершалъ всенощное псалмопѣніе и раздавалъ плату народу, Георгій, постоянно сопровождавшій своего дядю, хотя и участвовалъ въ совершеніи онаго священнаго псалмопѣнія, но принять плату отказался, замѣтивъ Тарасію, что онъ получитъ лучшую награду въ будущей жизни. Секретарь былъ пораженъ добродѣтелью молодого человѣка, и теперь хотѣлъ, чтобы Георгій немедленно былъ рукоположенъ во архіерея (§ 18).—Неожиданная подробность изъ болѣе ранняго времени жизни Георгія (до 784 г.) не должна насъ беспокоить, такъ какъ житіе написано не по принципу хронологической послѣдовательности, а по ассоціаціи идей именъ и сходства.—Но тутъ нѣкоторое затрудненіе сдѣлалъ самъ царь, предназначавшій на тотъ же самый епископскій престолъ другого. Патріархъ, созвавъ весь духовный чинъ, произвелъ испытаніе обоимъ мужамъ, результатомъ чего было избраніе Георгія, который получилъ помазаніе іерейства, оставилъ столицу, гдѣ успѣлъ обратить на себя вниманіе царей, влостей и властвуемыхъ, магнатовъ и убогихъ, и отправился на родину съ представителями Амастриды (§ 19). Описывается небесное одобреніе и радость небожителей по случаю избранія (§ 20). — Исходя изъ того соображенія, что Іоаннъ Готескій, вскорѣ послѣ собора 787 года прибывшій въ Амастриду, былъ принятъ здѣсь епископомъ Георгіемъ, и что царь имѣлъ своего кандидата на Амастридскую кафедру (Константинъ сдѣлался единодержавнымъ въ 790 г.), акад. Васильевскій склоненъ къ догадкѣ, что рукоположеніе Георгія состоялось около 790 года.

1) Стр. 30: ἐν τῷ τάγματι δὲ τῶν τὴν μυστικὴν ἐπιτελοῦντι βασιλικὴν χρῆσιν καταλεγμένων, ὅπερ ἀσηχρήτης (a secretis) τῇ Ἰταλῶν διαλέκτῳ προσαγορεύεται.

Въ поздніе сравнительно годы святительства Георгія Амастридская церковь получила самостоятельность — по слѣдующему случаю. Новый митрополитъ, прибывъ въ Амастриду, «съ видомъ послушанія» отправился для представленія къ Гангрскому митрополиту (отъ котораго онъ зависѣлъ); но тотъ, «показывая свою обычную надменность и обнаруживая злоправіе и грубость тщеславнаго или же ненавидящаго людей человѣка», оттолкнулъ его отъ себя. Тогда Георгій написалъ посланіе императору, который и отдѣлил Амастридскую кафедру отъ Гангрской, давъ ей самостоятельное мѣсто; «я сказалъ объ этомъ не потому, чтобы это стояло прежде въ порядкѣ событій, или совершилось въ началѣ; напротивъ, по времени это есть гораздо позднѣйшее событіе, но (упомянуто о немъ ранѣе) для того, что къ тому пришла рѣчь и чтобы не возвращаться второй разъ къ тому же предмету» (§ 21). Новый митрополитъ былъ встрѣченъ при всеобщемъ стеченіи народа; старики забыли о своей старости и съ юношескою бодростью шли на встрѣчу къ нему; больные, женщины и дѣти — всѣ бѣжали въ запуски и опережали другъ друга; дороги, улицы — все было полно народомъ (§ 22). Георгій одинаково обращалъ вниманіе и на священныя установленія, и на благочиніе алтаря, и на устройство духовнаго чина; заступался за вдовъ и сиротъ, питалъ нищихъ, сбавлялъ долги и совершенно прощалъ долговья обязательства, сострадалъ единоплеменникамъ и питалъ жалость къ нуждающимся (§ 23). За нихъ онъ ходатайствовалъ передъ царями, передъ властителями и между прочимъ передъ сборщиками податей (*οἱ τὰ δημόσια διωκῆότες*). Изъ дѣлъ Георгія на пользу народа приводится одинъ примѣръ. «Было нашествіе непріятелей и притомъ болѣе тяжкое изъ всѣхъ когда либо упоминаемыхъ нашествій¹⁾. Всякій полъ и возрастъ былъ увлекаемъ руками незаконныхъ; тѣ, которые были способны къ оружію, всѣ брались въ плѣнъ, а всѣ старцы и дѣти были предаваемы смерти мечемъ... земля полна была крови, села полны рыданій, все изображало персидскій плѣнъ іудеевъ (?). Агарянское племя (*τὸ Ἀγαρηῶν φύλον*) относительно жестокости нисколько не уступаетъ персидской свирѣпости, но еще во столько превосходитъ персовъ грубостью, во сколько уступаетъ имъ въ мужествѣ». Дѣти на рукахъ матерей погибали отъ меча; матери старались подставить свои шеи, чтобы не видѣть смерти

1) Стр. 38: ἔφοδος ἦν πολυμίων καὶ τῶν πρόποτε μνημονευομένων ἐφόδων χαλεπωτέρα τυγχάνουσα.

своихъ дѣтей; дитя въ одно и тоже время припадало къ сосцамъ материнскимъ и получало смертельный ударъ въ свое сердце; мать подставляла грудь къ устамъ ребенка и принимала кровь его въ родное лоно (§ 24). Среди всѣхъ этихъ сценъ, Георгій, не думая о своей собственной безопасности, съ крестомъ въ рукахъ, поспѣшно обходилъ сосѣднія села, собиралъ пасомыхъ и утверждалъ ихъ внутри града. Господь обходомъ одного іерея спасаетъ городъ многолюдный и обращаетъ вспять народъ, исполненный бѣшенства; тогда можно было видѣть бѣгущихъ, когда никто ихъ не преслѣдовалъ, и падающихъ, когда никто не пускалъ въ нихъ стрѣль (§ 25). И это тѣмъ удивительнѣе, что Георгій не пользовался ни вооруженнымъ войскомъ противъ непріятельскаго строя, не имѣлъ ни всадниковъ, ни стрѣлковъ, ни чего либо другого, пригоднаго въ боѣ, но одинъ, безоружный, поднятіемъ рукъ къ Богу спасаетъ отчизну (§ 26).—Отъ конца VIII и начала IX в. мы знаемъ о двухъ нашествіяхъ Сарацинъ, которыя могутъ имѣть отношеніе къ походу, описанному въ житіи: въ 797 г. Гарунъ-ал-Рашидъ взялъ пограничную со стороны горъ Тавра и Киликіи крѣпость Сафсадъ, между тѣмъ какъ другіе отряды проникли до Анкиры (Ангоры) и Аморія; Каппадокія и Галатія сильно пострадали; въ 811 году Сарацины производили разбой у г. Евхаитъ, недалеко отъ Аминса. Акад. Васильевскій (стр. LXXII) отдаетъ предпочтеніе 797 году, говоря, что разстояніе до Амастриды вовсе не было такимъ большимъ, чтобы можно было оставаться спокойнымъ въ послѣдней, когда не подалеку стояла непріятельская армія.

Другое чудо Георгія, по словамъ агіографа, еще болѣе удивительное. Амастридскіе купцы въ Трапезунтѣ вслѣдствіе ложнаго доноса о нарушеніи таможенныхъ правилъ (*δημοσίως συκοφαντηθέντες ἐγκλήμασι*) были схвачены и переданы воеводою (*παρὰ τοῦ στρατηγοῦντος*) на заключеніе въ государственной тюрьмѣ въ ожиданіи казни мечемъ. Находясь въ полномъ отчаяніи (§ 27), они были услышаны сострадательнымъ ихъ соплеменникомъ: Георгій, не убоявшись длиннаго пути, не отговариваясь тѣлесною болѣзнію, ни зимнимъ временемъ, ни труднымъ плаваніемъ, сѣлъ на корабль и поплылъ въ Трапезунтъ; плаваніе его было спокойное и море тихое (§ 28). Между тѣмъ оруженосецъ воеводы, называемый по италійски комисъ-кортисъ¹⁾, узнавъ

1) Стр. 46: ὁ τοῦ στρατηλάτου ὑπασπιστῆς τῆς κόρτης, οὕτως τῇ Ἰταλῶν διαλέκτῳ λεγόμενος.

о прибытіи Георгія, съ новою силою возобповилъ обвиненіе ложныхъ доносчиковъ, бранился и выдумывалъ, что купцы за многое повинны смерти и совершили величайшее преступленіе, вопіялъ, что нарушены будутъ законы и оскорблены всѣ обычаи, если они не будутъ подвергнуты наказанію за свою продерзость. Воевода уже поддавался его внушеніямъ (§ 29). Но вотъ супруга его теряетъ зрѣніе. Воевода круто измѣнился: просилъ, умолялъ, плакалъ, рыдалъ, признавалъ свой грѣхъ и обѣщалъ исправленіе, оставилъ прежнюю суровость и сдѣлался благорасположеннымъ. Георгій исцѣлилъ ослѣпшую и получилъ купцовъ, а клеветники просили у него прощенія (§ 30).—Нѣтъ возможности хотя бы и съ приблизительною точностью опредѣлить время пребыванія Георгія въ Трапезунтъ: рассказъ этотъ поставленъ агіографомъ рядомъ съ нашествіемъ Сарацинъ лишь по однородности главной идеи — заступничества Георгія за своихъ земляковъ. Трапезунтъ находился въ рукахъ Византіи и тамошній воевода долженъ былъ руководствоваться дѣйствующимъ византійскимъ законодательствомъ. Но въ Византіи за нарушеніе таможенныхъ правилъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало казни мечемъ, а положено было тѣлесное наказаніе, остриженіе волосъ въ знакъ безчестія и штрафъ¹⁾; въ этомъ рассказѣ замѣтно очевидное преувеличеніе агіографа, столь склоннаго ко всякаго рода эффектамъ; подобное преувеличеніе (смертная казнь вмѣсто простого наказанія) мы встрѣтили и у агіографа Теодора Студита (стр. 175).—Одна женщина просила святого отслужить въ ея молитвенномъ домѣ литургію (§ 31), но при этомъ забыла о томъ, что потребно для божественной литургіи, — о хлѣбѣ и винѣ. Когда окончилось поученіе и наступило время начинать литургію и когда при этомъ не оказалось потребнаго для предложенія, то святой, сотворивъ чудо, получилъ хлѣбъ и вино (§ 32). Распространяясь о пренебреженіи къ тѣлесной нуждѣ, обнаруженномъ женщиною, агіографъ между прочимъ замѣчаетъ: «о, если бы съ самаго начала люди не изобрѣтали ни сухопутной, ни морской торговли, ни безвременныхъ заботъ, ни долгихъ трудовъ и хлопотъ, безсонныхъ бдѣній, всѣхъ этихъ горькихъ исчадій сребролюбія, ради котораго бываютъ ненависти, убійства и кораблекрушенія, ради котораго существуютъ разбойники, воры и хищники, ради котораго — ложь, клятвы и клятвопреступленія и тысячеобразный рой другихъ преступленій!» (§ 33).

1) В. Васильевскій, стр. LXXVIII.

Изъ Трапезунта Георгій вернулся съ купцами въ Амастриду и затѣмъ отправился въ Константинополь, гдѣ тогда царствовала импер. Ирина. Царица и сынъ ея Константинъ любили Георгія, скучали по немъ, желали его всегда видѣть при себѣ, раздѣлять съ нимъ царство, но онъ не любилъ пребыванія во дворцѣ и близости къ самодержцамъ, какъ будто видя въ этомъ что-то постыдное (§ 34). Въ Византіи онъ проявилъ даръ пророчества, неясными намеками указывая на исходъ событій. «Въ это время государственными податями завѣдывалъ¹⁾ логоетъ, по имени Никифоръ, находившійся въ числѣ друзей и знакомыхъ Георгія; причемъ онъ не только въ дѣлахъ, касающихся души, но и житейскаго быта, имѣлъ руководителемъ святого, дабы и жизнь его, и слово, и дѣло направлялись благимъ образомъ. И вотъ, пожелавъ пріобрѣсти покупкою домъ, онъ сообщилъ о своемъ дѣлѣ всегдашнему своему во всемъ наставнику; стремленіе его было остановлено, но за то подано было указаніе на ожидающее его царство; именно святой изрекъ ему, что спустя немного времени онъ сдѣлается наслѣдникомъ одной вдовствующей женщины, владѣтельницы большихъ домовъ; при этомъ подразумѣвалась царица, послѣ которой Никифоръ наслѣдовалъ царство. Но тогда онъ не понялъ загадочно высказаннаго указанія на дѣло; когда же предреченное исполнилось и онъ уразумѣлъ пророческій даръ святого, то уже ни во что вмѣнялъ царскую діадему и всю власть надъ Ромеями²⁾ — въ сравненіи съ тѣмъ (преимуществомъ), чтобы раздѣлять трапезу, находиться вмѣстѣ и жить подъ однимъ кровомъ съ нимъ; онъ презиралъ и самую порфиру и тайно одѣвался въ его хитонъ и покровъ, и это считалъ за нѣкоторый талисманъ и укрѣпленіе своего царствованія; онъ пренебрегалъ высокими кроватями и повергалъ себя долу» (§ 35).—Нѣтъ основанія заподозривать знакомства Никифора съ Георгіемъ, но совершенно сомнительнымъ кажется извѣстіе агіографа, будто бы Никифоръ ни во что вмѣнялъ царскую діадему и, считая другомъ своимъ святого, тайкомъ покрывался его мантиею для охраненія своего царства (однако мантия не уберегла его отъ роковой кончины). Все это не факты, а личные разсужденія автора, а какъ таковыя, они имѣютъ общій характеръ, а не частный, примѣнительно къ этому императору. Про Θεодосія II извѣстно, что онъ тяготился у кормила правленія, ревновалъ іордан-

1) τῶν δημόσιων φόρων προϊστάς, Νικήφορος ἦν τῷ Λογοθέτῃ ὄνομα.

2) стр. 56: οὐδὲν ἦν αὐτῷ τὸ βασιλικὸν διάδημα, οὐδὲ πᾶσα ἡ τῶν Ῥωμαίων ἀρχή.

скому аскету и покрывался мантиею Хевронскаго епископа¹⁾; про Льва V рассказываютъ, что онъ такъ полюбилъ Михаила Синкелла, Θεодора и Θεοφана (Начертанныхъ), что пребываніе съ ними считалъ болѣе высшимъ наслажденіемъ, нежели корона и порфира; про Никифора II извѣстно, что онъ тяготился скипетромъ царства, любилъ Аѳанасія Аѳонскаго и покрывался мантиею своего дяди св. Михаила Малейна до дня своей гибели²⁾; про нашего Николу Святошу извѣстно, что онъ промѣнялъ корону на монашескій клобукъ, что его мантиею покрывался братъ его Изяславъ до дня со своей катастрофы³⁾. Къ царствованію имп. Никифора I (802 — 811) акад. Васильевскій (стр. LXV) относитъ перемѣну въ іерархическихъ отношеніяхъ Памфлагоніи, указанную въ Житіи выше (§ 21). Съ давняго времени Амастрида составляла епископію, подвѣдомственную Гангрской митрополіи, но уже въ такъ называемомъ спискѣ патр. Никифора (806 — 815) замѣтно въ кодексахъ колебаніе: въ однихъ удерживается еще старое преданіе, но въ другихъ Амастрида помѣщается уже въ числѣ автокефальныхъ архіепископій. Въ связи съ данными Житія становится возможнымъ приуроченіе означеннаго событія къ 802—806 году. — «Совершая однажды плаваніе по Евксинскому понту въ свое отечество (изъ Константинополя), святой очутился въ нѣкоемъ мѣстѣ, гдѣ находится теченіе Сангарія, — а Сангарій есть рѣка, текущая по странѣ Галатовъ; корабль присталъ при самомъ впаденіи рѣки въ море, гдѣ происходитъ нѣкоторая борьба рѣчнаго теченія съ морскимъ, причемъ первое сильно напираетъ, а море подъ вліяніемъ воздушныхъ вѣяній вздымается и изрыгаетъ свои волны на твердую землю, — когда же подуетъ съ суши настоящій вѣтеръ, то оно сильно затрудняетъ пловцовъ, а иногда и поглощаетъ ихъ въ бездну вмѣстѣ съ кораблями». Во время плаванія Георгія вѣтеръ дулъ съ особенною силою, такъ что разрывалъ и пѣнилъ воду, издавая потрясающій гулъ. Святой, едва выбравшись на сушу при помощи гребцовъ, сталъ на берегу и воздѣвъ руки къ небесамъ, запретилъ вѣтру и укротилъ бурю (§ 36). Георгій облагодѣтельствовалъ чудотвореніями какъ современниковъ, такъ и потомковъ (§ 37). Слѣдуютъ сравненія его съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ, Іосифомъ, Моисеемъ и Аарономъ, Финеесомъ, Давидомъ и Іліею, Петромъ, Павломъ и Іоанномъ (§ 38)

1) Визант. Врем. 1898. V, 79.

2) Ibid. 80.

3) Ibid. 80.

и общая характеристика святого (§ 39). Георгій умеръ «за два дня до десятаго числа мѣсяца Дистра» (8 февраля); «и можно было видѣть стеченіе царей и архіереевъ¹⁾, слезы и неутѣшный плачь властителей и властвуемыхъ; одни оплакивали въ немъ образецъ для хорошаго управленія, другіе — для добраго повиновенія властямъ; и вотъ онъ предается боголѣпно погребенію руками іереевъ» (§ 40). Близкій современникъ, хорошо знавшій жизнь святого, подробно описалъ бы самую болѣзнь и ходъ ея, между тѣмъ агіографъ располагаетъ скуднымъ запасомъ свѣдѣній, недостатокъ которыхъ старается восполнить резонерствомъ и витіеватостью изложенія; и самая фраза о присутствіи на похоронахъ царей и архіереевъ дышитъ какою-то стереотипностью. Гдѣ умеръ Георгій — не сказано, но вѣроятно въ Амастридѣ; когда онъ скончался — также не опредѣлено. Имя имп. Никифора — послѣднее, которое встрѣчается въ Житіи. Акад. Васильевскій полагаетъ, что Георгій не пережилъ правленія Логоѳета и указываетъ на 806 годъ, какъ на вѣроятный предѣлъ жизни святого. Дѣйствительно, въ это время Никифоръ съ соимператоромъ Ставракіемъ были въ Малой Азіи и могли явиться въ Амастриду для оказанія послѣдней почести архіерею, имѣвшему особыя права на ихъ уваженіе. И это тѣмъ болѣе правдоподобно, что какъ разъ въ это время отправлено было для заключенія мира съ Гаруномъ императорское посольство, состоявшее изъ митрополита Синнадскаго, Петра, игумена Гулейскаго монастыря, и Григорія, эконома Амастридскаго²⁾: назначеніе послѣдняго лица ничѣмъ инымъ не можетъ быть объяснено, какъ только личнымъ присутствіемъ и знакомствомъ императоровъ съ экономомъ въ Амастридѣ.

Георгій по смерти творилъ много чудесъ, исцѣляя сумасшедшихъ (ὕπο πνευμάτων ἀκαθάρτων ὀχλούμενοι), прикоснувшихся къ его гробу, паралитиковъ (μέλεσι παρεμμένοι), которыхъ приносили на носилкахъ и которые уходили на собственныхъ ногахъ, ослѣпшихъ (στέρησις τῶν ὀφθαλμῶν), которыхъ приводили ко гробу; однако агіографъ изъ многихъ чудесъ выбираетъ для разсказа «одинъ или два» (§ 41). «Былъ сильный дождь, способный покрыть всѣхъ когда-либо существовавшихъ множествомъ водъ и напоивающій, можно сказать, подобіе другого потопа; наводнялись горы, плавали въ водѣ долины; дома, храмы

1) стр. 63: ἦν ἰδαῖν συνδρομὴν βασιλέων καὶ ἀρχιερέων.

2) Theoph. I, 482; въ превосходномъ указателѣ фонъ Боора имена Петра и Григорія пропущены.

были полны водою; отчасти текущая сверху черезъ крышу, отчасти проникающая снизу чрезъ двери, вода наполнила все; городъ вслѣдствіе напора волнь со всѣхъ сторонъ какъ бы плавалъ въ морѣ, колебался въ своихъ основаніяхъ и угрожалъ разрушеніемъ. . . . Когда храмъ (съ мощами Георгія) наполнился водою, то эта вода никакъ не приближалась ко гробу святого; . . . и можно было видѣть, какъ влажная и жидкая стихія превратилась въ нѣчто совсѣмъ противоположное, и стала по ту и другую сторону гроба, какъ нѣкая твердая и неподвижная стѣна, такъ что гробницы не коснулась даже малѣйшая сырость» (§ 42).—О наводненіи, постигшемъ Амастриду, упоминается только въ этомъ памятникѣ; оно могло произойти, по мнѣнію акад. Васильевскаго, даже не отъ дождя, а просто отъ морскаго прилива и затонить городъ, расположенный на длинной косѣ, вдающейся въ море, особенно если плотины не было. Но еще вѣрнѣе, какъ кажется, думать, что здѣсь имѣется обычный легендарный разсказъ о пропавшихъ или затонувшихъ городахъ, о чемъ специально писали проф. Н. О. Сумцовъ (1895 г.) и В. Н. Перетцъ (1904 г.). Но говоря о затопленіи Драча (Епидавра, *Durchasium*'а, *Durazzo*), упомянутомъ Серапіономъ Владимірскимъ, изслѣдователи не знали, что въ основѣ его лежитъ преданіе, записанное Созоменомъ и Иеронимомъ Стридонскимъ въ житіи Иларіона Великаго.

«То, что слѣдуетъ далѣе, еще болѣе удивительно. Было нашествіе варваровъ, Руси, народа, какъ всѣ знаютъ, въ высшей степени дикаго и грубаго¹⁾, не носящаго въ себѣ никакихъ слѣдовъ челоуѣколюбія. Звѣрскіе правами, безчеловѣчные дѣлами, обнаруживая свою кровожадность уже однимъ своимъ видомъ, ни въ чемъ другомъ, что свойственно людямъ, не находя такого удовольствія, какъ въ смертоубійствѣ, они — этотъ губительный и на дѣлѣ и по имени народъ, — начавъ разореніе отъ Пропонтиды и посѣтивъ прочее побережье, достигли наконецъ и до отечества святого²⁾, посѣкая нещадно всякій полъ и всякій возрастъ, не жалѣя старцевъ, не оставляя безъ вниманія младенцевъ, но противу всѣхъ одинаково вооружая смертоубійственную руку и спѣша вездѣ пронести гибель, сколько на это у нихъ было силы. Храмы ниспровергаются, святыня оскверняется: на

1) стр. 66: ἔφοδος ἦν βαρβάρων τῶν Ῥῶς· ἔθνους, ὡς πάντες ἴσασιν, ὀμοτάτου καὶ ἀπηνούς.

2) ἀπὸ τῆς Προποντίδος ἀρξάμενον τῆς λοιμῆς καὶ τὴν ἄλλην ἐπινεμηθὲν παράλιον, ἔφθασεν καὶ μέχρι τῆς τοῦ ἀγίου πατρίδος.

мѣстѣ ихъ (нечестивые) алтари, незаконныя возліанія и жертвы, то древнее таврическое избіеніе иностранцевъ, у нихъ сохраняющее свою силу¹⁾. Убіиство дѣвиць, мужей и женъ; и не было никакого помогающаго, никого, готоваго противостать. Лугамъ, источникамъ и деревьямъ воздается поклоненіе²⁾. Верховный Промыслъ допускаетъ это можетъ быть для того, чтобы умножилось беззаконіе, что, какъ мы знаемъ изъ Писанія, много разъ испыталъ Израиль (§ 43). Пастырь добрый не былъ на лицо тѣломъ, а духомъ былъ съ Богомъ, и въ непостижимыхъ судахъ Его читая, какъ посвященный, лицомъ къ лицу, медлилъ заступленіемъ и откладывалъ помощь. Но въ конецъ онъ не возмогъ презрѣть, и вотъ онъ и здѣсь чудодѣйствуетъ не меньше, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Когда варвары вошли во храмъ и увидѣли гробницу, они вообразили, что тутъ сокровище, какъ и дѣйствительно это было сокровище. Устремившись, чтобы раскопать оное, они вдругъ почувствовали себя разслабленными въ рукахъ, разслабленными въ ногахъ, и связанные невидимыми узами, оставались совершенно неподвижными³⁾, жалкими, будучи полны удивленія и страха, и ничего другого не имѣя силъ сдѣлать, какъ только издавать звуки голоса (§ 44). А ихъ предводитель (ἡγεμών), когда увидѣлъ необычайное явленіе, исполнился тоже страха и ужаса, и приказавъ подвести одного изъ уведенныхъ въ плѣнъ, спрашивалъ его, что означаетъ случившееся и какого Бога это сила, и что такое было здѣсь закопано, и какимъ образомъ пострадали воины. Тотъ отвѣчаетъ: это сила Бога, все приведшаго изъ небытія въ бытіе и творящаго все Ему угодное, которому никто не можетъ противорѣчить — ни царь, ни тираннъ, ни князь, ни варваръ, ни кто-либо другой, кого только ты можешь называть, ни даже цѣлый народъ: ибо Имъ цари царствуютъ и владѣтели владѣютъ землею. Что же отвѣчаетъ варваръ? Развѣ мы не приносимъ, говоритъ онъ, каждый день жертвы богамъ, устраивая алтари и возліанія?—Но, человѣче, это никакъ не суть истинные боги, которыми вы совершаете возліанія: не такія жертвы угодны нашему Богу; ни въ чемъ не нуждается тотъ, кто надъ всѣми владычествуетъ. — Но существуетъ ли какая другая жертва, которая бы угодна была вашему Богу? И какъ нуждающійся въ ней можетъ счи-

1) стр. 67: ἡ ταυρικὴ ξενοκτονία ἐκείνη ἢ παλαιὰ παρ' αὐτοῖς νεάζουσα.

2) λιμῶνες καὶ κρήναι καὶ δένδρα σεβαζόμενα.

3) стр. 68: παρειμένοι ὤφθησαν χεῖρας, παρειμένοι πόδας, καὶ δεσμοῖς ἀοράτοις πεδηθέντες, ἔμειναν ὄλωσ ἀκίνητοι.

таться ни въ чемъ не имѣющимъ нужды? — Самъ Онъ ни въ чемъ не нуждается, но будучи благимъ, принимаетъ благія дѣянiя, приносимыя Ему отъ чистаго помышленiя. Кто же явился чистымъ предъ Нимъ своими благими дѣлами, тотъ удостоивается величайшей чести и при жизни и по смерти. — А какая это честь? спрашиваетъ (варваръ).— Все, что ни захотѣли бы, творить во имя Его и благодѣлствовать почитающимъ ихъ, и останавливать тѣхъ, кто покушается не воздавать имъ чести: вслѣдствiе того и твои воины, какъ видишь, осмѣлившись раскопать этотъ гробъ (были наказаны): такъ какъ прикосновенiе нечистыхъ рукъ варварскихъ было оскорбленiемъ лежащему въ немъ, то по своему дерзновенiю предъ Богомъ онъ связалъ руки и ноги ихъ; и если хочешь узнать, что все это истина, то принеси Ему дары, умиловивъ чрезъ посредство насъ христiанъ, и люди твои освобождены будутъ отъ обдержавшихъ ихъ печалей.—А какими дарами можно ему угодить и какiя приношенiя Онъ принимаетъ? — Елей и воскъ, какъ это обычно у христiанъ, и освобожденiе плѣнныхъ, сохраненiе почтенiя къ храмамъ. Если все это хочешь сотворить и соблюсти, то увидишь своихъ воиновъ здоровыми, какъ прежде (§ 45). Варваръ, пораженный этимъ, обѣщалъ все сдѣлать какъ можно скорѣе. Давъ вольность и свободу христiанамъ, онъ поручилъ имъ ходатайство предъ Богомъ и предъ святымъ. И вотъ устраивается щедрое возженiе свѣтильниковъ, и всенощное стоянiе, и пѣнопѣнiе; варвары освобождаются отъ божественнаго гнѣва, устраивается нѣкоторое примиренiе и сдѣлка съ христiанами, и они уже болѣе не оскорбляли святыни, не попирали божественныхъ жертвенниковъ, уже не отнимали болѣе нечестивыми руками божественныхъ сокровищъ, уже не оскверняли храмовъ кровiю. Одинъ гробъ былъ достаточно силенъ для того, чтобы обличить безумiе варваровъ, прекратить смертоубiйство, остановить звѣрство, привести свирѣпыхъ волковъ къ кротости овецъ и заставить тѣхъ, которые поклонялись рощамъ и лугамъ (*ἄλση καὶ λιμῶνας*), уважать божественные храмы (§ 46). Разсужденiя агiографа по случаю этого чуда слѣдующiя: «Видишь ли силу гроба, поборовшаго силу цѣлаго народа? Видишь ли силу гроба, заставившаго волка настись рядомъ съ агнцемъ, какъ это говорится у Исаи (XI, 6), и тигра покоиться вмѣстѣ съ козленкомъ? Видишь ли славу гроба, сияющую чудесами, какъ лучами солнца? Видишь ли прахъ сильнѣйшiй многихъ стрѣлъ и копьевъ? Видишь ли останки, смягчившiе силу, поражающую въ сердце? О, видимый гробъ и мы-

сленное сокровище! О, гробъ, искупившій гробы и многимъ доставившій миръ! О, гробница, слава которой достигла до предѣловъ океана! О, прахъ, развѣявшій варваровъ и сокрушившій оружіе, сѣкиру и войну! О, останки, скрываемыя, но драгоцѣннѣйшіе злата, свѣтлѣйшіе многоцѣнныхъ камней и пышнѣйшіе виссона и порфира, могущественнѣйшіе царей, христіанъ сила и гордость! (§ 47). Обращаясь къ святому, авторъ восклицаетъ: «воззри на насъ свыше, сохраняя твоихъ пѣснопѣвцевъ (τοὺς σοὺς ὑμνητάς), освобождая отъ грѣховъ, охраняя отъ паденій, спасая отъ ударовъ, бѣдствій, обстояній, опасностей и всякой скверны! Снизойди къ смѣлости, съ которою я взялся за предприятие похвалъ твоихъ, но благосклонно прими (доброе) произволеніе, такъ какъ и оно угодно Богу! Мое предприятие не есть проявленіе легкомыслія, но произведеніе горячей вѣры и дружбы къ подвигнувшему меня на него—знаменитому и славному Іоанну, любителю изящнаго¹⁾). Побуждаемый его увѣщаніемъ, чтобы не навлечь на себя обвиненія въ непослушаніи, я пустился въ это море похвалъ. Потерпѣвъ неудачу, я радуюсь столько же, сколько бы въ другихъ случаяхъ радовался, одержавъ побѣду. Ибо (въ этомъ случаѣ) словесное пораженіе только доказываетъ самымъ дѣломъ величіе восхваляемаго: оно обнаруживаетъ высоту добродѣтели; а сама она является ручательствомъ близости къ Богу. Того ради явися намъ заступникомъ, помощникомъ и защитникомъ! Подаждь намъ еще больше поводовъ къ похваламъ (новою) придачею чудесъ твоихъ! По дерзновенію твоему предъ Богомъ, охрани градъ сей (τὴν πόλιν σοῦ ταύτην), соблюди сіе твое стадо!» (§ 48).

Прежде чѣмъ говорить о значеніи приведенной выписки, необходимо поставить вопросъ о личности агіографа, о времени, когда онъ жилъ, а также о личности Іоанна, по порученію котораго Житіе написано, — о личности, въ которой заключается наиболѣе надежный путь къ окончательной разгадкѣ вопроса о времени написанія похвалы Георгію. Акад. Васильевскій такъ или иначе уже отвѣтилъ на эти вопросы и тѣмъ въ значительной мѣрѣ избавилъ изслѣдователей отъ новыхъ изысканій. Постараемся изложить существенные его выводы.

1) стр. 73: πίστεως δὲ διαπύρου τὸ σπούδασμα καὶ τῆς τοῦ εἰς τότε συνωθήσαντος ἐγχείρημα φιλίας Ἰωάννου τοῦ κλεινοῦ καὶ τῶν καλῶν ἔραστοῦ. Въ Житіи Θεодора Студита (Migne, XCIX, 233, 245) ἔρασταὶ τῶν καλῶν — любители добра, въ противоположность людямъ безпечнымъ. Тоже выраженіе встрѣчается въ диепирамбѣ Θεοφάνу и у Георгія Никомидійскаго.

Анонимное житіе Георгія написано вскорѣ послѣ кончины святого (стр. СXXXVI) и вообще въ первой половинѣ IX столѣтія (стр. СXII). Въ это время главными представителями византійской агиографіи были два лица: діаконъ Игнатій (до-Фотіевскаго времени) и философъ Никита Пафлагонынинъ (послѣ Фотія). Игнатій родился ок. 770—774 г. и получилъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ протаскриты Тарасія; во время патриаршества послѣдняго (784—806) Игнатій, въ санѣ діакона Великой церкви, прошелъ подъ его руководствомъ энциклопедическое образованіе, ознакомившись кромѣ св. писанія и церковной христіанской письменности еще и съ эллинскою мудростью; въ такомъ случаѣ онъ учился у Тарасія одновременно съ пребываніемъ въ Константинополь юноши Георгія, прибывшаго съ дядею изъ Амастриды ок. 785 г., и былъ развѣ немногимъ его моложе. Близкій человѣкъ къ патриархамъ Тарасію и Никифору, Игнатій однако не уберегся отъ заблужденія: подъ угрозою былъ уловленъ въ сѣти иконоборства и далъ въ томъ свое рукописаніе. Въ позднее время (ок. 846 г.) онъ сдѣлался митрополитомъ Никейскимъ. По словамъ Свиды, онъ «написалъ житія Тарасія и Никифора, святыхъ и блаженныхъ патриарховъ, надгробныя елегіи, письма, ямбы на Оому бунтовщика, что называютъ «τὰ κατὰ Θωμά», и многое другое». Изъ этого многого другого можно назвать еще житіе Григорія Декаполита, непоименованное Свидою, въ своихъ надписаніяхъ носящее имя Игнатія и относящееся также къ періоду иконоборчества, а равнымъ образомъ Житіе Георгія Амастридскаго. Агиографическіе труды его слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: 1) Житіе Георгія, первый литературный опытъ автора, написано было въ такую эпоху его жизни, о которой авторъ говорилъ съ сожалѣніемъ и раскаяніемъ, въ періодъ примирительнаго и хотя по внѣшности дружелюбнаго отношенія къ иконоборцамъ; и дѣйствительно въ Житіи Георгія есть ясные признаки умышленнаго умолчанія о иконахъ (стр. LXXIV, LXXXII). 2) Житіе Григорія Декаполита, важное для исторіи иконоборчества и отмѣчающее иконоборческихъ епископовъ, съ которыми приходилось сталкиваться Григорію; этотъ святой въ бытность свою въ Константинополь останавливался у своего будущаго агиографа Игнатія¹⁾ и имѣлъ въ числѣ учениковъ нѣкоего Іоанна, отличавшагося краснорѣчіемъ, съ которымъ Игнатій былъ хорошо знакомъ. 3) Житіе

1) Ошибочность этой догадки указывается нами при разборѣ Житія Григорія.

патр. Никифора, написанное вскорѣ послѣ его смерти (829 г.); здѣсь Игнатій вспоминаетъ о своемъ невольномъ заблужденіи и проситъ святого подать ему помощь при выходѣ на путь истины. По поводу перенесенія мощей Никифора (846 г.) Игнатій составилъ ему канонъ.

4) Житіе патр. Тарасія, написанное до 846 года; здѣсь авторъ жалуется уже на свою старость и немощи. Желаніе связать житіе Георгія съ авторствомъ Игнатія, бывшаго нѣкоторое время иконоборцемъ, заставило акад. Васильевскаго впасть въ ошибку: Житіе Георгія, по его словамъ, написано ранѣе Житія патр. Никифора; между тѣмъ послѣднее явилось въ 30-хъ гг., а первое, съ его же точки зрѣнія, въ половинѣ 40-хъ годовъ IX столѣтія. «Рѣчь Игнатія, продолжаетъ русскій академикъ, въ доподлинныхъ его сочиненіяхъ пересыпала оборотами, отдѣльными словами и сентенціями изъ классическихъ и другихъ образцовъ; важно, замѣчаетъ русскій академикъ (стр. CVII), что всѣ черты, сколько-нибудь обрисовывающія литературную физіономію Игнатія, могутъ быть наблюдаемы и въ Житіи Георгія Амастридскаго». Здѣсь повторено нѣсколько выраженій изъ Гомера и Еврипида; встрѣчается масса сентенцій и классическихъ именъ; «стиль, манера, литературные приемы, свойственные автору Амастридскаго Житія, близко сходятся съ тѣми, какіе замѣчаются въ агіографическихъ трудахъ Игнатія». Для образца приводится параллель: преслѣдованіе иконопочитателей изъ Житія Никифора и нашествіе сарацинъ изъ Житія Георгія; отдѣльныя выраженія въ родѣ: «пускаться въ море похвалъ», «не имѣть въ себѣ никакихъ слѣдовъ», опредѣленіе слова «секретарь» — одинаковы какъ тамъ, такъ и здѣсь; сравненіе святого съ ветхозавѣтными пророками и новозавѣтными апостолами — также одинаково. Съ другой стороны Житіе Георгія не имѣетъ ничего общаго со стилемъ произведеній Никиты Пафлагонянина: хотя послѣдній былъ епископомъ по сосѣдству съ Амастридою, написалъ похвалу св. Іакинѣу Амастридскому и говорилъ о нашествіи Руся (въ Житіи патр. Игнатія), тѣмъ не менѣе его произведенія совсѣмъ иной школы. — Іоаннъ, поручившій написать похвалу для произнесенія ея при гробѣ Георгія, конечно былъ Іоаннъ Амастридскій же и можетъ быть преемникъ св. Георгія на кафедрѣ. Дѣйствительно, извѣстенъ Іоаннъ, предстоятель Амастридской церкви, котораго Ле-Къенъ ошибочно отнесъ ко времени Льва Исавра. Ле-Къенъ извлекъ свѣдѣнія объ Іоаннѣ изъ свидѣтельства Николая Комнина Пападопуло, канониста XVII—XVIII вѣка, у котораго Іоаннъ названъ другомъ

Оеодора Студита. Іоаннъ грамматикъ переписывался съ Оеодоромъ между прочимъ по вопросу объ иконахъ¹⁾; онъ и могъ занимать Амастридскій престолъ въ IX вѣкѣ. Итакъ, по мнѣнію акад. Васильевского, Житіе Георгія написано діакономъ Игнатіемъ по порученію преемника Георгіева, Амастридскаго архіепископа Іоанна въ первой половинѣ IX вѣка.

Но если Игнатій писалъ житіе Георгія, то остается не доказаннымъ, чтобы онъ могъ жить въ Амастридѣ. Русскій ученый сознаетъ эту слабость, но обходитъ ее замѣчаніемъ, что о первоначальной жизни Игнатія, о его отношеніи къ Пафлагоніи, ничего не извѣстно. Но при этомъ знаменитый ученый забываетъ, что Игнатій, по его же словамъ, родился около 770 г., молодость провелъ въ Константинополѣ и не только до 806 г., до смерти Георгія, но и до 842 г., времени нашествія Русскихъ, не могъ получить литературнаго заказа; если бы онъ былъ авторомъ житія, то это могло быть только въ періодъ съ 842 до 844 года, до времени вступленія его на Никейскую кафедру. И если бы Іоаннъ правилъ престоломъ съ 807 г. и поручилъ составленіе житія около половины IX столѣтія, то было бы невѣроятно полагать, чтобы онъ же правилъ кафедрой и въ половинѣ 840 годовъ, т. е. гораздо болѣе 35 лѣтъ, да къ тому же и самъ Игнатій въ это кажется время былъ уже престарѣлымъ митрополитомъ, авторомъ житій Никифора и Тарасія. Чтобы выйти изъ этого заколдованнаго круга, надобно вовсе отказаться отъ принадлежности Похвалы Игнатію: сходства литературныхъ приемовъ, замѣчаемыхъ въ Житіи Георгія и въ Житіи Никифора, совсѣмъ еще не могутъ указывать на одного автора; на одну школу—да. Разрушая Куниковскій параллелизмъ Фотія и агіографа о русскомъ нашествіи, самъ же Васильевскій находитъ его не убѣдительнымъ, явившимся просто отъ того, что два автора заговорили объ одномъ и томъ же предметѣ и потому у нихъ оказалось нѣсколько общихъ выраженій. Тоже должно сказать и въ данномъ случаѣ. Напротивъ общія замѣчанія агіографа о большинствѣ чудесъ святого и самый характеръ сочиненія—Похвала—указываютъ, что произведеніе написано въ позднее время, когда недостатокъ подробностей о чудесахъ и вообще о жизни Георгія нужно было восполнить риторикою и резонерствомъ. Но отрицая участіе въ дѣлѣ Игнатія, мы дорожимъ открытіемъ акад. Васильевскимъ личности

1) Migne, Patr. gr. XCIX, 1532: 'Ιωάννη Γραμματικῷ; ср. col. 1588, 1637.

Іоанна, хотя и тутъ позволяемъ себѣ нѣкоторыя отступленія отъ его взгляда. Грамматикъ Іоаннъ, переписывавшійся съ Θεодоромъ Студитомъ около 816—820 года и называемый этимъ послѣднимъ «святостью», могъ и не быть въ то время епископомъ; «святостью» Θεодоръ называлъ также и игуменовъ; простое названіе Іоанна также говорить не въ пользу его епископства, а скорѣе въ пользу его настоятельства въ монастырѣ. Этого грамматика Іоанна мы позволяемъ отождествить съ тѣмъ философомъ Іоанномъ, «усерднымъ любителемъ діалектики»¹⁾, съ которымъ переписывался патр. Фотій по вопросу о пророчествахъ. Ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что Іоаннъ уже въ молодыхъ годахъ зарекомендовавшій себя ученостью, позже является съ именемъ философа, любителя діалектики или, если угодно, «изящнаго» (ибо и самъ агіографъ Георгія стремился быть изящнымъ); понятнымъ становится и то, почему агіографъ не рѣшался приступить къ сочиненію, имѣя въ виду такого компетентнаго судью, какъ философъ и діалектикъ Іоаннъ. Допуская, что грамматикъ Іоаннъ переписывался съ Θεодоромъ на 25 году жизни, мы заключимъ, что онъ родился ок. 795 года; съ Фотіемъ онъ могъ переписываться ок. 865 г., когда Іоанну было подъ 70 лѣтъ. По свидѣтельству Николая Пападопуло, онъ былъ епископомъ Амастриды, и могъ во времена Фотія поручить одному изъ амастридскихъ монаховъ составленіе похвалы Георгію. Біографъ 50 лѣтъ спустя послѣ смерти святого конечно располагалъ немногими данными о его жизни, не былъ въ состояніи послѣдовательно обозрѣть его жизнь и потому избралъ особый планъ въ похвалѣ — передачу событій по ассоціаціи идей именъ и сходства. Мы должны отказаться отъ надежды найти имя агіографа (хотя Никита все-таки невольно приходитъ при этомъ на умъ), но за то можемъ утѣшиться, что онъ вышелъ изъ школы Игнатія, и приурочить его ко времени 858 — 867 и 878 — 886 годовъ, когда патріаршествовалъ Фотій и жилъ философъ Іоаннъ, любитель риторики²⁾. Впрочемъ, послѣднюю дату мы не принимаемъ въ расчетъ, ибо во второмъ періодѣ своего патріаршества Фотій писалъ письма исключительно благодарственныя или заклинительныя, смотря по тому, поддерживалъ, или не

1) Φωτίου ἐπιστολαί, ὑπὸ Ἰ. Ν. Βαλλέττα. Ἐν Λονδίῳ 1864, σ. 404, № 78: Ἰωάννη φιλοσοφοῦντι—σὲ τὸν διάπυρον τῆς διαλεκτικῆς ἐραστῆν.

2) Существуютъ письма Фотія къ Іоанну Помпейпольскому (въ Пафлагоніи) и Іоанну Ираклійскому (близъ Пафлагоніи), но нѣтъ основанія считать ихъ инициаторами въ дѣлѣ прославленія Георгія.

поддерживалъ адресать его сторону въ періодъ 869 — 878 годовъ; литературными и богословскими вопросами въ письмахъ онъ интересовался до 869 года.

Приурочивъ появленіе Житія приблизительно къ 865 году, посмотримъ отсюда на русскій походъ, въ немъ описанный. Съ сожалѣніемъ, подавляемымъ самостоятельнымъ убѣжденіемъ въ противности, переходя отъ своего учителя на сторону А. А. Куника, мы должны разсматривать амастридское нашествіе Русскихъ какъ частный походъ одной общей экспедиціи 860 года. Большая часть русскаго флота, прибывшаго къ южному берегу Чернаго моря, двинулась направо къ Босфору, опустошила острова на Мраморномъ морѣ и осадила Константинополь; но часть его направилась влѣво, дошла до Амастриды, гдѣ и остановилась. Здѣсь русскіе хотѣли было ограбить храмъ съ какимъ-то большимъ ларцемъ, думая, что тутъ собраны драгоценности; но когда вмѣсто денегъ они увидѣли покойника, они помирились и на томъ, что до сихъ поръ награбили; поставили свѣчку неизвѣстному, но нахваленному имъ Богу для благополучнаго плаванія и вернулись на родину¹⁾. Греки Амастры, какъ и Греки Константинополя, увидѣли въ отступленіи враговъ чудо святого и чудо Богоматери. Патр. Фотій первый явился выразителемъ общаго настроенія: въ двухъ рѣчахъ, а затѣмъ въ окружномъ посланіи по поводу Русскаго нашествія онъ первый далъ Русскимъ суровую характеристику, какъ народа грубаго и кровожаднаго. Рѣчи Фотія, произнесенныя въ маѣ 860 года и отвѣчавшія на жгучій вопросъ современности, могли сдѣлаться извѣстными и въ провинціяхъ, а окружная грамота его, какъ официальная

1) Cedr. II, 178: τὰ δὲ ἐν τῷ Εὐξείνῳ καὶ πᾶσαν τὴν αὐτοῦ παραλίαν ὁ τῶν Ῥῶς ἐπόρθει καὶ κατέσχευε στόλος καὶ αὐτῇ δὲ τῇ βασιλίδι δεινὸν ἐπέσειε κίνδυνον. А. Куникъ (О запискѣ Готскаго топарха, Спб. 1874, стр. 102) допускаетъ единство похода: Русскіе отступили отъ Константинополя и вѣроятно послѣ того уже разграбили Амастриду; но акад. Васильевскій, подробно изучившій значеніе Пропонтиды, какъ географическаго термина, и указавшій прежде всего, что Пропонтидою назывался какъ Босфоръ, такъ и Дарданеллы, пришелъ къ заключенію, что для обозначенія Босфора существовали наименованія: Στενὰ Προποντίδος (Зосима), [прибавимъ отъ себя: ἡ Προποντις τοῦ Στενοῦ (Ник. Катаскепинъ: Виз. Врем. 1897, IV, 383)], Ἀνάπλους Προποντίδος (Ефремій), Προποντις (Генесій) = Στενὸν (Кедринъ), ἡ Προποντις ἡ ἔξω τοῦ Εὐξείνου πέδου (Θеодосій Мелитинскій); въ такомъ смыслѣ употреблена Προποντις и въ Житіи Георгія, и потому о Мраморномъ морѣ для этой части русскихъ судовъ не можетъ быть и рѣчи; для точнѣйшаго опредѣленія русскій академикъ, найдя Προποντις (въ Житіи Стефана Новаго) въ значеніи «части моря, вдающейся въ материкъ», склоненъ думать, что агіографъ Георгія Пропонтидою обозначилъ взморье отъ рѣки Сангарія до Амастриды.

бумага, несомнѣнно попала и въ Амастриду. Агіографъ, описывая чудо Георгія по поводу нашествія, для характеристики народа прибѣгъ къ словамъ патріарха и свободно воспользовался его выраженіями. Къ параллелямъ, приведеннымъ акад. Куникомъ (стр. 98) и акад. Васильевскимъ (стр. XLIX), присоединимъ еще нѣкоторыя, соответствующія также и описанію Агарянскаго нашествія. Слова Фотія о избіеніи русскими половъ (р. 219 ed. Nauck) агіографомъ отнесены къ Агарянамъ (стр. 38—39) и къ Русскимъ (стр. 67); слова Фотія о несчастіяхъ Израїля (р. 207, 227, 229, 230) агіографомъ также отнесены къ Агарянамъ (стр. 39) и къ Русскимъ (стр. 67); слова Фотія о избіеніи Русскими младенцевъ подъ сосцами матерей (р. 219) отнесены агіографомъ только къ Агарянамъ (стр. 40).

Очень близкое отношеніе къ только что разсмотрѣнному житію представляетъ иного рода агіографическій памятникъ того же времени. Пафлагонскій городъ и епископская кафедрѣ Тій (Τίος), какъ кажется, подвѣдомственная Амастридской епископіи, также выставила агіографа—въ лицѣ тійскаго епископа Константина. Повидимому пафлагонскій уроженецъ, Константинъ въ молодости, въ концѣ VIII и началѣ IX в., жилъ въ Константинополѣ, вѣроятно проходившій образованіе въ патріаршей школѣ, былъ знакомъ съ Георгіемъ Амастридскимъ, который просилъ его написать рассказы о св. Евфиміи Всехвальнѣй. Сначала Константинъ написалъ слово о пребываніи мощей ея въ Константинополѣ, у Ипподрома, но оно повидимому не сохранилось до нашего времени; потомъ, какъ кажется до 837 г., онъ составилъ слово объ обрѣтеніи мощей ея: *Κωνσταντίνου τοῦ ἀγιωτάτου ἐπισκόπου Τίου λόγος εἰς τὴν εὐρεσιν τοῦ λαψάνου τῆς ἀγίας καὶ πανευφρήμου μάρτυρος Εὐφρημίας, προτραπέντος παρὰ Γεωργίου τοῦ ἀγιωτάτου ἐπισκόπου Ἀμάστρης*¹⁾. И такъ какъ подъ епископомъ амастридскимъ Георгіемъ мы можемъ разумѣть не кого другого, какъ того святого, житіе котораго мы только что разсмотрѣли, мы должны сказать, что литературный заказъ былъ выполненъ епископомъ Константиномъ уже спустя много лѣтъ послѣ кончины Георгія. Въ 869 г. еп. Константинъ присутствовалъ на константинопольскомъ соборѣ и подписался подъ его актами по поводу возстановленія патр. Игнатія; онъ присутствовалъ тамъ также и въ 878 г. по поводу возстановленія Фотія на патріаршествѣ; умеръ послѣ 880 года.

1) Cod. Athon.-Laur. Δ 79, XII в., f. 129—136 (Ἀλάστρης): "Ὡς τὸ ἐπίταγμα φέρον (AA. SS. Boll., сентябрь, V, 274—283).

Разсказъ о перенесеніи мощей св. Евфиміи Всехвальной, принадлежащій перу Тійскаго (въ Пафлагоніи) епископа Константина, вообще говоря, заслуживаетъ полного вниманія, ибо написанъ если не современникомъ описываемыхъ имъ событій, то по крайней мѣрѣ близкимъ по времени лицомъ. Ле-Къенъ (I, 576) и другіе ученые правильно отождествляютъ его съ тѣмъ епископомъ Константиномъ, который присутствовалъ на соборахъ 869 и 878 годовъ и который стало быть стоялъ сначала на сторонѣ патр. Игнатія, а затѣмъ Фотія. Слово основано на разсказахъ иконопочитателей (быть можетъ Никиты Мономаха и другихъ) и отчасти на личномъ знакомствѣ съ мѣстностью, о которой идетъ рѣчь. Но такъ какъ изустные разсказы объ иконоборчествѣ въ IX в. доходили до чудовищныхъ размѣровъ, то естественно, что мало критичный авторъ на ряду съ несомнѣнно вѣрными извѣстіями пользовался и темными, смутными источниками.

Въ предисловіи онъ обращается къ «всесвятѣйшему отцу», котораго называетъ любителемъ всякаго добраго начинанія и «учителемъ моего грубаго разума»; исполняя его порученіе, агіографъ сознается въ своей неспособности выполнить возложенную на него задачу, въ своемъ невѣдѣніи и грубости, и если приступаетъ къ написанію, то только изъ боязни не исполнить отеческаго порученія; намѣревается изложить то, «что я слышалъ отъ людей благочестивыхъ и что видѣлъ собственными глазами», какъ мощи Евфиміи были унесены на окраины (ἐπὶ τῆς ὑπερορίας), погибли, были найдены и принесены «на позоръ и безчестіе тѣхъ, которые смѣютъ возставать противъ славы святыхъ» (§ 1).

Въ прошедшія лѣта царствовалъ нечестивый царь Левъ изъ рода Исавріявъ, не честно захватившій престолъ; онъ началъ лаять на церковь Божию и подъ предлогомъ благочестія разрушать иконы; св. патриарха Германа бичевалъ безстыдно и свергъ съ престола; мощи мучениковъ презиралъ и называлъ благочестивыхъ костепоклонниками (ὀστεολάτραι, § 2). Мощи Евфиміи невредимо лежали въ храмѣ ея имени около Ипподрома¹⁾, будучи принесены вмѣстѣ съ ракою изъ Халкидона въ Константинополь вслѣдствіе тогдашняго пашествія «Персовъ» на Византію. Надъ ковчегомъ былъ воздвигнутъ жертвенникъ; внизу его лежали мощи, а наверху совершалось таинство Тѣла и Крови Господней. Въ ковчегѣ находилось небольшое отверстіе, «ко-

1) 275: ἐν τῷ ταύτης κατὰ τῆς πλησίον τοῦ λεγομένου ἰπποδρόμου ὄντι.

торое и до нынѣ существуетъ» и въ которое могла входить человѣчская рука. «Однажды, говоритъ Константинъ, я недостойный осмѣлился всунуть туда руку, дотронулся до мѣста, почувствовалъ благоуханіе и сподобился благодати». Это замѣчаніе, опережающее событіе, показываетъ, что Константинъ лично видѣлъ раку съ мощами въ Константинополѣ. Когда Персы, во дни царя Ираклія, заняли Халкидонскую страну, они захотѣли сжечь мощи Евфиміи, но послѣднія остались въ огнѣ невредимыми: изъ ковчега выходило только пламя въ видѣ шара сквозь упомянутое отверстіе (§ 3). Жители Константинополя, «какъ мы выше сказали»¹⁾, питали глубокую вѣру, приходили въ храмъ Евфиміи и обильно получали здѣсь исцѣленія; кровь отъ мощей, исполненная благовопія, исходила подобно мѣру и раздавалась больнымъ людямъ. Тогда царь Левъ со своими сторонниками въ глубокую ночь сдѣлалъ нападеніе на храмъ, открылъ ковчегъ, взялъ мощи Евфиміи вмѣстѣ съ ихъ ящичкомъ, а на мѣсто ихъ вложилъ высохшія кости одного покойника; мощи Евфиміи вмѣстѣ съ деревянною ракою онъ положилъ въ одномъ изъ молитвенныхъ отдѣленій въ царскихъ палатахъ (ἐν τοῖς βασιλείοις); сестры и дочери его стали только почитать ихъ (§ 4).—О сестрахъ Льва Исавріянина нѣтъ нигдѣ упоминаній, а изъ дочерей его извѣстна одна, Анна, бывшая замужемъ за Артаваздомъ и ниже названная Ἀρταβάστια.

Узнавъ о томъ, царь перенесъ мощи въ Вуколеонъ (ἐπὶ τὸν Βουκολέοντα) и въ Сидиру (τὴν Σιδιρᾶν) и бросилъ ихъ въ море. — Это, по видимому, значитъ, что изъ царскихъ палатъ онѣ были перенесены въ приморскій дворецъ Вуколеонъ (со статуями борющагося вола со львомъ) и затѣмъ на пристань «Желѣзную». Изъ повѣсти о Римской иконѣ, о которой рѣчь ниже, видно, что въ VIII вѣкѣ пристань эта называлась Амантіевою и только позже стала называться Сидирою. — На другой день царь собралъ селентій (σελέντιον ἀσεβὲς ποιησάμενος), въ которомъ хулилъ Евфимію и говорилъ: «идите и посмотрите на заблужденіе тѣхъ, которые говорили, что мощи Евфиміи цѣлы и невредимы». — Здѣсь разумѣется собраніе 730 года, повлекшее за собою отставку патр. Германа; о немъ говоритъ Теофанъ (I, 408) и агиографъ Стефана Новаго (выше стр. 122). — Присутствовавшіе на селентіи отиравились и нашли не мощи, а сухія кости, разбили ковчежець и

1) Это замѣчаніе даетъ право на предположеніе, что Константинъ Тійскій написалъ и Акты св. Евфиміи, гдѣ говорилось о пребываніи мощей около Ипподрома и о почитаніи ихъ жителями столицы.

жертвенникъ, вынули изъ престола ковчегъ, служившій жилищемъ для некрещенныхъ (!) и неграмотныхъ людей, и ввалили его на плѣнниковъ¹⁾; другіе вооруженные люди (*ζαβαροί*) и ремесленники поставили въ немъ печи и выстроили мірской домъ; на св. амвонѣ (*βῆμα*) совершали будто бы даже испражнения (§ 5). Не достойно было великаго императора прибѣгать къ столь грубымъ обманамъ и такъ кощунствовать надъ святынею.—Болѣе ранній свидѣтель, авторъ Житія Стефана Новаго, говоря о селентіи 730 года, ни слова не упоминаетъ о мощахъ Евфиміи; очевидно все это распространила въ IX вѣкѣ стонущая народная молва, въ которой правда была уже потеряна.—«Когда я, рассказываетъ Константинъ, видѣлъ это, я весь исполнился слезъ и стенаній и вышелъ, пораженный долготерпѣніемъ Вседержителя Бога». Когда мощи Евфиміи были брошены въ море, то, по домостроительству Божію, вышла изъ Софійской гавани (*τοῦ λιμένος τῶν λεγομένων Σοφίῶν*, со стороны Пропонтиды, названной такъ въ честь Софіи, супруги Юстина II, иначе называвшейся гаванью Юліана) лодка съ двумя благочестивыми братьями. Выѣхавъ немного изъ гавани, они замѣтили, что подлѣ ихъ корабля что-то брошено въ воду. Они тотчасъ вытащили, положили предметъ въ судно, думая, что везутъ мірское сокровище. Поднявъ паруса, они поплыли, чтобы выйти черезъ устье Авиды (*τὸ τῆς Ἀβύδου στόμιον*); но открывъ немного находку, они увидѣли, что это мощи. Ночью во снѣ они увидѣли великую славу, свѣтъ, свѣчи и мужей въ блистающихъ ризахъ и славившихъ Христа. Почувствовавъ запахъ благоуханія, они убѣдились въ томъ, что это дѣйствительно мощи. Они ѣхали въ свое отечество тайно, изъ боязни передъ тиранномъ (§ 6). Достигнувъ острова Лимна (*Λίμνος*, въ Егейскомъ морѣ, близъ устья Геллеспонта), они испытали морскую бурю и когда вошли въ мысъ острова, они встрѣтили опасное мѣсто, гдѣ разбивались корабли, и отчаялись въ своемъ спасеніи; однако чудомъ Божіимъ они миновали бурю и вошли въ тихую пристань. Братья все доискивались, чьи это мощи они везутъ, и скорѣ узнали тайну посредствомъ *deus ex machina*. На томъ островѣ (Лимнѣ) почивали мощи св. Гликеріи. Въ одну изъ ночей они увидѣли, что Гликерія вышла съ острова, а святая, мощи которой братья везли, вышла съ судна, и обѣ онѣ привѣтствовали другъ друга, причемъ

1) 276: τοὺς γὰρ ἀπὸ ἐθνῶν δορυαλώτους καὶ σκῦλα τῆ βασιλίδι δικομένους ἐκείσε ἀπεφόριζον.

Гликерія сказала корабельной святой: «радуйся, всеславная мученица Христова Евфимія», и удалилась. Не смотря на театральный характеръ басни, агіографъ вѣритъ изустнымъ рассказамъ и принимаетъ ихъ какъ нѣчто цѣнное, безъ всякихъ оговорокъ. Проснувшіеся братья Сергій и Сергона (Σεργῳνᾶς) теперь узнали, что везутъ мощи св. Евфиміи, и воздали ей поклоненіе. Съ наступленіемъ дня они отплыли въ свое отечество; но въ разстояніи 20 миль отъ родины подулъ противный вѣтеръ, и они вернулись обратно (на Лимнъ, § 7). Черезъ нѣсколько дней они попытались опять плыть, но снова принуждены были вернуться. Это повторилось три раза. Однажды предстала имъ св. Евфимія и сказала: зачѣмъ вы хотите увезти меня отсюда туда? У меня нѣтъ желанія ни плыть далѣе, ни уходить отсюда; развѣ мнѣ не достаточно, что я переселилась изъ Халкидона въ Византію, была брошена въ море и теперь нахожусь здѣсь? — Все это, конечно, избитыя общія мѣста, которыя Константинъ отмѣчаетъ съ такою же старательностью, какъ и все остальное. — Услышавъ такія слова, братья построили молитвенный домъ и истративъ весь грузъ судна, принесли мученицѣ свое имущество, постриглись и посвятили себя на служеніе ей. Между тѣмъ «преподобнѣйшій» епископъ Лимна построилъ въ то время храмъ, куда хотѣлъ перенести ея мощи со всемогущимъ бдѣніемъ; однако ночью явилась ему во снѣ Евфимія и сказала: не приступай къ выполненію того, что ты задумалъ: въ этомъ дѣлѣ я не буду повиноваться твоему преподобію, но иди къ сестрѣ моей Гликеріи, которую я упрошу, и она сообщитъ тебѣ свою волю. Этотъ мотивъ безъ сомнѣнія приведенъ для поясненія причины, почему въ епископскомъ храмѣ почивали мощи одной Гликеріи, мощи же Евфиміи лежали въ особомъ мѣстѣ. Проснувшись, епископъ исполнилъ все, что требовалось (§ 8). Далѣе рассказывается не кстати легенда о чудѣ Евфиміи во времена четвертаго, Халкидонскаго, собора, какъ она изобличила еретиковъ, послѣ чего стала изображаться на иконахъ съ хартією въ рукѣ (§ 9). — Болландисты справедливо назвали этотъ рассказъ баснословнымъ, ибо онъ вышелъ изъ дурно истолкованныхъ словъ собора; но авторъ наивно вѣритъ баснѣ.

Затѣмъ Сергій и Сергона умерли, вскорѣ прекратился и родъ ихъ; царь Левъ также умеръ, оставивъ преемникомъ своего сына Константина. Послѣдній причинялъ зло не только иконамъ, но и церквямъ Божиимъ, монахамъ и всѣмъ иконопочитателямъ, жегъ и осквернялъ храмы, сжигалъ мощи, уничтожалъ всемогущія моленія,

иконопочитателей называлъ идолопоклонниками, изгонялъ заступничество Богоматери, свергалъ кресты, висѣвшіе на портикахъ (*ἐν ἀμφόδοις*), красивыхъ клириковъ выбиралъ въ евнухи, монаховъ привлекалъ на свою сторону плетью и лестью, и становящимся иконоборцами давалъ мірскія должности; сжигалъ ризы, сосуды и иконы. Послѣ его смерти царствовалъ сынъ его Левъ, унаслѣдовавшій отцовскую ересь, но неспособный къ управленію¹⁾. При немъ никто не могъ свободно прославлять Бога, всѣ православные боялись и трепетали при видѣ общества прежнихъ схоляріевъ (*τῶν σχολαρίων*, дворцовой стражи), которые, будучи воспитаны при Константинѣ, подвергали теперь монаховъ жалкимъ казнямъ и смертямъ (§ 10). По смерти Льва τῷ σκυδογυνοῦς воцарилась супруга его Ирина и сынъ ея Константинъ. Все, что было поругано ея свекромъ и мужемъ, теперь было исправлено. Она вызвала изгнанниковъ, отправила въ ссылку разбойниковъ и схоляріевъ иконоборческихъ царей, замѣнивъ ихъ иконопочитателями и замѣстивъ мѣста ихъ въ чиновначаліи, и даровала глубокой миръ церкви. Прежде всего она построила и украсила разрушенный храмъ Евфиміи, поставила епископа во вдовствующемъ Халкидонѣ²⁾, который иконоборцы хотѣли уничтожить. Мощи Евфиміи были обнаружены слѣдующимъ образомъ (§ 11). Онѣ лежали на о. Лимнѣ въ потаенномъ мѣстѣ и служили предметомъ почитанія со стороны островитянъ; слухъ о чудесахъ ихъ распространился повсюду. Тогда отъ лица тиранна явился на западъ одинъ изъ вельможъ-апокрисіаріевъ (отвѣтчиковъ), прибылъ на Лимнѣ и увидѣлъ громадное стеченіе народа и происходящія чудеса. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ началъ стращать собравшихся, говоря: оныя почитаются кости? Тому ли царя учать? И устранивъ жителей, онъ разрушилъ хижину, гдѣ лежала рака Всехвальной, и удалился. Мощи пострадали и тѣло ея попортилось. Далѣе случилось слѣдующее (§ 12). Одинъ человекъ прибылъ въ молитвенный домъ Евфиміи, гдѣ лежали ея мощи; послѣдній былъ выложенъ мраморомъ благодаря усердію благочестивыхъ тѣхъ моряковъ и носилъ надпись: «Мы Сергій и Сергона, плывя цо Елеспонту, подняли изъ глубины мощи Всехвальной и святой мученицы Христовой Евфиміи и по желанію ея положили ихъ здѣсь». Когда наслѣдникомъ (по преемству) этого мѣста сдѣлался слав-

1) 278: πράξας ἀμέτοχος· οὐ γὰρ ἦν δεινός, ὡς οἱ πατέρες αὐτοῦ.

2) 280: τῇ Χαλκηδόνι ἐπίσκοπον ἐνίδρωσε (ἦν γὰρ ἕως τότε χηρεύουσα).

ный комитъ Анастасій, онъ былъ оболганъ и обруганъ нѣкоторыми лицами и изверженъ изъ должности. Немедленно онъ отправился въ Константинополь, желая возстановленія своего въ комитской должности (τὸ κομητάτου). Здѣсь онъ искалъ протекціи передъ царицею, и нѣкоторые ему сказали, что такимъ лицомъ можетъ быть митрополитъ Халкидонскій, играющій главную роль. Анастасій засталъ митрополита въ палатѣ и, поклонившись ему въ ноги, просилъ защиты. Митрополитъ отвѣтилъ, что это невозможно. Отпустивъ комита, онъ вошелъ въ метохію своей епископіи съ храмомъ Евфиміи; за нимъ послѣдовалъ и мужъ, движимый божественнымъ провидѣніемъ (§ 13). Войдя въ храмъ, комитъ помолился и сѣлъ. Клирикъ храма, служившій въ тотъ день, подошелъ къ нему и спросилъ: откуда и кто онъ? Анастасій отвѣтилъ и рассказалъ ему о своемъ несчастіи; въ свою очередь онъ спросилъ, чей храмъ этотъ? Тотъ отвѣтилъ: Всехвальной. Комитъ положилъ руку на грудь и сказалъ: Всехвальной моей? Клирикъ удивился: какъ твоей? Анастасій рассказалъ: «въ моемъ домѣ и въ моемъ молитвенномъ домѣ имѣются мощи ея». Клирикъ замѣтилъ, что царица и царь дѣлаютъ большія разысканія мощей Евфиміи и велѣли митрополиту служить литіи. Анастасій увѣрилъ клирика, что мощи Всехвальной доподлинно находятся у него. Клирикъ донесъ о томъ «преподобнѣйшему» митрополиту Андрею, который тотчасъ призвалъ комита и, удостовѣрившись въ истинѣ его словъ, возблагодарилъ Бога.—Здѣсь только мы и встрѣчаемся съ именемъ Халкидонскаго митрополита Андрея, который вступилъ на кафедру послѣ долгаго вдовства Халкидонской церкви — за весь иконоборческій періодъ, и который пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ имп. Ирины.—Затѣмъ Андрей отправился къ патріарху Тарасію и рассказалъ ему о дѣлѣ послѣдовательно. Тарасій пошелъ къ царицѣ и сыну ея Константину, почитателю мученицы, и передалъ обо всемъ случившемся. Всѣ возблагодарили Бога; комита возстановили въ прежней должности, дали ему подарки, послали лодку и видныхъ клириковъ изъ церкви Всехвальной за ея мощами (§ 14). По прибытіи на о. Лимпъ собрались отовсюду жители и вознегодовали, не желая отдавать мощей царскимъ мужамъ. Произошло возмущеніе. Лимнскій епископъ явился посреди бунтовщиковъ и сказалъ: уступите, люди, ибо совершается не что либо безбожное, — такъ Богъ благоволилъ; избѣгнемъ царскаго гнѣва, ибо гнѣвъ царя — гнѣвъ льва. Этими словами онъ едва успокоилъ народъ, чтобы не дѣлать вреда пришед-

шимъ и комиту. Народъ все еще кричалъ, что изъ-за него выдано наше сокровище. По прибытіи въ Константинополь, весь городъ, царца и Тарасій вышли на встрѣчу съ подобающими пѣснопѣніями и положили ихъ въ храмъ ея, гдѣ оно лежало прежде и откуда иконоборецъ-царь взялъ и бросилъ ихъ въ глубину морскую (§ 15).— Ле-Къенъ и другіе ученые полагали, что мощи Евфиміи были перенесены съ о. Лимна въ Халкидонъ, однако ошибочно: онѣ въ 796 г. перенесены были въ Константинополь, въ храмъ Всехвальнѣй около Ипподрома.— Лица, принесшія мощи въ Византію, расхитили ихъ: вельможи, занимавшіе первыя мѣста у Артавастины (ἀπό τε Ἀρταβαστίνης, очевидно Анны), дочерей царя и многихъ другихъ, — всѣ взяли по частицѣ; святую руку, которою она взяла свитокъ, говорятъ, положилъ патрикій Никита Мономахъ, построившій храмъ на о. Сициліи; большіе останки главы положили въ прежній ларецъ, и они, «какъ мы знаемъ», и доселѣ хранятся въ ковчегѣ съ другими частицами; «полагаю, что на о. Лимнѣ также оставлены были нѣкоторыя частицы ея тѣла».— Личность патрикія Никиты Мономаха достаточно извѣстна изъ его памяти, ниже разсмотрѣнной. Онъ происходилъ изъ Пафлагоніи, приходился родственникомъ имп. Θεодорѣ и прославился святостью († ок. 837 г.). Константинъ агіографъ, могшій знать его и по времени и по мѣсту своей службы, еще не называетъ его святымъ, стало быть онъ писалъ до 837 года.— Восторгаясь величіемъ провидѣнія, авторъ замѣчаетъ: «мы же, воздавъ недостойными устами мученицѣ немного, окончимъ наше слово» (§ 16). Слово оканчивается молитвеннымъ обращеніемъ агіографа къ Евфиміи, «защитѣ царей», «врагу варваровъ»; «помяни и меня смиреннаго и несчастнаго (δυστήνως) и прими сіе смиренное и скромное погребальное писаніе моего дерзновенія» (§ 17).— Несчастливымъ называетъ себя Константинъ вѣроятно въ риторическомъ смыслѣ: такъ выражается и Θεодоръ Студитъ въ похвалѣ Платону¹⁾; другіе употребляютъ выраженіе τάλως, напр. Фотій, монахъ и пресвитеръ Іоаннъ Евбейскій²⁾, авторъ житія царицы Θεοφανίи³⁾, авторъ житія Григорія Агригентскаго⁴⁾, и др. писатели.

Особенно важное историческое значеніе имѣетъ любопытное житіе

1) Migne, P. gr. XCIX, 848.

2) Migne, XCVI, 1501.

3) Ed. Ed. Kurtz. S. 17.

4) Migne, P. gr. XCVIII, 552.

патр. Игнатія, составленное Никитою-Давидомъ Пафлагоняниномъ¹⁾. Никита первый нарушилъ общепринятый агиографическій типъ житій, единство цѣли, восхваленіе святого, задавшись двумя противоположными цѣлями — прославить одно лице и запятнать другое. Поэтому житіе это рѣзко отличается отъ всего того, что мы до сихъ поръ видѣли: отъ панегирика Игнатію авторъ переходитъ къ осужденію Фотія и заканчиваетъ житіе не перечнемъ чудесъ Игнатія, какъ мы ожидали бы, а снова возвращается на прежнюю тему: «что же Фотій?» и т. д., то-есть продолжаетъ свои нападенія на Фотія и по смерти Игнатія. Къ великому сожалѣнію, мы почти ничего не знаемъ о жизни Никиты, а тѣмъ болѣе о его связяхъ съ патр. Фотіемъ. Видно только, что нарушеніе агиографической традиціи вызвано было какою-то особенною озлобленностью Никиты противъ Фотія, даже можно сказать, что главная мысль Пафлагонянина была именно — порицаніе Фотія и только антитезою ей явилось житіе Игнатія, подъ каковымъ названіемъ трудъ и былъ выпущенъ. Уже въ XI в. историкъ Скилицій (Іоаннъ Θρακισίης), говоря объ историкахъ прежняго времени, въ томъ числѣ и о Никитѣ Пафлагонянинѣ, замѣчаетъ, что одинъ изъ нихъ рассказываетъ «съ сочувствіемъ, другой съ неодобреніемъ, третій какъ ему было приказано, разноглася другъ съ другомъ въ своемъ повѣствованіи и поселяя въ читателяхъ чувство тошноты и смущенія». Равнымъ образомъ и имп. Андроникъ Старшій говорилъ о нѣкоторыхъ писателяхъ, что они «готовы бранить каждого встрѣчнаго и съ удовольствіемъ острятъ свои злые, язвительные и обидные языки; пусть бы что нибудь подстрекало ихъ выразить свою злость, а то безъ всякой причины: еще больше я дивился тѣмъ, которые осмѣливаются сплетать и безстыдно произносить лживыя ругательства на царей и на патріарховъ; но больше всѣхъ я дивился тѣмъ, которые свои лживыя ругательства не затрудняются излагать на бумагѣ»²⁾. Какъ было уже замѣчено акад. В. Васильевскимъ, житіе Игнатія есть ничто иное какъ пасквиль на Фотія, содержащій въ себѣ рядомъ съ несомнѣнно цѣннымъ указаніемъ на лица и событія — и много злостныхъ выдумокъ, сплетенъ и клеветъ³⁾.

Въ предисловіи агиографъ рассуждаетъ на ту тему, что рассказывать житія святыхъ для побужденія къ добродѣтели и для передачи

1) Πάντων μὲν τῶν ἁγίων τοὺς βίους (Migne, CV. 488—574).

2) Niceph. Gregor. I. 7.

3) Виз. Врем. 1899, VI. 39 и сл.

слѣдующему поколѣнію есть дѣло прекрасное и спасительное, — особенно житія іерарховъ, прославившихся блескомъ жизни и преслѣдованіями за нравственную высоту жизни; и чѣмъ ближе они къ нашему поколѣнію, тѣмъ болѣе они должны быть воспоминаемы передъ всѣми прочими. Что очень древнее, то не особенно побуждаетъ къ подражанію, а что совершилось въ наше время, то влечетъ къ соревнованію. Поэтому сильное сердечное желаніе побудило меня начать, на основаніи истинныхъ разсказовъ (*ἀληθινῶς διηγήμασι*), чуждыхъ всякаго представленія лжи, съ помощью Бога Духа Святого, слово о подвигѣ великаго іерарха столицы — Игнатія — для свѣдѣнія тѣхъ, которые не знаютъ, въ чемъ онъ состоялъ. Хотя Игнатій былъ позже другихъ святителей и жилъ передъ нашимъ поколѣніемъ (*πρὸ τῆς καθ' ἡμᾶς ταύτης γενεᾶς*), однако ни въ чемъ имъ не уступалъ: ни въ вѣрѣ, ни въ исповѣданіи, ни въ страданіи. Я намѣренъ точно говорить о немъ на основаніи письменныхъ и неписанныхъ свидѣтельствъ, имѣя въ виду во первыхъ живую истину, а во вторыхъ разсѣяніе долголѣтняго облака невѣжества, застилавшаго разумъ многихъ (§ 1)¹.

Игнатій родился въ Константинополѣ, отъ отца Михаила и матери Прокопіи, благочестивыхъ царей. — По Гергенретеру (I. 355), это случилось въ 798 году. — Михаилъ былъ сынъ патрикія Теофилакта, а Прокопія — дочь благочестиваго (*εὐσεβοῦς*) Никифора. Когда Никифоръ перешелъ въ царство небесное и умеръ сынъ его Ставракій, очень не долго царствовавшій, Михаилъ, какъ зять по дочери Никифора, игравшій первую роль во дворцѣ въ санѣ куропалата, занялъ престолъ по жребію Божію и по жребію всего сената. О вѣрѣ его въ Бога и добродѣтели мы предоставимъ разсказывать по частямъ историкамъ. Но не прошло и двухъ лѣтъ его царствованія, какъ онъ добровольно уступилъ престолъ Льву Армянину, сначала стратигу Анатоликовъ, потомъ главнокомандующему въ войнѣ съ Болгарами, задумавшему здѣсь возстаніе. Блаженный удалился отъ власти, мірской кичливости, междоусобныхъ войнъ и зависти, считая болѣе полезнымъ для себя и для государства (*τῷ κοινῷ*) добровольный уходъ и миръ. Онъ удалился изъ столицы со всѣмъ своимъ семействомъ на острова Принцессы (*πρὸς τὰς Πριγκιπέσους νήσους*), гдѣ избралъ съ женою и дѣтьми уединенную жизнь (§ 2). По смерти его, говорятъ

1) col. 489: τὸ χρόνος ἰκανῶς ἤδη καταπικνωθὲν τῆς ἀγνωσίας νέφος καὶ τὰς τῶν πολλῶν ἀμαρτωσάν διανοίας.

(λέγουσι), у него осталось пять дѣтей: двѣ дочери, старшая Георго и самая младшая Теофана, которыя окончили жизнь въ дѣвствѣ и монашествѣ, и три сына: Теофилактъ, Ставракій и Никита. Первенцемъ былъ Теофилактъ, который со Ставракіемъ были вѣнчаны на царство, но послѣдній еще совершенно юный умеръ передъ удаленіемъ имп. Михаила съ престола (813 г.). Затѣмъ Теофилактъ вмѣстѣ съ родителями (въ 813 г.) постригся и во иночествѣ принялъ имя Евстратія. Никита же, которому исполнилось 10 лѣтъ (ок. 808 г.) былъ, говорятъ (φασί), сдѣланъ дѣдомъ своимъ Никифоромъ домашникомъ иканатовъ (τῶν λεγομένων ἰκανάτων), — должность, впервые учрежденная ради Никиты. На 14 году возраста (въ 813 г.) онъ, покинувъ дворецъ съ родителями, также постригся — съ именемъ Игнатія (§ 3). Явившись преемникомъ царскихъ дѣтей, Левъ сослалъ ихъ по островамъ каждаго особо, подъ крѣпкую стражу, лишилъ дѣтей ихъ дѣтородныхъ членовъ осудивъ ихъ на евнушество, захватилъ власть, но воспріалъ и достойный ея конецъ. Иконоборческая ересь Льва и сына его Константина, подавленная на седьмомъ вселенскомъ соборѣ, возродилась при этомъ Львѣ, который свергъ съ престола патріарха Никифора послѣ 9-ти-лѣтняго его управленія кафедрою и сослалъ на правую сторону Стена въ одинъ монастырь, гдѣ патріархъ и умеръ на 17-мъ году. На мѣсто его Левъ поставилъ нѣкоего Θεодота, чиновника (493 ἐν πολιτικῆς ἀξιωμαστί), человека совсѣмъ свѣтскаго какъ по характеру, такъ и по дѣламъ, и необразованнаго, но такого, который могъ быть ревностнымъ иконоборцемъ. Императоръ постригъ его въ клирики и затѣмъ возвелъ на кафедру столицы. Черезъ семь лѣтъ своего жестокаго царствованія Левъ, подобно псу, былъ изрубленъ мечами въ алтарѣ Фарскаго, во дворцѣ, храма Богородицы¹⁾. Михаилъ Пселлъ (ὁν καὶ ψελλόν φασί), домашникъ экскувитовъ, заподозрѣнный въ покушеніи и взятый подъ стражу своими товарищами, вошедшими тайно во дворецъ подъ видомъ клириковъ и убившими царя, былъ провозглашенъ императоромъ. Михаилъ велѣлъ увезти тѣло Льва въ мѣшкѣ на о. Протъ (εἰς τὴν Πρώτην) и тамъ похоронить его, а сыновей его сдѣлать евнухами и постричь въ монахи (§ 4). Михаилъ Аморианъ, по ереси савватіанъ, правилъ царствомъ 9½ лѣтъ, но не заботился о православіи, напротивъ употреблялъ насиліе надъ иконопочитателями. По смерти

1) 493: ἐν μέσοις τοῖς ἀδύτοις τοῦ ναοῦ τῆς Θεομήτορος, ὃν δὲ Φάρον ἐν τῷ παλατίῳ φασί.

Θεοδοῦ Κασσιτέρῃ), онъ сдѣлалъ патріархомъ бывшаго митрополита Пергскаго Антонія Вирсоденса (ὁ Βυρσοδέψης), иконоборца (съ 821 г., § 5). Послѣ Михаила царствовалъ сынъ его Теофилъ 13 лѣтъ (829—842); «и былъ онъ во всемъ другомъ, какъ говорятъ (ὡς φασιν), не дурень и руководствовался справедливостью¹⁾»; но въ посрамленія надъ иконами и въ преслѣдованія православныхъ онъ не уступалъ, такъ сказать, ни одному изъ своихъ предшественниковъ-гонителей, и это, полагаютъ, по внушенію особенно Іоанна, котораго Теофилъ послѣ Антонія возвелъ на патріаршій престолъ (съ 834 г., § 6). Тридцать лѣтъ (813—842) продолжались безчисленныя опасности, смерти и страданія иконопочитателей. Въ это время Никита-Давидъ проходилъ монашеское житіе (Никита Пафлагонянинъ забылъ при этомъ сказать: въ монастырѣ Сатира), изучилъ Ветхій и Новый Заветъ, творенія отцевъ церкви. Далѣе слѣдуетъ общая характеристика его подвижничества. По смерти своего отца и своего наставника онъ явился попечителемъ братіи, добрымъ пастыремъ и руководителемъ паствы, которая увеличилась настолько, что не могла помѣститься въ одномъ монастырѣ: Игнатій построилъ четыре монастыря и каждый изъ нихъ снабдилъ необходимою принадлежностію; монахи учились у него все дѣлать во славу Божию (§ 7).

Принцезы (Πριγκίπισσοι) острова: Плата (Πλάτη), Іатръ (Υἰάτρος) и Теревинѣъ, населенные стараніями Игнатія, обратились въ церкви и монастыри. Противъ нихъ на берегу материка онъ въ концѣ своей жизни поставилъ монастырь архангела Михаила (ἡ τοῦ μεγάλου ταξίαρχου μονή), который всячески украсилъ. Затѣмъ онъ былъ удостоенъ священства: отъ руки Василія, епископа Парійскаго, страдальца за иконопочитаніе, онъ былъ поставленъ сначала въ чтецы или глашатаи св. Писанія, потомъ въ иподіаконы, діаконы и наконецъ іереи — по чину и закону духовнаго наслѣдованія. Въ санѣ священника онъ крестилъ безчисленное множество дѣтей: почти всѣ иконопочитатели Византіи, а равно и жители Виоинскаго района приводили къ нему своихъ дѣтей для крещенія, и онъ каждого человѣка убѣждалъ хранить православную вѣру и отвращаться отъ иконоборческой ереси (§ 8). Тогда тяжелая буря волновала церковь и іереевъ-иконпочитателей; тихой пристанью для всѣхъ былъ Игнатій и его домъ: страдальцы, изгнанники, голодающіе находили помощь у Игнатія, его матери

1) ἦν τὰλλα μὲν, ὡς φασιν, οὐ κακός, καὶ δικαιοκρισίας ἀντεχόμενος.

Проконіи и его сестры, которыя раздавали свои богатства. Казалось, благодать священноначалія почивала на Игнатіи, такъ что, по разсказамъ (ὡς λόγος), Теофанъ, строитель монастыря Сигрианскаго, когда посѣтилъ его еще совершенно молодымъ Игнатіемъ, возложилъ на него руку и благословилъ его патріархомъ (§ 9). По смерти Теофила, когда вступила на престолъ Теодора (въ малолѣтство своего сына Михаила), иконоборчество прекратилось. Иоаннъ или Яннъ (Ἰαννῆς), прозванный Леканомантисомъ, виновникъ Теофилова заблужденія, былъ низведенъ съ патріаршаго престола и замѣненъ Меодіемъ, много перенесшимъ за исповѣданіе иконопочитанія: онъ былъ сдѣланъ патріархомъ Константинопольскимъ «по жребію Божию и царицы», отставилъ приверженцевъ ереси и обновилъ церковь. Какъ при Тарасіи и Иринѣ еретики осудили свою ересь, но потомъ снова къ ней вернулись и были осуждены патр. Никифоромъ, такъ и теперь они были осуждены Меодіемъ, подъ вліяніемъ Иоанникія. Черезъ четыре года Меодій скончался (842 — 846). Выборъ преемника ему падалъ на многихъ, но избранъ былъ пресвитеръ Игнатій «дѣйствиємъ св. Духа и содѣйствиємъ и жребіемъ архіереевъ», по пророческому вѣщанію Иоанникія. — По Гергенретеру (I. 355), избраніе его было 4 іюля 846 года.

Онъ мужественно противостоялъ грѣху, хотѣлъ быть свободнымъ, властвовать надъ вельможами и обличать погрѣшающаго; всѣ его боялись и не было при немъ слышно ни о прелюбодѣйствахъ, ни о другихъ нечистыхъ вещахъ; онъ смѣло относился какъ къ вельможамъ, такъ и къ самимъ царямъ (§ 10). Послѣ такого предисловія агіографъ переходитъ къ личности Теодорина брата Варды. Послѣдній рисуется «не добрымъ, очень горькимъ и безчеловѣчнымъ», дѣятельнымъ въ государственныхъ дѣлахъ, но дурнымъ въ церковныхъ; онъ, говорятъ (φασίν), воспымалъ такую страсть къ своей невѣсткѣ (νόμφη), что это сдѣлалось извѣстнымъ по всему городу. Высокій санъ Варды не смутилъ Игнатія. Патріархъ обличилъ его, подвергъ епитиміи и убѣждалъ его пощадить свою душу; но Варда не только не отказался отъ зла, но въ праздникъ Богоявленія безстыдно пришелъ въ храмъ съ намѣреніемъ приобщиться св. Таинъ. Игнатій отлучилъ его отъ общенія, какъ недостойнаго такого воспріятія. Варда разсердился и пригрозилъ патріарху собственнымъ мечомъ; Игнатій возразилъ, что мечъ его направится противъ его же самого. Таково начало соблазна, таковъ первый поводъ церковнаго нестроенія. Варда всячески старался обвинить патріарха

передъ царемъ. Состоя въ санѣ патрикія и domestика школь, онъ, какъ дядя Михаила, перенесъ на себя всю его власть и однажды сказалъ мальчику: зачѣмъ, владыко, ты уступаешь царство своей матери и сестрамъ? неужели ты все еще ребенокъ? не совершенъ возрастомъ? но вотъ ты уже женатъ и считаешься мужчиною: нужно тебѣ показать и разумъ мужчины: пригласи патриарха и вели постричь свою мать и сестеръ; Богу и всѣмъ намъ достаточно, чтобы царствовала ты одинъ и твои будущія дѣти. Михаилъ немедленно вызвалъ Игнатія и велѣлъ ему постричь Θεодору съ ея дочерьми. Патриархъ воспротивился, говоря, что онъ при вступленіи на кафедру далъ письменную клятву не дѣлать никакого заговора противъ имперіи. Варда обвинилъ Игнатія и въ присутствіи царя поносилъ Гивовасилевта (Γιβοβασίλευτον): Гивонъ (Γιβων) былъ глупый человекъ, съ безпорядочными мыслями, прибывшій недавно изъ Диррахія въ видѣ клирика, распускавшій нелѣпный слухъ, что онъ сынъ царицы Θεодоры отъ другого мужа, заручившійся расположеніемъ толпы, которая предвѣщала ему царство, и посаженный въ тюрьму на о. Оксіи (Ὀξεία). Игнатій, внушивъ подозрѣніе царю, вернулся въ церковь; а Михаилъ велѣлъ отвести свою мать и сестеръ въ Каріанскій монастырь (ἐν τοῖς Καριανοῦ λεγομένοις), гдѣ и постричь ихъ. Вскорѣ (μετὰ μικρόν) онъ изгналъ съ патриаршества Игнатія и сослалъ его на о. Теревинезъ и въ тотъ же день перевелъ Гивона съ Оксіи на Приципо, отрубилъ ему руки, выкололъ глаза и умертвилъ, полагая, что этимъ путемъ онъ отомститъ патриарху.—Сверженіе патр. Игнатія, какъ увидимъ ниже, произошло 23 ноября 857 года.—Не прошло и трехъ дней, какъ къ царю явились толпы епископовъ съ просьбою (λίβελλος) объ отставкѣ, мотивируя свой отказъ совершеннымъ зломъ, тѣмъ, что ихъ пастырь удаленъ неканонически; однако отставка ихъ не была принята. Вскорѣ (μετ' ὀλίγας ἡμέρας) патрикіи и болѣе видные изъ судей съ епископами всячески принуждали патриарха письменно отказаться отъ престола, дабы не навлечь на себя большей опасности. Однако Игнатій остался непреклоненъ; тогда они съ непокрытою головою, по рассказамъ (κατὰ τὸ ἄδύμενον), и безстыднымъ лицомъ приступили ко всякимъ несправедливостямъ: изъ себялюбія, сребролюбія, страсти къ удовольствіямъ и любоначалию они продали себя и несправедливостями, клятвопреступленіемъ, крестопопраніемъ и злодѣйствами смутили церковное благостояніе (§ 11). Но пшеница очищается отъ шелухи и праведный очищается въ огнѣ бѣдъ, какъ золото въ горнилѣ (§ 12). Посмотримъ,

что случилось съ Игнатіемъ, что противъ него затѣвалось; «я знаю, что не возможно изложить всего детально (*κατὰ μέρος*), по моимъ силамъ я коснусь главнаго (*τοῖς κυριωτέροις*) и постараюсь не опустить ничего, достойнаго примѣчанія» (§ 13).

Когда приближенные къ царю (*οἱ παρὰ τοῦ βασιλέως*) не могли склонить Игнатія къ тому, чего они желали, они избираютъ въ архіереи столицы протоспаеарія и протасикрита Фотія. Это былъ очень знатный и именитый человѣкъ, славный по природѣ и знаменитый, считавшійся передъ всѣми самымъ виднымъ по свѣтской мудрости и разумѣнію дѣлъ государственныхъ; въ немъ былъ избытокъ грамматическаго знанія, поэзіи, риторики, философіи, медицины и едва ли не всякаго свѣтскаго знанія, такъ что онъ могъ поспорить и съ древними; въ немъ сочетались и способность природная и рвеніе и богатство, путемъ котораго онъ пріобрѣталъ каждую книгу; но больше всего имъ руководила любовь къ славѣ, ради которой онъ проводилъ въ занятіяхъ безсонныя ночи. Когда ему нужно было вступить въ самую церковь (о, если бы этого не было! *ὡς μὴ ὄφελεν*), онъ предался чтенію книгъ не на досугѣ (*οὐ κατὰ πάρεργον*). Если выразиться словами Григорія Богослова, онъ не зналъ невѣдѣнія, не достойнаго его мудрости; онъ не хотѣлъ обращать вниманія на изреченіе «если кто хочетъ быть мудрымъ, пусть будетъ глупымъ», онъ не желалъ избрать пути смиренномудрія, черезъ которое дается великая благодать Божія и истинная мудрость; онъ утвердилъ свое сердце и умъ на хрупкомъ и песчаномъ основаніи — на свѣтской мудрости и на гордынѣ слова, развитаго не для Христа, поддавался тщетнымъ похваламъ людей, обнаружилъ гордыню противъ Бога и этимъ совершилъ всякое злодѣяніе и соблазнъ; посему и конецъ его былъ послѣдователенъ его началу; онъ не отказался отъ церкви, незаконно переданной ему мірскими начальниками, и не убоился прелюбодѣйно сочетаться съ женою другого мужа, — наоборотъ, онъ сдѣлалъ это съ радостію и безстыдствомъ. — Агіографъ умалчиваетъ о томъ, что Фотій отказывался отъ престола, — это засвидѣтельствовано письмами его къ папѣ Николаю и къ Вардѣ. Гергенретеръ (I. 378) говоритъ, что принужденіе его къ патріаршеству не было абсолютнымъ и физическимъ, и Фотій уступилъ своему честолюбію; «кажется, все точно было разсчитано». Однако сомнѣваться въ искренности показанія Фотія нѣтъ причипъ: подобно Василию Великому, Григорію Богослову, Іоанну Златоустому, патр. Тарасію и многимъ другимъ святителямъ, онъ сознавалъ труд-

ность своего будущаго положенія и особенно въ дѣлѣ съ Игнатіемъ. «Дѣйствительно, говоритъ одинъ историкъ, Фотій не показалъ при этомъ геройства добродѣтели»; но принимая въ расчетъ формулу того времени, что, повинуясь существующей власти, отнюдь не слѣдуетъ разсуждать, справедливо, или нѣтъ то, что требуется властію: за несправедливость будетъ отвѣчать имѣющій власть, а не тотъ, кто по неволѣ исполняетъ ея приказанія, — принимая во вниманіе и другія господствовавшія тогда понятія, особенно оправданіе знаменитой *οἰκονομία* (приспособленія къ обстоятельствамъ), къ которой прибѣгали патр. Тарасій и Никифоръ, мы можемъ если не оправдать, то объяснить поступокъ Фотія. — Въ шесть дней онъ вступилъ на желанную кафедру; и надо было видѣть, по пословицѣ, скороспѣшно выдуманнаго святого: въ первый день монахъ вмѣсто мірянина, во второй чтець, на слѣдующій иподіаконъ, далѣе діаконъ, потомъ пресвитеръ, наконецъ на шестой день, въ Рождество Христово (25 декабря 857 г.), онъ вступилъ на іерархическій престолъ, провозгласилъ миръ народу, нисколько не помышляя, достоинъ ли онъ истиннаго мира (§ 14).

Руководителемъ и исполнителемъ во всемъ у Фотія былъ Григорій Авеста (*ὁ Ἀσβεστάς*), бывшій, какъ говорили (*ἔφασαν*), нѣкогда епископомъ Сиракузскимъ, обвиненный въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ въ Византіи и уже изверженный римскою церковью (*τῆς τῶν Ῥωμαίων ἐκκλησίας*) за антиканоническія дѣянія. Игнатій, когда долженъ былъ быть посвященъ (въ патріарха) въ первый разъ (въ 847 г.), чтобы Григорій не присутствовалъ при его хиротоніи, послалъ его (куда-то), чтобы на досугѣ, говорятъ (*φησιν*), разузнать о его дѣяніяхъ точнѣе. Это сдѣлалъ патріархъ на первыхъ порахъ. Хотя многіе думали: поступилъ онъ не хорошо, однако, — справедливо (§ 15). Вслѣдствіе этого какой шумъ поднялся, какая темь! Кто изобразить малымъ словомъ самолюбіе, гнѣвъ и коварство расторопнаго онаго сицилійца? Узнавъ объ этомъ, онъ не отнесся къ извѣстію философски, не скрылъ своего стыда какъ человѣкъ разсудительный, но бросилъ изъ рукъ своихъ свѣчи, бывшія при хиротоніи, вель себя безстыдно, передъ всею церковью до крайности ругалъ невиннаго и въ ярости утверждалъ, что въ церковь вторгся волкъ вмѣсто пастыря. За нимъ послѣдовали Петръ, епископъ Сардійскій (*ὁ Σαρδέων*), прозванный Жалкимъ (*Δείλαιος*), Евламій Апамійскій и нѣкоторые другіе изъ незначительныхъ (невидныхъ) клириковъ, которые неразумно отдѣлились отъ церкви

(§ 16).—Письмо папы Николая кромѣ Петра и Евлампія называетъ еще другого Петра, но точнѣе его не опредѣляетъ.—Въ теченіи цѣлыхъ 11 лѣтъ (ἐν ἔλοισ ἐνδεκα χρόνοις) своего перваго патріаршества (847—858) Игнатій всячески старался—и убѣжденіемъ и подкупомъ (δωρεῶν) — потушить зло Асвесты, но бесполезно. Григорій обходилъ всѣ дома вельможъ, всеу ругалъ Игнатія, доказывая, что Игнатій не достоинъ даже называться христіаниномъ; со стороны Фотія и его сторонниковъ (συγγενεῖς) онъ почитался выше всего и считался нѣкимъ великимъ человѣкомъ Божиимъ. Имъ первымъ Фотій былъ хиротонисанъ и изъ вѣры къ нему обратилъ все свое неистовство противъ невиннаго (Игнатія): какъ будто онъ для того былъ избранъ въ патріархи, чтобы наказать невиннаго, и дѣйствовалъ такъ, что, казалось, хотѣлъ лишить его не только іерейства, но и самой жизни, хотя онъ потребовалъ отъ принявшихъ его сначала митрополитовъ рукописанія, что онъ будетъ воздавать Игнатію отеческое почтеніе, дѣлать все по его желанію и ни чѣмъ его не огорчать. Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени его хиротоніи, какъ онъ самъ нарушилъ клятву, сначала заключивъ клириковъ, особенно близкихъ къ патр. Игнатію, и подвергнувъ ихъ насильнымъ пыткамъ и бичамъ; потомъ онъ сталъ льстить, подкупать и обѣщать, требовать рукописанія и всячески старался возвести обвиненіе на Игнатія, будто онъ тайно замышляетъ государственный переворотъ. Немедленно отправились въ Теревиню жестокіе начальники и дерзкіе воины, произвели разслѣдованіе, но, не найдя состава преступленія, воспользовались чистою несправедливостью. Они перевезли его съ его сторонниками на Іерію (πρὸς τὴν Ἱέρειαν) и одѣли его связаннаго въ козлиную рясу, затѣмъ перевели въ Промитову мѣстность (πρὸς τὰ Προμήτου λεγόμενα), гдѣ оный Левъ Лалаконъ (ὁ Λαλάκων), domestikъ воинскихъ отрядовъ (τῶν Νομέρων) такъ билъ его по щекамъ, что вышибъ у старца два зуба; потомъ заковали ноги его въ кандалы, подобно разбойнику, бросили въ тюрму, оставили для службы ему двухъ мальчиковъ и удалились. Всѣ эти терзанія клонились къ тому, чтобы Игнатій далъ имъ запись объ отреченіи (λίβελλος ἀποταγῆς), о добровольномъ уходѣ съ престола. Игнатій, видя волка, вторгшагося въ паству, на сколько могъ, воздвигъ нашествіе. Черезъ нѣсколько дней Игнатій былъ переведенъ въ Нумеры (εἰς τὰ Νομέρα) и заключенъ въ кандалы; затѣмъ, съ наступленіемъ августа, его на суднѣ перевезли въ Митилину. Всѣхъ заподозрѣнныхъ слугъ и друзей его подвергали пыткамъ и, въ луч-

шемъ случаѣ, изгоняли изъ города; хартофилаксу Власію за его смѣлость за истину отрѣзали языкъ. Когда Игнатій жилъ въ Митилинѣ, Фотій собралъ на него «церковь лукавнующихъ» и, прибывъ въ храмъ Апостоловъ, возвѣщаетъ изверженіе отсутствующаго Игнатія: анаеematствуетъ и провозглашаетъ его, будучи самъ и обвинителемъ и судьей. И кто соглашался съ этимъ незаконнымъ дѣяніемъ и подписывался, того Фотій приближалъ къ себѣ въ число первыхъ сослужителей; лицъ, не сочувствовавшихъ этимъ безразсудствамъ, онъ ввергалъ въ Преторій и тюрьмы. Многіе негодовали и заявляли объ этихъ противозаконностяхъ Фотія, но послѣдній, обличаемый собственными дѣлами, задумалъ мысль болѣе злую, нежели умную: онъ думаетъ, что зло излѣчивается не добромъ, а зломъ, и къ меньшему злу присоединяетъ большее (§ 17). Онъ задумалъ послать посольство въ Старый Римъ и потребовать отъ папы Николая намѣстниковъ, подъ предлогомъ исправленія церкви или для окончательнаго истребленія иконоборческой ереси, а на самомъ дѣлѣ, чтобы рукою римлянъ (τῶν Ῥωμαίων) совершить болѣе торжественное изверженіе Игнатія. Онъ отправилъ Теофила еп. Аморійскаго и Самуила еп. Хонскаго, находившагося дотолѣ подъ вѣдѣніемъ Лаодикіи, но теперь произведеннаго имъ въ санъ архіепископа; «благородный» рѣшился писать папѣ ложь, будто Игнатій отказался отъ престола по старости, болѣзни и тѣлесной немощи и удалился отъ церкви, поселился на своемъ островѣ и въ своемъ монастырѣ и служить предметомъ почитанія со стороны царей, всей столицы и своей церкви. Папа принялъ посольство, но, не зная истины дѣлъ, отправилъ двухъ намѣстниковъ - епископовъ Захарію и Родоальда (§ 18). Между тѣмъ Игнатій провелъ въ изгнаніи въ Митилинѣ шесть мѣсяцевъ, послѣ чего по волѣ царей былъ возстановленъ на о. Теревинѣ — не для славы, а для безчестія. Трудно описать, какія огорченія причинялъ ему друнгарій царскаго флота Никита Орифа (ὁ Ὀρίφας), любимецъ Фотія и царей.

Но случилась со святымъ и другая бѣда. «Въ то время убійственныйшій народъ скиескій, Русь, прибывъ въ Стень по Евксинскому Понту и разграбивъ всѣ мѣстечки и всѣ монастыри, стеклись разрушая всѣ принадлежности и имущества населенныхъ островковъ Византіи и убивая всѣхъ захваченныхъ людей. Къ тому же они, набросившись варварскимъ натискомъ и яростью, уничтожили все имущество, находившееся въ монастыряхъ патріарха, захватили 22 ближайшихъ его

служъ и умертвили ихъ топорами на кормѣ судна¹⁾. Игнатій, узнавъ о томъ, постоянно говорилъ одно: «Господь далъ, Господь взялъ; какъ Господу угодно было, такъ и стало». Въ постоянной молитвѣ онъ чаялъ суда и помощи отъ Бога, — спасеніе отъ царей онъ считалъ тщетнымъ. Слышавшіе о бѣдствіяхъ Игнатія (будто бы) жалѣли, что онъ не былъ взятъ варварами и не убитъ собственными отроками. Вскорѣ потомъ (οὐ πολὺ τὸ ἐν μέσῳ) состоялись собранія и совѣты пачальниковъ и архіереевъ противъ невиннаго. Игнатій жилъ въ мѣстности Позейской (εἰς τὰ Ποσειῶς) и наблюдалъ за кознями противъ себя; а Фотій, принявъ свою церковь (τὴν κατ' αὐτὸν ἐκκλησίαν) и намѣстниковъ, прибывшихъ изъ Рима, прибылъ въ храмъ Апостоловъ. Здѣсь находились на лицо цари, всѣ начальники и почти вся столица. Сначала выбрали апокрисиаріями къ Игнатію препосита Ваана Ангориса (ὁ Ἀγγορής) и другихъ изъ маловажныхъ ромеевъ. Послы явились къ изгнаннику со словами: великій и священный соборъ приглашаетъ тебя къ себѣ: иди скорѣе защищаться противъ справедливо, или несправедливо говоримаго о тебѣ. Игнатій отвѣтилъ: скажите пожалуйста, какъ я поѣду? какъ епископъ, іерей, или служитель? Не зная, что сказать, тѣ отвѣтили: а вотъ мы пойдѣмъ къ пославшимъ насъ и принесемъ тебѣ точный отвѣтъ. На другой день они возвратились и сообщили: намѣстники Стараго Рима, Родоальдъ и Захарія, черезъ насъ недостойныхъ объявляютъ слѣдующее: поспѣши на святой вселенскій соборъ, какъ говорить тебѣ твоя совѣсть. Тогда Игнатій одѣлся въ архіерейскія ризы и вмѣстѣ съ епископами, пресвитерами и съ большой толпой монаховъ и мірянъ отправился на соборъ пѣшкомъ. Вблизи храма Григорія Богослова, гдѣ посреди площади стоитъ крестъ на мраморной колоннѣ²⁾, патрикій Іоаннъ Коксисъ (ὁ Κόξης) встрѣтилъ его со словами, что онъ посланъ отъ царя, и пригрозилъ, что если онъ явится не въ простой монашеской рясѣ, то ему предстоитъ смерть. Игнатій перемѣнилъ ризы и былъ представленъ въ

1) col. 516: κατ' ἐκεῖνον γὰρ τὸν καιρὸν τὸ μαιφονώτατον τῶν Σκυθῶν ἔθνος, οἱ λεγόμενοι Ῥῶς, διὰ τοῦ Εὐξείνου πόντου προσεχωρηκότες τῷ Στενῶ καὶ πάντα μὲν χωρὶς, πάντα δὲ μοναστήρια διηρπακότες, ἔτι δὴ καὶ τῶν τοῦ Βυζαντίου περιοικίδων κατέδραμον νησίων, σκευὴ μὲν πάντα ληϊζόμενοι καὶ χρήματα, ἀνθρώπους δὲ τοὺς ἀλόντας πάντας ἀποκτείνοντες· πρὸς οἷς καὶ τῶν τοῦ πατριάρχου μοναστηρίων βαρβαρικῶς καταδραμόντες ὀρήματα: καὶ θυμῶ, πᾶσαν μὲν εὐρεθεῖσαν κτήσιν ἀφείλοντο, εἴκοσι δὲ καὶ δύο τῶν γνησιωτέρων αὐτοῦ κερρατικότες οἰκετῶν, ἐφ' ἐνὶ τροχαντῆρι πλοίου τοὺς πάντας ἀξίναις κατέμελισαν.

2) col. 517: πλησίον δὲ τοῦ ναοῦ Γρηγορίου τοῦ θεολόγου, ὅπου σταυρὸς ἐν μαρμαρίνῳ χίονι κατὰ μέσον ἀνεστήλωται: τῆς λεωφόρου.

собрание. Явилось 72 жесвидѣтеля, съ давняго времени всѣ извѣстные безбожники, обыкновенные и сенаторскаго сословія, во главѣ которыхъ стоялъ патрикій Левъ Критскій (ὁ Κρητικός) и за нимъ патрикій Θεодотакій, получившій санъ магистра за свое клятвопреступленіе. Потомъ собрали остальныхъ изъ cadaго сословія и даже изъ такъ называемыхъ двоекрещенцевъ (ἀπὸ τῶν λεγομένων διβαπτιστῶν), которыхъ подкупили деньгами и чинами; приводили ихъ cadaго въ отдѣльности, и они клялись, что «Игнатій, почти 12-й годъ архіерействовавшій, правилъ церковью, будучи хиротонисанъ не по жребію» (ἀψήφιστως); ссылались на 30-й канонъ: «если какой епископъ, воспользовавшись мірскими начальниками, черезъ нихъ овладѣетъ церковью, да извержется», но умолчали о дальнѣйшихъ словахъ: «и всѣ имѣющіе съ нимъ общеніе». На это и обратилъ вниманіе Игнатій. Агіографъ замѣчаетъ при этомъ: «кто не знаетъ, что Игнатій избранъ канонически и законно, жребіемъ всѣхъ вмѣстѣ архіереевъ и съ согласія всей церкви, а самъ Фотій, воспользовавшись содѣйствіемъ дѣльца Варды и мірскими начальниками, достигъ престола не канонически и тираннически болѣе, нежели церковнымъ путемъ; но не знали подкупленные, въ какихъ козняхъ они обличаются» (§ 19). Послѣ словеснаго диспута, вопреки всякому закону справедливости, Игнатія нарядили въ грубыя ризы и сняли сзади одѣяніе архіерейское. При этомъ находился иподіаконъ Прокопій, человѣкъ почти безсловесный и развращенной жизни, котораго патриархъ за это прежде извергъ изъ степени; онъ первый, сорвавъ омофоръ и остальные ризы, провозгласилъ: ἀνάξιος. Захарія и Родоальдъ и нѣкоторые другіе повторили тоже самое. Ихъ всѣхъ вскорѣ постигло возмездіе: серпъ прор. Захарія справедливо умертвилъ ихъ. Фотій въ своей ярости противъ невиннаго обнаружилъ ярость противъ всей вселенной и отрекся отъ мирнаго пастыря Иисуса. Не было никого, кто бы не порицалъ этого суда. Даже сторонники Фотія и его друзья стонали при видѣ происходящаго и предрекали, что несправедливость эта падетъ на голову самого судьи. Но Фотій не стѣнялся: къ зависти присоединяя зависть и къ злу зло, онъ всячески старался не только погубить, но, что еще хуже, умертвить его, какъ достойнаго смерти. Осужденнаго Игнатія передали лютѣйшимъ людямъ для наказанія, пока онъ собственноручно не подпишетъ своего изверженія. Его били, въ сильный холодъ выводили его въ одномъ хитонѣ, распинали, жгли, двѣ недѣли держали подъ стражею и морили голодомъ, принуждали спускаться въ могилу

Копронима, привязывали къ ногамъ его камни и прижимали его остриемъ мрамора. Всевозможныя насмѣшки словами и дѣлами чинили надъ нимъ незаконные сыны: Мороеодоръ оный, Іоаннъ Горгонитъ (ὁ Γοργονίτης) и Николай Θεодуловъ Скutelопси (ὁ Σκουτελόψις, § 20). Послѣ всѣхъ этихъ терзаній его растягивали на мраморѣ въ видѣ креста, били и обагрили землю его кровію. Игнатій едва дышалъ и къ тому же страдалъ разстройствомъ желудка. Мороеодоръ насильно взялъ его за руку, поставилъ хартію, чтобы онъ на ней начерталъ крестъ, и передалъ ее Фотію. Послѣдній, взявъ крестъ, подписалъ «Игнатій, недостойный Константинопольскій исповѣдую, что я вошелъ не по жребію и сіи годы правилъ церковью не свяго, но тиранствовалъ». Подпись эта была послана царю; Игнатій былъ выпущенъ на свободу и удалился въ домъ своей матери въ Посеи (τὰ Ποσείως), гдѣ сталъ поправляться. Между тѣмъ цари рѣшили вновь призвать его въ храмъ Апостоловъ, выслушать отъ него о его изверженіи и о собственномъ анаѳематствованіи, послѣ чего хотѣли выколоть ему глаза и отрубить руку. Насталъ день Пятидесятницы, и вотъ толпа вооруженныхъ солдатъ неожиданно окружила его домъ. Игнатій рѣшилъ, что они намѣреваются убить его; одѣлся въ убогую ризу мірянина, повѣсилъ на плечи двѣ корзины и вышелъ подобно какому нибудь носильщику, скрывшись ночью отъ стражи. Вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Кипріаномъ опъ черезъ портикъ направился въ мѣстность Сиваитскую (ἐπὶ τὸ Σιβαίτικον). Дорогою ему предсталъ благолѣпный мужъ съ гладко причесанными волосами на головѣ, въ бѣлыхъ ризахъ и на бѣломъ конѣ, ѣхавшій по направленію къ Влахернамъ; онъ произнесъ: «Богъ и пресв. Богородица да сохранитъ тебя и твоихъ спутниковъ, священный владыко, въ безопасности». Игнатій въ жалкомъ образѣ сѣлъ въ судно и отправился на Принцевы острова, потомъ на Приконисскіе, Пропонтидскіе, переѣзжалъ съ одного острова на другой, блуждалъ по пустынямъ, скрывался въ горахъ и пещерахъ. Фотій, ошибшись въ добычѣ, обыскалъ всѣ монастыри, всю столицу и окрестности, но не могъ отыскать его; тогда онъ по царскому повелѣнію отправилъ Орифу съ 6-ю кораблями по всѣмъ островамъ и побережьямъ схватить Игнатія и умертвить его, какъ возмутителя всей имперіи (ὡς ὄλην ἀνατρέποντα τὴν βασιλείαν). Часто охотники нападали на Игнатія, но не узнавали его въ рабскомъ одѣяніи; иногда онъ проходилъ мимо ихъ, но они его не видѣли, какъ Ассиріяне Елисея, и возвращались ни съ чѣмъ (§ 21).

Съ наступленіемъ августа столица подверглась страшнымъ землетрясеніямъ. Люди въ страхѣ видѣли одну причину несчастія—въ несправедливости по отношенію къ Игнатію. Землетрясеніе длилось 40 дней съ такою силою, что сами цари всенародно поклялись, что Игнатій можетъ безбоязненно вернуться въ свой монастырь. Когда узналъ объ этомъ Игнатій, онъ открылся патрикію Петронѣ, дядѣ императора по матери, который вручилъ патриарху ладонку царя. Игнатій, надѣвъ ее на шею, явился къ Вардѣ. Послѣдній спросилъ: зачѣмъ ты вѣчно блуждаешь изъ одной страны въ другую? И въ отвѣтъ услышалъ евангельское слово. Варда отослалъ его обратно въ монастырь. Землетрясеніе прекратилось. Тогда Болгары, Божиимъ смотрѣніемъ, изнуренные голодомъ, подкупленные царемъ¹⁾, сложили оружіе и приняли крещеніе (§ 22),—совершенно лишняя подробность, вкравшаяся въ житіе.

Тогда подкупленные (δωροδοκῆντες) Фотіемъ намѣстники Рима возвратились въ Римъ. Папа Николай разспросилъ ихъ въ точности о патриархѣ Игнатіи и, уличивъ ихъ ихъ же словами, назвалъ ихъ предсѣдателями разбойническаго, а не каноническаго собора, извергъ и предалъ ихъ анаѳемѣ; а равно и самого Фотія назвалъ тиранномъ и прелюбодѣемъ, извергъ и анаѳематствовалъ его на каноническомъ соборѣ, жребіемъ всей своей церкви, объявивъ, что онъ не отличается отъ Максима Киника, оскорбителя Григорія Богослова, смутителя церкви. Поэтому онъ и осудилъ его, какъ причину соблазновъ, и рукоположенныхъ имъ, какъ его единомышленниковъ и сообщниковъ Фотія, и письменно отлучилъ самого императора и все его государство; послѣ чего онъ приговоръ свой сообщилъ патриархамъ Востока (§ 23).

Въ тѣ дни случился пожаръ во св. Софїи, но это бѣдствіе не образумило постунающихъ несправедливо, напротивъ (§ 24).

Между тѣмъ Варда, забравъ въ свои руки ромейскую власть, былъ провозглашенъ сначала куропалатомъ, а вскорѣ (μετὰ μικρόν) и кесаремъ; онъ злоупотреблялъ добротою (εὐήθεια) племянника и являлся поклонникомъ всякой невоздержности и сластолюбія. Михаилъ, развративъ умъ юношескими страстями, осмѣивалъ все божественное, выбиралъ въ свою среду жалкихъ челоуѣчковъ, лишенныхъ св. Духа и исполненныхъ противнаго духа; жалкій, онъ рукополагалъ въ подра-

1) col. 525: τοῖς δωροῖς τοῦ αὐτοκράτορος δελεῖντες.

жаніе церкви іереевъ и архіереевъ, а нѣкоего протоспаѳарія Теофила, шута и мима, поставилъ даже въ патріарха, за что былъ осмѣянъ. Благодаря такому обществу имя Божіе среди народовъ подверглось нареканію (§ 25). Съ безстыдствомъ онъ говорилъ: у меня патріархъ Теофилъ, у кесаря Фотій, а у христіанъ — Игнатій. Теофилъ такъ издѣвался надъ св. тайнами, что даже у еллиновъ-язычниковъ никто бы этого не посмѣлъ дѣлать. Но Фотій, видя кощунство, не обличалъ Теофила; «и не удивительно: онъ былъ наемникъ, а не пастырь». Онъ не заботился о погибающихъ овцахъ, душа его направлялась только къ двумъ цѣлямъ — при фаворѣ царей сохранить за собою патріаршество и, если можно, лишить жизни Игнатія; а что это истина, о томъ вопіють самыя дѣла, а не пустыя слова. Однажды одинъ пришлецъ, дотолѣ незнаемый, одѣтый въ монашескую рясу, по имени Евстратій, неожиданно явился въ патріаршій домъ, представилъ патріарху передъ всѣми два подложныхъ письма, которыя, какъ выяснилось въ послѣдствіи, изготовилъ самъ мудрѣйшій Фотій: одно отъ лица Игнатія къ папѣ Николаю съ изложеніемъ дѣла о его низведеніи и несправедливостей царя; этого письма папа будто бы не хотѣлъ и читать, и оно къ нему было возвращено обратно; другое письмо отъ папы Николая къ Фотію, въ которомъ уничтожается первое разногласіе между Фотіемъ и папою и провозглашается вѣчная дружба между ними. Фотій, получивъ эти письма, представилъ ихъ царю и кесарю съ замѣчаніемъ: Игнатій творитъ зло противъ вашей царственности, обманываетъ и обвиняетъ васъ передъ иноземными народами, онъ жить недостоинъ, его злодѣянія вотъ засвидѣтельствованы письмами, которыя говорятъ скорѣе въ нашу пользу; не справедливо, если ваша царственность попирается Игнатіемъ. Вслѣдствіе этого Игнатій былъ взятъ подъ стражу и заключенъ въ тюрьму, начались допросы и розыски. Былъ допрошенъ принесшій письма, отъ кого онъ получилъ письмо къ папѣ и подорожную. Сначала онъ говорилъ, что получилъ ихъ отъ Кипріана, ученика Игнатьева, но черезъ мѣсяць сталъ отрицать показаніе, что не знаетъ ни Кипріана, ни кого-либо изъ людей Игнатія. За противорѣчіе въ показаніи онъ былъ наказанъ кесаремъ плетьюми. Фотій много старался освободить его, но не могъ, но потомъ въ утѣшеніе сдѣлалъ его начальникомъ ликторовъ (δωμνητῶν ἄρχων). Когда козни Фотія были обнаружены, никто не могъ переносить его происковъ (§ 26).

Послѣ того въ праздникъ Вознесенія Господня вечеромъ случи-

лось землетрясеніе, самое страшное изъ всѣхъ когда либо бывшихъ, и продолжалось всю ночь. Изъ земли и моря раздавался шумъ и неясный гулъ, люди паходились въ трепетѣ; колонна Юстина, сорванная съ подножія, рухнула. Тогда же оный Василій, бывший ранѣе епископомъ Критскимъ, вслѣдствіе нашествія Агарянъ, былъ переведенъ въ Солунь (и это къ стыду столичнаго архіерея); онъ дерзновенно явился къ императору и убѣждалъ его отказаться отъ кощунственнаго подражанія іерейскимъ дѣламъ, утверждая, что вновь возгорится гнѣвъ Божій. Раздраженный царь ударилъ по щекѣ честнаго старца, вышибъ ему зубы и такъ билъ его по спинѣ, что тотъ чуть было не лишился жизни. Но объ этомъ нисколько не заботился наемникъ (Фотій): онъ и самъ наслаждался совершаемыми святотатствами, вмѣстѣ съ шутами и мальчикомъ ходилъ и пировалъ и былъ недалеко отъ ихъ занятія. Онъ все думалъ объ Игнатіи и вѣрилъ всему, что противъ него говорили; обличитель Игнатія дѣлался его другомъ; онъ подкупалъ пріятелей и слугъ Игнатія. Однимъ изъ учениковъ послѣдняго былъ Игнатій, который, какъ нѣкій Димасъ (Δημάς), возлюбивъ нынѣшній вѣкъ, перешелъ на сторону Фотія и былъ сдѣланъ начальникомъ (ἄρχων) тогда пропонтидскихъ монастырей, потомъ митрополитомъ Іерапольскимъ. Отвѣчая на повышеніе, онъ сказалъ (Фотію): владыко, дивлюсь, какъ отъ тебя скрылся проступокъ Игнатія: посрединѣ площади острова стоитъ храмъ 40 мучениковъ, а рядомъ съ нимъ молитвенный домъ Богоматери; престолъ его повергли на землю ранѣе Русскіе¹⁾, но Игнатій возстановилъ его. Фотій раздулъ дѣло, представивъ царямъ дѣло въ великомъ и страшномъ видѣ; посоветовавшись со своими сторонниками (ἐκκλησία), онъ послалъ на островъ митрополитовъ Амфилохія Кизическаго, Θεодора Патрскаго и сенатора Панталеонта Воера (ὁ Βόθρος) и руками ихъ уничтожилъ престолъ. Онъ велѣлъ имъ явиться на морской берегъ, окропить его 40 разъ и воздвигнуть новый. Какъ не дивиться тебѣ, человѣче? иронизируетъ Никита надъ Фотіемъ, какъ не издѣваться надъ тобою и сначала, и потомъ? Этому ли тебя научили продолжительныя занятія, безсонныя ночи, безчисленное множество книгъ, чтеніевъ и собесѣдниковъ, ветхій и новый Завѣтъ, мнѣнія классическихъ философовъ, законы и слова святыхъ? развѣ тебѣ было не достаточно насильственнаго сверженія чловѣка съ престола, незаконнаго изверженія, ссылокъ и кандаловъ, бѣгствъ, доносовъ,

1) col. 562: τούτου τὴν τράπεζαν πρώην οἱ Ῥῶς τὴν νῆσον πέρθοοντες κατέβαλον εἰς γῆν.

обмановъ, которыми ты окатилъ его? ты насилуешь теченіе рѣки, всеу желая погубить его (§ 27). Затѣмъ агіографъ рассказываетъ о снѣ, который видѣлъ кесарь Варда. Призвавъ однажды своего вѣрнаго друга, нѣкогда логовета казны (γενικῶν ποτε λογοθέτην) Филоея, Варда сообщилъ ему страшный сонъ: будто онъ съ царемъ Михаиломъ въ прошлую ночь вошелъ въ храмъ св. Софіи и увидѣлъ, что архангельскія иконы вверху и внизу по всѣмъ окнамъ смотрятъ въ храмъ; когда они подошли къ амвону, явилось двое кубикularioвъ: одинъ схватилъ царя и повлекъ его вправо, другой Варду влево. Варда увидѣлъ въ алтарѣ старца, похожаго на икону ап. Петра, и съ нимъ двухъ препоситовъ; у ногъ сидящаго стоялъ Игнатій и молился ап. Петру, прося его утѣшить его многострадальную старость и говоря, что его болѣе всего обидѣлъ Варда. Тогда сидящій подалъ мечъ стоявшему отъ него справа, велѣлъ вывести Варду за нартѣксъ и рубить на части, а царю объявилъ погибель. Что ему сказалъ на это Филоея, Никита умалчиваетъ, но Варда въ началѣ поста послалъ на островъ Фотіева родственника Льва Птаолима (ὁ Πταολήμης) съ войскомъ и велѣлъ содержать Игнатія въ совершенномъ уединеніи.

Черезъ три мѣсяца сонъ осуществился: Михаилъ отправился на Критъ, Варда сопровождалъ его до Кипъ (Κῆποι), гдѣ и былъ умерщвленъ и разрубленъ на куски. Такъ погибъ софистъ, всегда приноровлявшійся ко времени, угрождавшій сильнымъ и тѣснившій бѣдныхъ (§ 28). Императоръ немедленно вернулся въ столицу и въ пятидесятницу возвелъ патрикія и паракимомена Василия въ царскій санъ.

Многоумный Фотій, оказавшись не въ состояніи повредить папѣ Николаю, убѣдилъ царя созвать соборъ для его осужденія. Собравъ всѣхъ подвѣдомственныхъ ему епископовъ, нѣкоторыхъ жалкихъ людшекъ и неизвѣстныхъ замѣстителей восточныхъ патріарховъ, Фотій безъ всякой причины произнесъ анаѹему противъ Николая. Онъ подкупилъ франкскаго короля Людовика (Λσδόρχον) и его супругу Ингельберту (Ηγγεβέργαν), обѣщая провозгласить ихъ въ Константинополѣ царями, лишь бы они содѣйствовали ему изгнать изъ церкви Игнатія. Устроивъ дѣло, онъ отправилъ въ Италію акты собора съ рукоположеннымъ имъ Халкидонскимъ митрополитомъ Захаріею Кофомъ (ὁ Κοφός) и Теодоромъ, перемѣщеннымъ изъ Каріи въ Лаодикію; а самъ всячески старался привлечь на свою сторону Игнатіевыхъ слугъ, но напрасно; онъ старался поссорить Михаила съ Василиемъ, наговаривая каждому изъ нихъ противъ другого, но это не понравилось Василию.

Вскорѣ затѣмъ Михаилъ былъ умерщвленъ въ храмѣ (πρός τῷ ταμένει) муч. Маманта, процарствовавъ съ матерью 15 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ и одинъ—9 лѣтъ.

Сентября 24 (867 г.) Василій вступилъ во дворецъ и былъ провозглашенъ самодержцемъ. Немедленно онъ послалъ вернуть съ дороги Захарію Халкидонскаго. На слѣдующій день послѣ провозглашенія онъ низвелъ Фотія съ патриаршаго престола и сослалъ въ монастырь Скепи (Σκέπη), а на третій день отправилъ друнгарія царскаго флота Илію съ царскимъ судномъ за Игнатіемъ—вернуть его съ острова съ подобающею честію; новый царь водворилъ Игнатія въ «отцовскихъ своихъ палатахъ» Мапганахъ (Μάγκανα, § 29). Имп. Василій рѣшился взять у Фотія все рукописи и бумаги, которыя тотъ взялъ, уходя съ патриаршества. Не смотря на то, что Фотій клялся, что у него ничего нѣтъ, препоситъ Ваанъ (Βαάνης), посланный къ нему, забралъ у него семь полныхъ мѣшковъ, запечатанныхъ свинцовою печатью. Тутъ оказались двѣ книги, писанныя золотомъ и серебромъ, въ шелковомъ переплетѣ; одна изъ нихъ содержала семь соборныхъ дѣяній (фантастическихъ и дѣйствительныхъ) противъ Игнатія. Въ началѣ ихъ при каждомъ дѣяніи рукою Сиракузскаго архіепископа Григорія Асвесты (Ἰσβεστάς), извѣстнаго живописца, былъ изображенъ Игнатій. Въ первомъ дѣяніи его влекутъ и бичуютъ, подпись «дѣволъ»; во второмъ на него плюютъ, съ подписью «начало грѣха»; въ третьемъ его извергаютъ съ престола, надпись «сынъ погибели»; въ четвертомъ онъ изображается связаннымъ и изгоняемымъ, съ надписью «скупость Симона мага»; въ пятомъ на шею Игнатія надѣто дерево, съ надписью «превозносящійся выше Бога и святыни»; въ шестомъ изображенъ осужденнымъ, съ подписью «мерзость заустѣнія»; въ седьмомъ его влекутъ и обезглавливаютъ, съ подписью «Антихристъ». Я, пишетъ Никита, умолчалъ бы объ этомъ, если бы не видѣлъ авторовъ, содѣявшихъ это, и близкихъ къ нимъ лицъ, которыя не только не краснѣли, но гордились, приписывая Фотію славу святости. Очевидцы, присутствовавшіе при чтеніи дѣяній, увѣряли, что противъ Игнатія было выставлено 52 обвиненія; въ концѣ cadaго изъ нихъ оставлено мѣсто для подписи лицъ, которыхъ бы удалось подкупить. Вторая синодиковая книга направлена была противъ папы Николая. Второй экземпляръ этихъ книгъ Фотій хотѣлъ послать съ Захаріемъ и Теодоромъ къ королю франкскому для того, чтобы Людовикъ изгналъ Николая съ престола, а первый экземпляръ оставилъ у себя. Отнявъ эти четыре

книги, императоръ доложилъ о нихъ сенату и церкви и затѣмъ приказалъ сжечь ихъ (§ 30).

Имп. Василій созвалъ во дворцѣ Магнавры silentій и въ воскресенье 23 ноября, день изгнанія Игнатія, возстановилъ его во всѣхъ патриаршихъ правахъ, послѣ девяти полныхъ лѣтъ его страданія. Весь городъ присутствовалъ при этомъ событіи. Игнатій былъ веденъ мимо святого колодца (*διὰ τοῦ ἁγίου φρέατος*), поднимаясь къ храму св. Софіи; у правыхъ дверей его встрѣтилъ сонмъ патрикіевъ. По обычаю, была совершена литургія. Когда іерей, совершая возношеніе даровъ, возгласилъ: «Благодаримъ Господа», уже самъ народъ воспѣлъ: «Достойно и праведно». Утвердившись на престолѣ, Игнатій возбранилъ служеніе не только Фотію и его ставленникамъ, но и всѣмъ его сторонникамъ. Затѣмъ онъ убѣдилъ царя созвать вселенскій соборъ для прекращенія соблазна. Къ папѣ Николаю были посланы апокрисіаріями на двухъ дромонахъ: Іоаннъ Пергскій (*ὁ τῆς Πέργης*), сострадалецъ Игнатіевъ, со стороны Фотія Петръ Дилей (*Δεῖλαιος*) Сардскій; съ ними отправился также спаварій Василій Пинака (*Πινάκας*). Дорогою Петръ Дилей жалко (*δειλαιος*) погибъ въ Далматинскомъ заливѣ, а Іоаннъ съ Василіемъ нашли въ Римѣ уже не Николая, недавно умершаго, а новаго папу Адріана. Вскорѣ въ Византію съѣхались: Стефанъ и Донатъ, епископы папы римскаго, и съ ними одинъ изъ семи діаконовъ Маринъ; дарами и письмами императоръ пригласилъ Сирійскаго начальника; замѣстителемъ Александрійскаго патриарха Михаила былъ архидіаконъ и синкелль Іосифъ, Антиохійскаго патриарха Михаила—Θομα, митрополитъ Тирскій, Іерусалимскаго патриарха Θεοδосία—пресвитеръ и синкелль Илія. Всѣ они съ 12-ю сострадавшими съ Игнатіемъ епископами собрались въ правой части катихуменъ Софійскаго храма во главѣ съ имп. Василіемъ (§ 31). Передъ честнымъ и животворящимъ деревомъ и св. Евангеліемъ были прочитаны сначала грамоты папы Адріана и восточныхъ патриарховъ, затѣмъ были провѣрены полномочія замѣстителей (§ 32). Далѣе, священники и архіереи, поставленные патр. Меѳодіемъ и Игнатіемъ, но склоненные на сторону Фотія, дали покаянныя письма (*λιβέλλους μετανοίας*), просили прощенія, были подвергнуты епитиміи и получили свои каѳедры (§ 33). Затѣмъ соборъ изъ 102 епископовъ привелъ Фотія, противъ его воли; его обвиняли въ зломышленіи противъ Игнатія, во лжи, клеветѣ и замыслахъ противъ папы Николая; спрашивали, что очъ

думаетъ объ осужденіи его въ Римѣ. Фотій молчалъ¹⁾; замѣстители, царь и сенатъ убѣждали его просить прощенія, чтобы онъ въ санѣ мірянина могъ удостоиться общенія съ вѣрными; но Фотій отказался. Тогда его осудили, анаематствовали какъ виновника церковнаго соблазна. Приговоръ былъ подписанъ не голыми чернилами, но, «какъ я слышалъ отъ знающихъ и утверждавшихъ» (ὡς τῶν εἰδόντων ἀκήρως διαβεβαιουμένων), погружали перо (κάλαμον) въ самую кровь Спасителя; такъ осудили Фотія и всѣхъ имъ рукоположенныхъ (§ 34). По этому поводу Никита замѣчаетъ: Я намѣренъ осудить постановленіе этого восьмого собора, какъ это ни смѣло; правда, я его принимаю вмѣстѣ съ семью предшествующими, но порицаю его, не за то (какъ нѣкоторые полагаютъ), что онъ поступилъ сурово и со злопомненіемъ, а за то, что неправильно судилъ, судилъ съ бѣльшимъ, чѣмъ слѣдовало, снисхожденіемъ, вопреки апостольскому правилу. Фотій осудилъ Игнатія, овладѣвшаго церковью будто бы чрезъ посредство мірской власти, — очевидно по 30 Апостольскому канону²⁾; но этотъ канонъ долженъ быть примѣненъ къ самому Фотию, который правилъ церковью не избраніемъ Божиимъ и іерейскимъ, а при чрезмѣрномъ своемъ любоначалии и жаждѣ къ славѣ чрезъ мірскую власть. Его самого слѣдовало извергнуть со всѣми, имъ рукоположенными; членамъ собора не слѣдовало быть снисходительнѣе Бога и Божьяго суда; это все перевернуло вверхъ дномъ (намекъ на событіе, послѣдовавшее по смерти Игнатія). Какъ во времена Тарасія соборъ поступилъ съ еретиками снисходительнѣе, чѣмъ слѣдовало, и они потомъ возобновили свое нечестіе, такъ и теперешній соборъ произнесъ судъ не каноническій, и зло снова распространилось въ церкви, ибо позже Фотій снова захватилъ престоль, поправъ апостольское правило и церковное преданіе, и принудивъ всѣхъ отказаться отъ своихъ рукописаній и такимъ образомъ быть крестопопрателями. Такова, по моему мнѣнію, ошибка этого собора, принявшаго въ общеніе павшихъ и введшаго въ стадо волка. Да нѣкоторые и предвидѣли это по знаменіямъ тѣхъ временъ. Еще до собора, но уже въ ожиданіи его, извиѣ пригнанные быки были ведомы по городу; вдругъ они разъярились и бросились

1) По другому списку: сказалъ, что не имѣеть причины оправдываться во взводимыхъ на него обвиненіяхъ.

2) Ράλλη καὶ Πότλη Σύνταγμα, II, 37: εἴ τις ἐπίσκοπος κοσμικοῖς ἄρχουσι χρησάμενος, δι' αὐτῶν ἐγκρατῆς ἐκκλησίας γένοιτο, καθαιρεῖσθαι καὶ ἀφοριεῖσθαι καὶ οἱ κοινωνοῦντες αὐτῷ πάντες.

въ разныя стороны; одинъ вторгся въ храмъ св. Софїи и добѣжалъ даже до амвона; это было въ 9-мъ часу дня. Затѣмъ 9 января произошло страшное землетрясеніе, когда упало много церквей, портиковъ и домовъ, погибло множество скота и людей, и треснулъ во многихъ частяхъ храмъ св. Софїи, заботы о поправкѣ котораго приложилъ имп. Василій. Это происходило до собора. А послѣ него, въ началѣ октября, разразился надъ столицею ураганъ, сорвавшій крыши со многихъ церквей, дворцовъ и свинцовый покровъ съ патріаршей палаты, и уронившій тяжеловѣсный мѣдный кубарь съ четырехсторонняго столпа-монолита на ипподромъ; «этого бы не случилось, если бы, какъ сказано, члены собора рѣшили по апостольскому правилу». — Эти разсужденія Никиты въ лучшемъ случаѣ конечно паявны. Если небесныя явленія необходимо было ужъ непременно подгонять къ дѣлу Игнатія и Фотія, то вѣдь та партія сторонниковъ Фотія, которая находила осужденіе его въ 869 г. слишкомъ суровымъ, могла толковать ихъ совсѣмъ наоборотъ, въ томъ смыслѣ, что кара небесная посѣтила городъ въ отвѣтъ на намѣреніе осудить Фотія и за совершившійся судъ надъ нимъ. — Но соборъ, замѣчаетъ Никита, равно какъ простота, чтобы не сказать слѣпота, царя, благоволили Фотію и его сторонникамъ (§ 35).

Во второе свое патріаршество Игнатій правилъ церковью съ большею опытностью, святостью и увѣренностью, чѣмъ прежде. Въ общей его характеристикѣ заслуживаетъ вниманія указаніе на заботу его объ устроеніи церкви и на произнесеніе имъ словъ въ храмахъ Богоматери, Апостоловъ и Мучениковъ. Никита отмѣчаетъ, съ какимъ благочестіемъ патріархъ служилъ литургію, и приводитъ образчикъ его проповѣди (§ 36).

Достигши глубокой старости (πῆρ γῆρας), Игнатій желалъ смерти, какъ избавленія отъ временныхъ трудовъ, болѣзней и горестей (§ 37). Передъ смертью у него отнялся языкъ. Въ полночь служка воскликнулъ «благослови, владыко»; Игнатій съ трудомъ спросилъ его: какого святого сегодня память? Тотъ отвѣтилъ: «Іакова, Брата Божія, твоего друга, владыко». Игнатій поправилъ его: «владыки моего; ну спасайтесь; благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь». И съ этими словами онъ испустилъ духъ. Облаченъ онъ былъ въ святительскія ризы съ наплечниками Іакова, Брата Божія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ присланными ему изъ Іерусалима. Игнатій скончался 23 октября (877 г.) и поставленъ былъ

сначала въ деревянной ракъ во храмѣ св. Софіи (§ 38). Народъ питалъ такое почтеніе къ Игнатію, что растащилъ доски изъ-подъ кровати, на которой лежалъ почившій, и разорвалъ на тысячи частей покрывало, которымъ онъ былъ покрытъ. Едва удалось освободить отъ парода его тѣло и перенести въ храмъ муч. Минны, гдѣ оно лежало не долго. При гробѣ его исцѣлились двѣ сумасшедшія женщины. Лица, завѣдывавшія его похоронами, положили тѣло на судно и поплыли къ построенному Игнатіемъ храму Архистратига (πρὸς τῷ ἱερῷ τοῦ ἀρχιστρατήγου ναῶν); стоявшая на морѣ буря утихла. Тѣло было положено въ мраморной ракъ въ правой сторонѣ (§ 39). Игнатій во второе патріаршество правилъ десять лѣтъ, всего тридцать съ небольшимъ лѣтъ и умеръ на 80-мъ году жизни (§ 41). Рассказывать, какими чудесами прославилъ его Богъ — дѣло исторіи, а не настоящаго времени, тѣмъ не менѣе Никита предлагаетъ немного изъ многаго (§ 42).

Мальчикъ 8 — 9 лѣтъ, совершенно параличный и оглохшій, былъ приведенъ ко гробу Игнатія и черезъ четыре дня совершенно выздоровѣлъ и самъ собою открылъ церковныя двери (§ 43). Другой, пораженный епилепсіей и нѣмотою, обратился съ молитвою къ Игнатію, который явился ему во снѣ съ ключемъ въ рукѣ, всунулъ ему ключъ въ ротъ, повернулъ и назвалъ себя патріархомъ Игнатіемъ, послѣ чего больной совершенно выздоровѣлъ (§ 44).— Легенда о чудодѣйственномъ ключѣ, исцѣляющемъ человѣческія немощи, сохранилась въ Византіи и въ болѣе позднее время; въ 1200 г. она приурочена была къ затвору Софійскаго храма, мѣдный запоръ котораго брали въ ротъ люди, одержимые какою либо отравою, и исцѣлялись¹⁾.— Третій человѣкъ, страдавшій диссентеріею, не получившій помощи отъ врачей и стоявшій на краю смерти, обратился съ молитвою къ Игнатію, увидѣлъ его во снѣ, успокоился и выздоровѣлъ (§ 45). Одна законная жена, мать трехъ дѣтей, страдала сухоткою сосцевъ и давала кормить дѣтей другимъ женщинамъ; обратившись съ молитвою къ Игнатію, она собрала миро съ его волосъ и получила изобиліе своего собственнаго молока; тоже получила и другая женщина, страдавшая тѣмъ же (§ 46). Одна благородная жена долго была бездѣтна; мужъ принесъ ей елея отъ мощей Игнатія; женщина намазалась имъ, разрѣшилась отъ неплодія и стала матерью многихъ дѣтей (§ 47).

1) См. Паломникъ Антонія Новгородскаго, въ изд. Имп. Прав. Пал. Общ., пред. стр. LXXXV.

Но Игнатій помогаль не только тѣмъ, кто притекаль къ его гробу, — онъ исцѣляль и дальнихъ. Стратигъ Сициліи Мусуликъ клятвенно утверждалъ, что когда онъ въ войнѣ съ Сарацинами призвалъ на помощь Игнатія, онъ увидѣль его въ воздухѣ на бѣломъ конѣ, что онъ справа предводительствуетъ войскомъ, и стратопедархъ разбилъ враговъ (§ 48)¹). — Описанное здѣсь происшествіе относится вѣроятно къ 881 году²). По Георгію иноку (р. 761 М), стратилатомъ Сициліи былъ тогда Евпраксій; на помощь ему былъ посланъ протоповестіарій Прокопій; Мусуликъ (Μουσουλίκης) былъ отправленъ въ Кефаллинію, Равдухъ (ὁ Ῥαβδοῦχος) въ Диррахій, Иниатъ (Ἰνιάτης) и Левъ Апостиппъ въ Пелопоннисъ. Извѣстно, что Прокопій, вслѣдствіе измѣны Апостиппа, проигралъ битву и былъ убитъ Сарацинами. Появленіе здѣсь Льва свидѣтельствуетъ, что вскорѣ въ Сицилію стянулись военныя силы всѣхъ западныхъ оемъ, что здѣсь же могъ оказаться и Мусуликъ, который по смерти Прокопія могъ принять начальство надъ корпусомъ и отгнать Арабовъ. — У одной женщины были необычайно трудныя роды; врачи совѣтовали даже разсѣчь утробу и извлечь оттуда ребенка. Но одинъ изъ присутствующихъ имѣль при себѣ кусочекъ того покрывала, которымъ былъ покрытъ въ гробу Игнатій; онъ приложилъ его къ бедрамъ больной, и женщина благополучно разрѣшилась отъ бремени (§ 49). Кромѣ того Игнатій исцѣляль лицъ, страдавшихъ нефритомъ (νεφριτικῶ νοσήματι), прокаженныхъ (λεπρούς καὶ ἀλεφαντιῶντας), слѣпыхъ, паралитиковъ, сухорукихъ и сухоногихъ, отъ горячки, лихорадки и сумасшествія. Саккеларій Лидъ (ὁ Λυδός), вступившій въ монастырь по обману Фотія, долженъ былъ бичемъ выгонять всѣхъ, кто приходилъ ко гробу Игнатія; кромѣ того онъ велѣль разрушить смежныя съ гробомъ мѣста подъ тѣмъ предлогомъ, что Игнатій спряталъ тамъ золото, а на самомъ дѣлѣ, чтобы обезчестить мощи. Но вотъ его покаралъ гнѣвъ Божій: Лидъ страшно вскричалъ, облился собственною своею кровью, былъ принесенъ домой и четыре дня пробыль безъ голоса (§ 50).

1) 564 ὁ τῆς Σικελίας στρατηγός, ὡς μέλλων εἰς πόλεμον συμβαλεῖν ἐν Σικελίᾳ τοῖς Σαρακηνοῖς καὶ ἀγῶνι πολλῶ συνεχόμενος . . . εἶδον αὐτὸν ὀφθαλμοφανῶς ἐπὶ τοῦ ἀέρος ὡσπερ ἐφ' ἵππου λευκοῦ καθήμενον—πρὸς τοῖς δεξιοῖς μέρεσιν ὀδηγεῖν τὸν στρατὸν . . . ὁ καὶ πεπονηχότα τὸν στρατοπεδάρχη (Μουσουλίκης δὲ ὄνομα τῷ ἀνδρὶ), κατακράτος τοὺς ὑπεναντίους ἐλεῖν.

2) Muralt, 462.

Но Фотій не остановился въ своемъ коварствѣ: въ теченіе своего 10-тилѣтняго изгнанія онъ имѣлъ противъ Игнатія тысячи умысловъ и, наконецъ, воспользовавшись простотою или слѣпотою царя, добился его расположенія. Изъ именъ Василія, Евдокія, Константина, Льва, Александра и Стефана онъ составилъ слово Βεκλας и выдумалъ небывалое родословіе, по которому Василій былъ потомкомъ армянскаго царя Тиридата, сыномъ Векласа¹⁾. Это родословіе онъ переписалъ на старыхъ хартияхъ александрійскимъ, древнимъ, почеркомъ (γράμμασιν ἀλεξανδριναῖς), въ видѣ отрывка изъ древнѣйшей книги, и спряталъ свою рукопись въ царской библіотекѣ (§ 52). Вѣрнымъ человѣкомъ у Фотія былъ царскій клирикъ Теофанъ, бывший позже епископомъ Кесаріи Каппадокійской. Онъ, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, доложилъ царю, что въ его библіотекѣ имѣется драгоценнѣйшая рукопись, прочесть которую можетъ одинъ только Фотій. Такъ Фотій добился свиданія и расположенія имп. Василія и часто сталъ посѣщать дворецъ. Затѣмъ Фотій представилъ царю монаха Θεодора Сантаварина въ качествѣ святого человѣка, но это былъ магъ и кудесникъ, черезъ котораго Фотій много вредилъ Игнатію. Не обращая вниманія на постановленія вселенскаго собора, Фотій засѣдалъ во дворцѣ Магнаврѣ, назначая здѣсь экзарховъ и совершая хиротоніи и болѣе, чѣмъ прежде, забравъ силу при посредствѣ мірской власти. Черезъ три дня по смерти Игнатія онъ вступилъ снова на патріаршій престолъ и прежде всего заточилъ всѣхъ сторонниковъ Игнатія, которыхъ подвергалъ разнымъ истязаніямъ и подкупомъ переманивалъ на свою сторону; непокорныхъ бичевалъ: для этого у него былъ жестокій зять (γαμβρός) Левъ Катакаль (ὁ Κατάκαλος), назначенный имъ друнгаріемъ стражи и замучившій нѣкоторыхъ до смерти. Фотій пытался отставить всѣхъ епископовъ, рукоположенныхъ Игнатіемъ, и замѣстить ихъ лицами, изверженными этимъ послѣднимъ; но когда имп. Василій отклонилъ это, Фотій рѣшился вновь хиротонисать игнатіянь и для этого закупилъ омофоровъ и орарей (§ 53). Находясь въ изгнаніи, Фотій рукоположилъ Θεодора Сантаварина въ митрополиты Патръ (и его называли тогда фотіане митрополитомъ Афантополя, то-есть несуществующаго города); теперь онъ отправилъ его апокрисіаріемъ къ папѣ Іоанну сказать, что

1) Любопытно, что легенда о Векласѣ пережила много столѣтій и слово это играетъ роль въ жизни даже Михаила Палеолога (Pachum. I. 11).

онъ противъ воли, насильно вступилъ на патриаршество. Петръ, секретарь (μυστογράφος), позже бывший епископомъ Сардскимъ, укралъ подписи митрополитовъ (?) и приложилъ ихъ къ грамотѣ. Сантаваринъ, вслѣдствіе сосѣдства, добивался занять епископію Евхаетскую; Фотій удалилъ Евфиміана Евхаетскаго и поставилъ на его мѣсто Теодора, которому далъ нѣсколько сосѣднихъ епископій, удаливъ изъ нихъ епископовъ, и котораго называлъ πρωτόθρονος. Никейскаго митрополита Никифора онъ насильно заставилъ отказаться отъ орфанотрофіи, а Амфилохія кизическаго перевелъ въ Никею; по смерти его онъ назначилъ сюда Григорія Сиракузскаго, смерть котораго онъ восхвалилъ надгробнымъ словомъ (§ 54). Тогда у царя умеръ перворожденный сынъ Константинъ, котораго Фотій не усумнился почитать въ церквяхъ и монастыряхъ (§ 55). Затѣмъ Сиракузы испытали страшную погибель: весь островъ и всякій городъ и страна до нынѣ (μέχρι και τήμερον) опустошаются врагами (§ 56).—Мы знаемъ, что Арабы нанесли поражение Грекамъ при Мессинѣ въ 890 году, — быть можетъ, это время разумѣетъ и Никита.—Но, замѣчаетъ агіографъ, рассказывать обо всѣхъ беззаконіяхъ Фотія, «начальника лицемѣровъ, крестоборцевъ, и всѣхъ его преемниковъ и общниковъ любоначалія»—дѣло исторіи, а не цѣль настоящаго слова (§ 57).—А. И. Пападопуло-Керамевсъ, находя выраженіе «преемники» не подходящимъ къ дѣлу, пытался доказать, что Ж. Игнатія подложно, что оно написано въ эпоху уніи, въ XIII вѣкѣ¹⁾. — Житіе оканчивается пожеланіемъ Никиты стать общниками части Божіей и избѣгать церковныхъ соблазновъ (§ 58).

ГЛАВА X.

Виѳинія. Олимпъ.

Послѣ Константинополя ни одна изъ областей Византійской имперіи не изобиловала такимъ количествомъ иноческихъ обителей, какъ виѳинская гора Олимпъ. Языческій, ессалійскій, Олимпъ, какъ и все языческое, со временъ Константина Великаго не только потерялъ ореолъ святости, — онъ даже сдѣлался предметомъ отвращенія въ глазахъ христіанъ.

1) Визант. Врем. 1899, VI, 17—19; тамъ же (стр. 39 сл.) блестящая отповѣдь акад. В. Г. Васильевскаго.

Но христіанская религія, уничтожая языческія воспоминанія, переклассъ о вызовѣ къ жизни аналогичныхъ мѣстностей, гдѣ бы религіозность (но уже въ совершенно христіанскомъ духѣ) могла найти для себя пищу. Съ перенесеніемъ столицы Константинъ перенесъ и центръ религіозной жизни къ своей новой столицѣ. Появился Новый Римъ, Византія, Константинополь, появился виѳинскій Олимпъ. Святость языческаго Олимпа смѣнилась теперь святостью Олимпа христіанскаго. Послѣдній удерживалъ свое официальное названіе Святой горы долгое время, до половины XI столѣтія, когда официально святою Горою сталъ именоваться Аѳонъ. «Константинъ Мономахъ, говоритъ Н. А. Скабалановичъ, далъ Аѳону официальное названіе Ἁγίον Ὄρος»¹⁾.

Но и послѣ того Олимпъ Виѳинскій все же не утратилъ въ народномъ вѣрованіи своего значенія. На старыхъ картахъ область Олимпа до поздняго даже времени носила общее названіе «ἱεροὶ Τόποι»²⁾.

Подъ именемъ виѳинскаго Олимпа разумѣется цѣлый рядъ высокихъ холмовъ (изъ которыхъ одинъ извѣстенъ по имени—Авксентіевъ³⁾), отстоящихъ другъ отъ друга на небольшомъ разстояніи. Эти холмы были усѣяны многочисленными обителями. О. Болландистъ Van den Gheyn въ 1894 г. тщательно собралъ свѣдѣнія о монастыряхъ; въ настоящее время списокъ ихъ можетъ быть нѣсколько дополненъ. Вотъ этотъ списокъ.

- 1) τῶν Ἀγαύρων, монастырь во имя свв. Космы и Даміана,
- 2) Ἀντιδίου монастырь,
- 3) Ἐριστῆς монастырь,
- 4) τῶν Κελλίων монастырь,
- 5) Ἐλαιοβῶμοι (Ильины алтари?) монастырь,
- 6) Τελάου (Hytoteloi) монастырь,
- 7) Захаріевъ монастырь (въ Атроѣ, у подножія Олимпа),
- 8) Никольскій монастырь,
- 9) Κοῦνις монастырь,
- 10) Аѳиногеновъ монастырь,
- 11) τῶν Εὐνούχων монастырь.

Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести нѣсколько киновій, метоховъ указанныхъ монастырей:

1) Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ. Спб. 1884, стр. 436.

2) Ср. Ф. И. Шмитъ, въ «Извѣст. русск. Археолог. Института въ Константинополѣ», X.

3) О немъ прекрасная работа о. J. Pargoire въ Bibliothèque hagiographique orientale Clugnet'a, вып. VI.

- 1) киновія св. Агапія, метохъ Агаврскаго монастыря,
- 2) » св. прор. Іліи,
- 3) » Λευκάδων,
- 4) » Дѣвы Маріи,
- 5) » Петра и Павла,
- 6) » св. Евстаѳія,
- 7) » Φλουβουτηνόν,
- 8) » Іоанна,
- 9) » Βαλέου,
- 10) » Βολίου, можетъ быть тожественная съ предыдущей¹⁾).

О. Луи Пти въ 1904 г. прибавилъ сюда изъ житія Евѳимія новую еще киновію Πισσαδηνόν²⁾, со своей стороны мы можемъ прибавить еще киновію τοῦ Κρίλη, недалеко отъ Пандима, часовню св. Георгія, близъ монастыря Евнуховъ, и св. Пантелеймона, въ Крилѣ. Еп. Кирионъ³⁾ полагаетъ, что на Олимпѣ находился также грузинскій монастырь, но какой именно, не называетъ. Положимъ, что изъ перечисленныхъ монастырей Агаврскій и Телайскій звучатъ по грузински (Арагва, Телай), однако нѣтъ никакихъ данныхъ для доказательства существованія въ IX вѣкѣ иверскаго монастыря на Олимпѣ. Въ житіи Иларіона грузина (ср. выше, стр. 58) видно, что этотъ святой въ бытность свою на Олимпѣ поселился въ маленькой церкви близъ Лавры, но церковка была необитаема и завѣдывалась греческимъ духовенствомъ; пусть, если угодно, доказываютъ, что это была грузинская церковь.

Діаконы Стефанъ и Игнатій—наиболѣе яркіе представители двухъ направленій агіографическаго дѣла въ самомъ Константинополѣ въ первой половинѣ IX столѣтія. Стефанъ, какъ мы видѣли, писалъ на основаніи историческихъ и біографическихъ данныхъ, а Игнатій останавливался только на главныхъ моментахъ біографій и украшалъ свои Житія цвѣтами классическаго краснорѣчія. Судьба того и другого направленія была не одинакова. Первое, какъ болѣе отвѣчавшее за-

1) На Олимпѣ упоминается еще мѣстность ὁ Μεσών (AA. SS. Boll., ноябрь, II, 324), упомянутая въ житіи св. Константина иже отъ Іудей.

2) Въ паннонскомъ житіи св. арх. Мееодія упоминается еще олимпійскій монастырь «Полихронъ», но это свидѣтельство должно быть признано подложнымъ: авторъ житія въ данномъ случаѣ находился подъ вліяніемъ житія Теофана Сигрианскаго. Теофанъ жилъ въ Полихроніи (около Кизика), Теофанъ спорилъ съ Іоанномъ, а славянскій агіографъ отнесъ это къ Мееодію и Константину!

3) Культурная роль Иверіи въ исторіи Руси. Тифлисъ, 1910.

просамъ времени, сохранялось почти во все время византийской имперіи, тогда какъ второе, которое могло поддерживаться лишь особою школьною постановкою византийской литературы и лицами, одаренными способностями къ усвоенію античнаго риторства, не могло пустить прочныхъ корней и прекращалось вмѣстѣ съ упадкомъ школьнаго дѣла въ патріаршихъ школахъ Византіи. Едва ли нужно прибавлять, что въ чисто историческомъ отношеніи первое направленіе гораздо болѣе важное, нежели второе.

Къ первому направленію примкнула виоинская «Святая гора» Олимпъ и ея иноки, жившіе въ эпоху Іоанникія Великаго. Къ числу ихъ принадлежатъ два монаха виоинскаго Агаврскаго монастыря Петръ и Савва, изъ которыхъ каждый написалъ житіе Іоанникія.

Петръ¹⁾, инокъ Агаврской киновіи, имѣлъ пять сестеръ, состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ виоинскому аскету и подвижнику и по видимому не сочувствовалъ студійскимъ монахамъ²⁾. Le Quien полагалъ, что онъ былъ позже епископомъ Силейскимъ, однако, какъ показалъ Van den Gheyn, ошибочно. А. И. Пападопуло-Керамевсъ агіографа Петра отождествлялъ съ Петромъ Атройскимъ, но совершенно неосновательно. Матеріаломъ для житія были у него съ одной стороны личныя воспоминанія, съ другой рассказы ближайшаго Іоанникіева сотрудника — Евстратія, который и побудилъ Петра взяться за перо для написанія житія ихъ общаго отца. Кромѣ всего этого необходимо предположить, что Петръ могъ пользоваться современными краткими монастырскими записями объ Іоанникіи. Но этотъ агіографъ не имѣлъ особаго литературнаго вкуса, не всегда зналъ чувство мѣры, и житіе сего не имѣетъ такого важнаго историческаго значенія, какъ житіе Іоанникія, написанное современникомъ же его Саввою³⁾.

Петръ между прочимъ пишетъ (р. 390 § 12): «Богородивенный Іоанникій былъ очень близокъ и любилъ благочестивѣйшаго Евстратія паче кого другого, — и по заслугамъ, ибо провидѣлъ будущее его настоятельство и паствырство надъ многими духовными овцами, и всѣмъ, что было тайно или необходимо, онъ дѣлился съ Евстратиємъ; да и мы были поощрены этимъ божественнымъ мужемъ къ сочиненію сего

1) Τῆς καθ' ἡμᾶς ἄπαντας βροτούς (AA. SS. Boll., ноябрь, II, 1 p. 384).

2) Петръ р. 422, § 57: καὶ ὡς ἔθος ἐστὶ τοῦτοις (студитамъ) ταραχὰς ἐμποιεῖν καὶ κατασεῖειν οὐ μόνον τὴν τοῦ θεοῦ ἐκκλησίαν, ἀλλὰ καὶ πάντας τοὺς τῷ θεῷ ἀναχειμένους καὶ τὴν ἰσόβλον γλῶσσαν εὐθετα πρὸς ἀγιοκατηγόριαν κινεῖν.

3) Ἀνάλεκτα ἱεροσ. σταχυολογίας, IV, 370.

священнаго и полезнаго труда; что мы отъ него слышали, то и вамъ сообщаемъ».

Раздѣляя точку зрѣнія Болландистовъ, мы также обращаемъ второстепенное вниманіе на Петрово житіе, отмѣтивъ ниже всѣ различія его при изложеніи Саввина житія Іоанникія.

Объ измѣнѣ стратига Востока Льва Армянина (Амаликитянина) Петръ говоритъ не такъ опредѣленно (П 392 § 15), какъ Савва (Σ 347 § 16). Но вообще онъ довольно много сообщаетъ свѣдѣній, которыя почему либо не вошли въ Саввинъ пересказъ. Іоанникій исцѣлилъ рабочаго Πάρδος'а отъ укушенія ехидною (§ 41); ходилъ въ Θρακισίηскую область для поклоненія храму св. Іоанна Богослова и оттуда къ горѣ Λισός (§§ 42—43); исцѣлилъ монахиню въ монастырѣ Κοῦμιν (§ 44); Евгантровъ племянникъ, взятый въ плѣнъ сарацинами, былъ уведенъ въ Сирію, и за него хлопотали передъ Іоанникіемъ Левъ, царскій патрикій и сакелларій, а равно царскій кубикуларій и протовестіарій Агапитель (во время паденія Аморія, 838 г. § 62); при свиданіи Іоанникія съ Петромъ и Платономъ упомянуть епископъ Прусскій Іоаннъ, неизвѣстная нигдѣ индѣ личность, съ которою агіографъ Петръ путешествовалъ (§ 68); въ эпоху собора 842 г. явилась большая сумятица въ мнѣніяхъ самихъ православныхъ на дѣло возстановленія иконопочитанія. Евстратій говорилъ Іоанникію, что сторонники Аѳанасія, Навкратія (студитовъ) и (патріарха) Іоанна Какосамвы хотятъ уничтожить согласіе; да и самъ Іоанникій говорилъ, что патріархъ Іоаннъ за одно со студитами¹⁾. Это очень важное свидѣтельство. Студитскій монастырь при преемникахъ св. Θεодора ударился въ церковную политику и интриги и подвергся осужденію за свое отщепенство отъ православія. Послѣднимъ иконоборческимъ патріархомъ былъ, какъ извѣстно, Іоаннъ Леканомантисъ, котораго православные, начиная со второй половины IX столѣтія, называютъ презрительно Янномъ. Въ разсматриваемомъ житіи мы имѣемъ даже родовое названіе его *καχοσαμβας* (рук. *κατασαμβας*). Болландистъ Van den Gheyn (р. 433) допустилъ необычайную странность, замѣтивъ: *Ioannes Cacosambas — patriarcha haereticus Constantinopolitanus, a Theophilo loco s. Nicephori suffectus*. Любопытное явленіе мы видимъ въ исповѣданіи вѣры Іоанникіемъ. Петръ влагаетъ въ уста святого длинную рѣчь (р. 417

1) Петръ р. 430 — 431, § 69: *οἱ μὲν γὰρ τοὺς ἀμφὶ Ἀθανάσιον καὶ Ναυκράτιον καὶ Ἰωάννην τὸν λεγόμενον Καχοσαμβαν δοξάζειν ἀγωνίζονται...—Ματαίωπονοῦσιν οἱ δοχοῦντες συνιστᾶν τοὺς ῥηθέντας Στουδίτας καὶ τὸν σὺν αὐτοῖς Ἰωάννην.*

§ 55), которая почти цѣликомъ взята изъ сочиненія патр. Никифора¹⁾. Извѣстiе о времени кончины Иоанникiя изложено Петромъ въ слѣдующемъ видѣ: святой скончался, подвизавшись добрѣ, проживъ въ пустынѣ 52, а всего проживъ 84 года, почивъ 3 ноября 10-го индикта, что падаетъ какъ разъ на 846 годъ. Ошибка въ цифрѣ 84 у Петра несомнѣнна. Иоанникiй, по словамъ Саввы, умеръ на 93 г. своей жизни, на основанiи чего Болландисты и отнесли его рожденiе къ 754 (753) году.

Петрово житiе Иоанникiя не отличается соразмѣренностью частей, грѣшитъ недостаткомъ литературной мѣры, иногда подробно останавливается на такихъ частяхъ, которыя не имѣютъ прямого отношенiя къ темѣ, — видно, что это сочиненiе новичка въ литературѣ. Современники чувствовали слабость произведенiя и тамъ же, на Олимпѣ, хотѣли имѣть другое, болѣе литературное житiе великаго провидца. Игуменъ Iосифъ (можетъ быть Агаврскаго же монастыря) побудилъ инока Савву, какъ лично знавшаго Иоанникiя, написать болѣе совершенное житiе святого, ибо величiе имени послѣдняго требовало и соотвѣтствующаго житiя. Выборъ Iосифа былъ не случайный. Сава уже зарекомендовалъ себя въ области агiографiи своимъ житiемъ св. Петра Атройскаго и похвалою св. Теофану Сигрианскому. Онъ и на этотъ разъ принялъ предложенiе или вѣрнѣе порученiе Iосифа и написалъ Βίος на основанiи Петрова житiя, своихъ воспоминанiй и рассказовъ другихъ иноковъ объ Иоанникiи. При этомъ Савва далъ нѣсколько иную группировку чудесъ святого и, обладая литературнымъ талантомъ, отнюдь не рабски пересказывалъ житiе своего предшественника, — пѣтъ, его пересказъ имѣетъ видъ заново написаннаго, оригинальнаго и современнаго житiя.

Въ предисловiи²⁾ Савва вкратцѣ говоритъ о необходимости предавать писанiю житiя святыхъ и пользуется случаемъ исполнить порученiе своего игумена Iосифа для того, чтобы изложить жизнь Иоанникiя (§ 1). — Изъ писемъ Θεодора Студита видно, что святой собственно назывался Иоанномъ, Иоанникiемъ же онъ былъ названъ уменьшительно, съ юности. — Иоанникiй происходилъ изъ Виеинской епархiи, селенiя Марикато (τῶν Μαρυχάτου), расположеннаго въ сѣверной части Аполлонiадскаго озера. Отецъ его назывался Мирицикъ (Μυριτζικός, у Петра: Μυριτζικός), имя матери — Анастасо. Иоанникiй родился на

1) Nicephori Sermo pro imaginibus, ap. Mai Nova Patrum bibliotheca, V, 22.

2) Τὰ ψυχῶφελῆ καὶ θεάρεστα τῶν ἀγίων: AA. SS. Boll., ноябрь, II, 332—333.

14 году царствованія несторіанина Константина, сына Льва Исавра.— Послѣ усиленныхъ разысканій Болландистъ Van den Gheyn пришелъ къ выводу, что Іоанникій родился въ 754 (753) году.— Въ бытность свою въ первомъ возрастѣ, или семи лѣтъ отъ роду, Іоанникій по порученію родителей пасъ свиней; онъ выгонялъ ихъ на пастбище, осѣняя ихъ знакомъ животворящаго креста, послѣ чего могъ оставлять ихъ безъ надзора, безъ боязни, какъ бы они не пострадали отъ звѣрей и воровъ, вечеромъ онъ пригонялъ ихъ обратно. Въ этомъ занятіи онъ провелъ свой второй возрастъ. Въ началѣ третьяго періода (съ 16 лѣтъ), на 31 году царствованія Константина, на 1-мъ году брака Льва Хазара и Ирины, на 19 году жизни, въ 773 г., онъ былъ зачисленъ императоромъ въ экскувиторское войско въ 18-ю роту (βάνδον); отличался передъ всѣми тѣлесною силою, красотою и ростомъ, пользовался любовью своихъ товарищей, въ войнахъ оказывалъ помощь, кто только въ ней нуждался; онъ былъ обдержимъ со своими родителями иконоборческою ересью (§ 2). Затѣмъ авторъ говоритъ объ иконоборчествѣ, о появленіи ереси изъ Исавріи «въ послѣднія 57 лѣтъ поруганія Божія строительства» (§ 3). На второмъ году царствованія имп. Ирины, на 12-мъ году ея власти доселѣ, на 28-мъ году возраста Іоанникія, въ 782 г., продолжалась война за Христову икону, наконецъ кончилась при Иринѣ. Начался голодъ, землетрясенія, молніи и громы, несчастія и смертность, но царилъ миръ въ городахъ и деревняхъ (§ 4).

На 36-мъ году жизни, въ 790 г., Іоанникій услышалъ голосъ старца, въ то время, когда войско находилось на востокѣ и возвращалось черезъ Олимпійскія горы; голосъ этотъ напомнилъ ему о его заблужденіи. Іоанникій палъ на землю и просилъ прощенія въ своемъ невѣдѣніи, рѣшившись вѣровать въ иконы Спаса, Богородицы и святыхъ. Съ этого времени онъ предался подвижничеству, проводилъ время въ слезахъ и спалъ на голомъ полу (§ 5).

На седьмомъ году подвижничества (на 42-мъ г. жизни), на шестомъ году царствованія имп. Константина младшаго, сына Льва, внука Константинова, правнука Льва Исаврянина, въ 797 г., Болгарскій народъ двинулся опустошительнымъ походомъ на Θракію. Императоръ выступилъ противъ враговъ. Сраженіе произошло въ Маркеллѣ (ἐν τῇ Μαρκέλλῃ)¹⁾, много грековъ погибло. Іоанникій

1) У Петра (р. 386, § 5): ἐν τῷ τόπῳ προσχόμενῳ Μαρκέλλαις.

обнаружилъ такую храбрость, что даже царь обратилъ вниманіе: «изъ какой ты страны, изъ какого полка и какъ твое имя?» спросилъ Константинъ. — Изъ Виѳинской епархіи, изъ деревни Марикато, изъ рода Войладовъ (*Βοιλᾶδῶν*), по имени Іоанникій, экскувиторъ въ войскѣ. Царь пожелалъ имѣть его около себя и одарилъ его многими подарками. Въ это время одинъ изъ враговъ бросился на грековъ, но былъ обезглавленъ святымъ (§ 6). Послѣ битвы Іоанникій думалъ о гибели своихъ гражданъ, сошелъ съ коня и плакалъ, приговаривая: благодарю Тебя, Господи, яко избавилъ еси меня отъ руки враговъ. Съ права отъ него возвышалась виѳинская гора Олимпъ. Онъ рѣшился послѣдовать св. Илиѣ и пустыннолюбцу Іоанну Крестителю. Вернувшись въ столицу и обойдя въ ней св. храмы, не думая о царскихъ почестяхъ и обѣщаніяхъ, онъ удалился на родину, взявъ благословеніе у родителей и перемѣнилъ свою службу у царя на службу Христу (§ 7).

Онъ удалился на Олимпъ послѣ 24-лѣтней военной службы. Прибывъ въ Прусу, онъ пріютился въ монастырѣ Агаврскомъ (*τῶν Ἀγούρων*)¹⁾ и повѣдалъ отцу Григорію о своемъ помышленіи. Тотъ принялъ и благословилъ его. Отсюда Іоанникій отправился въ деревню около Атрои — Кастуло (*Καστούλω*), гдѣ былъ принятъ своимъ другомъ. Рано утромъ былъ введенъ въ Телайскій монастырь (*τῶν Τελαίου*) и здѣсь изучилъ вступительныя науки (*τὴν τῶν γραμμάτων εἰσαγωγήν*); но видя монастырь въ волненіи и по близости отъ деревень, онъ перешелъ въ другой, выше лежащій, Антидіевъ (*Ἀντιδίου*) (§ 8). Его встрѣтилъ у порога отецъ монастыря Іоаннъ и спросилъ: откуда ты, братъ, и зачѣмъ? Онъ принялъ Іоанникія, который изучилъ здѣсь подвиги святыхъ отцевъ. Въ такомъ положеніи онъ пробылъ два года, изучилъ до 30 псалмовъ, и затѣмъ переселился на гору около монастыря, называемую «Воронова голова» (*Κόρακος κεφαλή*). Молясь Богу, онъ просилъ у Него пустытника, который бы помазалъ его. Голосъ произнесъ: подымись на гору и тамъ найдешь, чего желаешь. Іоанникій обрѣлъ двухъ монаховъ, жившихъ въ пещерѣ 40 лѣтъ и носившихъ волосяныя одежды. Они научили его знанію, предрекли ему будущее и кончину. Затѣмъ онъ спустился внизъ, твердо запечатлѣвъ слова монаховъ (§ 9). Съ молитвою отца Іоанна онъ отправился

1) Агаврскій монастырь былъ воздвигнутъ во имя свв. Космы и Даміана, поэтому Петръ пишетъ (р. 389, § 10): πρὸς τὸ Ἀγχιρινόν ὄρος ἔγγιστα τοῦ ἁγίου Κοσμά παρὰ γίνεσσι.

на гору монастыря Агаврскаго (ἡ Ἀγούρων μονή), называемую Трихаликъ (Τριχάλιξ). Узнавъ о томъ, игумень Григорій спустился къ нему и приготовилъ для него келію. Но когда онъ почувствовалъ тяжесть отъ приходящихъ, онъ перебрался на одну гору при деревнѣ Геллеспонта (Ἐλλησπόντου), у границъ Пандима (ὁ Πάνδημος), и здѣсь жилъ въ подземельи; пищу ему приносилъ козій пастухъ Аноинъ (Ἀνθινός). Черезъ три года онъ прибылъ въ церковь этого села и былъ признанъ своимъ товарищемъ; потомъ онъ ушелъ въ горы Кундуріи (Κουνδουρία), полныя звѣрей, къ западу отъ Ликіи, къ востоку Азіи, близъ Миръ (Μύρων, § 10).

Здѣсь онъ отдохнулъ въ молитвенномъ домѣ около горы. Когда сюда вошелъ мужъ съ женою для зажженія огня и увидѣлъ святого, пришелъ въ изступленіе, ибо Іоанникій былъ большого роста, ангелоподобный, красивый и во власяницѣ, босой и косматый. Іоанникій успокоилъ ихъ, говоря, что онъ такой же человекъ, какъ и они. Они припали къ ногамъ его и на вопросъ о направленіи дороги отвѣтили, что здѣсь есть рѣка непереходная, что можно перейти ее въ день по причинѣ скопившихся снѣговъ. Іоанникій ночью отправился къ рѣкѣ и перешелъ на другой ея берегъ, не замочивъ ногъ (§ 11). Отсюда онъ прибылъ въ храмъ Іоанна Богослова въ Ефесѣ при закрытыхъ дверяхъ, отворившихся передъ нимъ и снова затворившихся, когда онъ оттуда вышелъ. Прибывъ въ Кундурію, онъ встрѣтилъ здѣсь двухъ монахинь, дѣвушку съ матерью—старухою. Молодая монахиня упрашивала мать вернуться въ міръ. Старуха припала къ ногамъ Іоанникія и молила его за дочь. Святой подозвалъ молодую инокиню, велѣлъ ей положить руку на его шею, и заявилъ, что борьба дѣвушки съ плотью перейдетъ на него. Дѣвушка вернулась съ матерью въ монастырь. Когда Іоанникій уже проходилъ Кундурійскія горы, злой духъ сталъ побуждать его къ прелюбодѣянію. Святой предалъ себя въ пищу пещерному дракону, желая лучше умереть тѣлесно, а не душевно. Звѣрь отнесся къ нему съ почтеніемъ, какъ нѣкогда Крестителя боялись драконы. Такъ онъ побѣдилъ демоновъ и умертвилъ дракона, получивъ даръ силы на звѣрей. Проходя по горѣ и распѣвая псалмы Давида, онъ замѣтилъ кучу камней и на ней дракона; онъ наступилъ ему на голову, сотворивъ знаменіе креста, и желѣзною палкою поразилъ дракона. Зимой войдя въ пещеру, откуда горѣли два глаза дракона, Іоанникій набралъ дровъ и приготовился сжечь его. Но вотъ непогода кончилась и святой сталъ жить вмѣстѣ съ драко-

номъ безъ вреда (§ 12). Затѣмъ онъ спустился къ горамъ Киликіи и жилъ тамъ семь лѣтъ.

На пятомъ году «благочестиваго» царствованія Никифора и Ставракія, на 12-мъ году отшельнической жизни Іоаннікія, на 54-мъ году всей его жизни, въ 808 г., ему было откровеніе идти въ Пандимскій (τοῦ Πανδήμου) монастырь Еристу (Ἐριστήν), самую большую изъ всѣхъ вѣоинскихъ киновій, гдѣ настоятелемъ былъ тогда Стефанъ, мужъ добродѣтельной жизни, а экономомъ — Анастасій, — дабы тамъ принять постриженіе. Прибывъ сюда, Іоаннікій передалъ откровеніе игумену Стефану, послѣ чего былъ немедленно постриженъ игуменомъ и экономомъ. Отсюда Іоаннікій перешелъ въ Митаты (τὰ Μιτάτα) и найдя здѣсь, при рѣкѣ Горгитѣ (Γοργύτης), пещеру въ мѣстѣ Критамахъ (τὰ Κρίταμα), затворился здѣсь, наложилъ на себя вериги (въ шесть сажень) и предался добродѣтели (§ 13). Черезъ три года, проведенныхъ здѣсь, Іоаннікій отправился на горы Лидійскихъ лѣсовъ и въ крѣпость Лисъ (Λισός), въ мѣстности Хелидонѣ (Χελιδόνα), къ великому настоятелю Георгію. Переправившись черезъ рѣку Горгитъ, онъ увидѣлъ въ ней страшнаго дракона. Убивъ его доблестью Христовою, святой явился къ Георгію, прожилъ съ нимъ три года, изучилъ всю псалтирь, вернулся съ ученикомъ Пахоміемъ къ настоятелю Антидіева монастыря Іоанну, отсюда къ игумену Агаврскаго монастыря Григорію и на недоступныя горы Трихалика (τοῦ Τριχάλικος). Тотъ, узнавъ о прибытіи его, вышелъ ему навстрѣчу съ братією: Евстратіемъ, любимымъ ученикомъ Іоаннікія, Саввою (агіографомъ) и Теофилактомъ¹⁾. Они построили ему келью и увидѣли стадо дикихъ козъ. Іоаннікій внушилъ мыслѣ Саввѣ привести къ нему козла, котораго вскорѣ велѣлъ отпустить (§ 14).

На 11-мъ году царствованія Никифора, въ 811 г., жившіе въ Ливѣ (τὸν Λίβα) Гунны (Οὐννοι)²⁾ вышли для опустошенія Фракіи. Самъ царь со многими войсками выступилъ на встрѣчу и разбилъ ихъ на голову, преслѣдовалъ ихъ до ихъ столицы и тамъ необдуманно остановился на житье. Но сосѣдніе съ ними народы возстали противъ Никифора, разбили его войско, а самого взяли въ плѣнъ. Родственники царя просили Іоаннікія помолиться о Никифорѣ; святой отвѣтилъ:

1) Петръ сначала говоритъ о Евстратіи и Теофилактѣ, а потомъ о Петрѣ, Саввѣ и Антоніи, съ которыми Іоаннікій ушелъ въ τὰ μέρη τῶν Φρακισίων (р. 389, § 10).

2) Петръ выражается точнѣе (р. 386, § 5): τὸ τῶν Οὐννων ἔθνος, ἡγούσων τῶν Βουλγάρων.

за царя я уже молился, за царя помолюсь теперь. Понявъ тайный смыслъ этихъ словъ, они узнали, что царь раненъ въ битвѣ и погибъ и что сынъ его вступилъ на престолъ. Множество народа устремилось въ столицу и дивилось пророчеству святого. Ставракій былъ также раненъ и страдалъ, но взялъ въ руки власть. Внуки его черезъ честнаго мужа Евстратія и настоятеля Григорія вывѣдывали у Іоаннікія, сколько лѣтъ онъ будетъ жить. Евстратій выѣхалъ изъ Константинополя въ свой монастырь, взялъ благословеніе у Григорія и поднялся къ Іоаннікію. Святой сказалъ ему: дитя, Евстратій! теперь время горя и предстоитъ перемѣна правителя. Это и исполнилось, какъ сказано. Вскорѣ Ставракій умеръ и скипетръ перешелъ къ зятю его Михаилу (§ 15). Послѣдній правилъ имперією благочестиво; на второмъ году царствованія, намѣреваясь воевать противъ грековъ, онъ назначилъ стратигомъ востока Льва Амаликитянина (*Ἀμαλικίτης*). Внукъ его Вріеній (*Βριέννης*)¹⁾ прибылъ ко святому. Іоаннікій спросилъ его: умѣетъ ли Левъ пасти овецъ? Вріеній отвѣтилъ: если онъ полководецъ, онъ стало быть можетъ пасти и овецъ. Михаилъ отправился во Фракію противъ Гунновъ. Левъ обратился въ бѣгство, вслѣдствіе чего греки были разбиты; Левъ захватилъ престолъ, жену и дѣтей Михаила постригъ въ монашество (§ 16). Дьяволъ, отецъ Льва, подвинулъ его возстать на иконы. По этому поводу агіографъ говоритъ вообще объ иконопочитаніи, о томъ, что уже Константинъ Великій велѣлъ чеканить на монетахъ изображеніе Христа. Левъ изгналъ съ престола патр. Никифора, замѣнивъ его Θεодотомъ Мелиссиномъ, уроженцемъ Наколіи, и послалъ въ пустыни, горы и пещеры разыскивать иконопочитателей (§ 17).

Съ Прусской горы Трихалика Іоаннікій отправился въ такъ называемый «Лидійскій лѣсъ» (*τὸ πρὸς Λυδίαν ἄλσος*). Здѣсь жилъ развратникъ и магъ Гурій (*Γουρίας*), пользовавшійся извѣстностью у нѣкоторыхъ. Онъ вздумалъ стать ученикомъ Іоаннікія, но ошибся въ расчетѣ. Демоны въ видѣ вооруженныхъ шлемами всадниковъ набросились на святого, но молитвою его были прогнаны. Магъ поднесъ ему въ питьѣ ядъ, но Іоаннікій, сотворивъ крестное знаменіе и выпивъ, извергъ ядъ съ большимъ количествомъ крови. Онъ видитъ во снѣ страшнаго воина съ деревомъ въ рукѣ. Это былъ Евстаѳій, посланный

1) Петръ говоритъ (р. 392, § 16): τῷ υἱῷ τοῦ Γούρκου, τοῦ νομοῦ Βριέννης. Левъ и Вріеній — ἐξ ἄδελφοί.

отъ Бога на помощь, повелѣвшій съѣсть отъ этого дерева, чтобы быть въ состояніи уничтожить ядъ Гурія. Взявъ его, святой съѣлъ, почувствовалъ сладость, проснулся, но никого у него не было (§ 18). Выгнавъ мага, онъ воздвигъ молитвенный домъ и монастырь на томъ мѣстѣ стратилату Евстаѳію. Во снѣ онъ увидѣлъ чистый источникъ, около котораго паслись овцы, и нѣкій мужъ въ бѣлыхъ ризахъ назвалъ ему этотъ источникъ обителю Богородицы. Проснувшись, онъ отправился къ источнику, но не нашелъ его; но встрѣтивъ пріятную равнину, воздвигъ здѣсь храмъ во имя Богородицы, къ которому присоединилъ монастырь (§ 19)¹⁾. Во время постройки храма пошелъ сильный дождь, мѣшавшій рабочимъ, которые оказались безъ хлѣба и удрученными. Иоанникій помолился Богу, и дождь пересталъ. Онъ помогать рабочимъ собирать и убирать камни. Въ это время у него на рукѣ повисла ехидна; онъ сбросилъ ее на землю, зарылъ ее и остался невредимъ. Когда змѣя укусила одного рабочаго, Иоанникій крестнымъ знаменіемъ выгналъ изъ него ядъ. Онъ построилъ еще храмъ во имя св. Апостоловъ и посвятилъ его въ монастырь. Онъ жилъ пустынникомъ въ сосѣдней пещерѣ Марсалины (Μαρσαλίνα) и здѣсь молитвою умертвилъ дракона. Отправляясь изъ своего уединенія въ монастырь при громѣ и молніи, онъ воздвѣвъ руки къ небу и предотвратилъ пожаръ храма (§ 20). Во время преслѣдованія Льва «честной мужъ» Евстратій спустился изъ Агаврскаго монастыря, находящагося въ Прусѣ (τῆς ἐν Προύσῃ), къ своему отцу, жившему всегда въ Лисѣ (ὁ Λῖτος), для аскетическихъ подвиговъ. Святой пребывалъ на молитвѣ; Евстратій видѣлъ, что онъ висѣлъ въ воздухѣ на два локтя отъ земли. Святой выразилъ неудовольствіе по поводу того, что его видѣлъ Евстратій, и заключилъ рѣчь словами: я знаю то, но совершенно не нужно дѣлать того, что не необходимо (§ 21). Затѣмъ Иоанникій исцѣлилъ одного бѣсноватаго мальчика, уроженца одной изъ деревень на той горѣ, а равно одну женщину, мучимую сладострастіемъ: она поднялась къ святому на гору Хелидонскую (τῆς Χελιδόνος), и тотъ исцѣлилъ ее (§ 22). Демоны сдѣлали нападеніе на самого Иоанникія, который молитвами и постомъ прогналъ ихъ (§ 23).

Затѣмъ Иоанникій отправился на Олимпійскую гору (Ὀλυμπιακὸν ὄρος), по сосѣдству съ Трихаликой и Прусой. На пути жители одной

1) По Петру (р. 394, § 19), Иоанникій воздвигъ здѣсь три храма—во имя Богородицы, ап. Петра и Павла и Евстаѳіа Плакиды.

деревни просили его избавить ихъ отъ дракона, пожиравшаго людей и скоть. Святой повелѣлъ звѣрю выйти вонъ изъ пещеры, сотворилъ крестное знаменіе и призываніемъ св. Троицы умертвилъ дракона. Прибывъ на Трихаликову гору, Іоанникій предался уединенію.

На седьмомъ съ половиною году тиранніи Льва Армянина (въ 820 г.) Евстратій, игумень Агаврскаго монастыря, въ виду воздвигнутаго преслѣдованія, поднялся на гору къ Іоанникію и спросилъ его о будущемъ и о кончинѣ императора. Святой отвѣтилъ ему: Господь не забудетъ въ конецъ наслѣдіе свое, но вскорѣ доставитъ намъ избавленіе: ибо царь Левъ погибнетъ ¹⁾. Евстратій спустился съ горы и вскорѣ отъ свѣдущихъ лицъ узналъ, что Левъ убитъ въ храмѣ отъ меча и что преемникомъ его сталъ Михайль, аморіецъ (*ἀμορραῖος*), обѣщавшій уничтожить преслѣдованіе, но оставявшій еретикамъ право владѣнія церковью (§ 24). Поэтому, взявъ съ собою одного благочестиваго мірянина Никиту (*Λουδοῦνός*), Евстратій снова поднялся къ святому. За трапезою Іоанникій обратился съ рѣчью къ близъ его жившему аскету Иліѣ и предсказалъ ему скорую кончину, что и сбылось: Илія умеръ въ Агаврскомъ метохѣ Агапія ²⁾ и перенесенъ въ монастырь «Келлій» (*τῶν Κελλίων*) ³⁾. Іоанникій спустился съ горы, облобызалъ мощи Илія и снова вернулся къ своему безмолвію (§ 25). Однажды ходя по скалистымъ мѣстамъ, Іоанникій выронилъ изъ рукъ желѣзный посохъ въ видѣ креста; онъ сталъ на молитву, и вотъ жезлъ спустился къ нему по воздуху. Однажды онъ проходилъ мимо пещеры, наполненной демонами; когда онъ поселился здѣсь, демоны бѣжали изъ пещеры (§ 26). Дочь одного сенатора, находившаяся въ параличѣ, принесенная къ ногамъ святого, послѣ троекратнаго крещенія святымъ, выздоровѣла ⁴⁾. Зять Іоанникія, женатый на его сестрѣ, былъ иконоборецъ; не поддаваясь убѣжденіямъ, онъ былъ пораженъ слѣпотою и умеръ слѣпымъ (§ 27). Однажды собрались къ святому для молитвы въ одинъ изъ Агаврскихъ метоховъ—въ храмъ св. прор. Иліи: Іоаннъ митр. Халкидонскій, по прозванію Камуліанъ (*ὁ Καμουλιανός*),

1) По Петру (р. 401, § 30), Іоанникій велѣлъ Евстратію идти *πρὸς τὸν οἶκον τοῦ χύρου Νικήτη τοῦ Λουδοῦνοῦ* и ждать тамъ извѣстій изъ столицы.

2) По Петру (р. 402, § 31), Илія сначала лежалъ въ домѣ одной женщины *Λεοπαρδίνας*.

3) По Петру, Илія былъ перенесенъ въ Агапіевъ метохъ Агаврскаго монастыря, гдѣ и умеръ.

4) По Петру (р. 403, § 34), это была дочь кандидата Θεοδοῦτα Σελλοκακί (*ὁ Σελλοκακί*).

Петръ Никейскій, Θεοδoρъ игумень Студійскій, Климентъ, нотарій его, Ιοσιφъ, экономя церкви ¹⁾, съ братомъ своимъ и много (около сотни) другихъ игуменовъ и мирянъ. Узнавъ о томъ черезъ Евстратія, Ιοαννικίη принялъ собраніе и завелъ разговоръ о добродѣтели. Потомъ онъ предсказалъ близкую кончину эконому Ιοσιφу, что и случилось черезъ 18 дней (§ 28).

Въ пятомъ году царствованія Михаила и сына его Θεοφιλα и на 14-мъ отъ пораженія и плѣненія въ Болгаріи при Никифорѣ, въ 824 г., Ιοαννικίη достигъ высоты добродѣтелей, прославился чудесами и пожелалъ посѣтить плѣнниковъ, содержимыхъ 14 лѣтъ Болгарами, и освободить ихъ. Явившись къ тюрьмамъ, онъ вошелъ въ нихъ невидимо для стражи и вывелъ оттуда плѣнниковъ, которыхъ сопровождалъ до границъ христіанскихъ. Плѣнники спрашивали Ιοαννικίη, кто онъ? И святой, назвавъ себя смиреннымъ и грѣшникомъ, просилъ ихъ отвращаться отъ всего мірскаго, вредящаго спасенію душъ. «И это, пишетъ агіографъ, мы слышали отъ одного изъ спасшихся, по имени Евстаѳія, избравшаго уединенную жизнь въ Виѳинскомъ заливѣ (τῷ τῆς Βιθυνίας κόλπῳ), по ту сторону Пренета (Πραίνετος), у деревни Цулль» (Τζουλλον § 29). По возвращеніи Ιοαννικίη на Трихаликову гору для благословенія у него прибыли игумень Елеовомскій (τῶν Ἐλαιοβώμων) Антоній и экономя его Βασιλίη. Святой сказалъ Βασιλίη: сходи къ Никейскому митрополиту Ингеру (Ἰγγερ) и сообщи ему о скорой смерти. Такъ и случилось: сей иконоборецъ скоро умеръ (§ 30).

Въ это время Ιοαννικίη прибылъ въ Сигріанскій монастырь св. Θεοφана «Село», чтобы облобызать честную и дивную палатку; затѣмъ отправился въ монастырь на сѣверѣ Аполлоніадскаго озера. У острова Θαза (Θάσιον) на встрѣчу ему вышелъ пастырь ²⁾ Данилъ съ братіею и молилъ святого освободить страну отъ дракона и змѣй. Ιοαννικίη велѣлъ Данилу съ братіею идти въ храмъ, а самъ пошелъ къ пещерѣ драконовой, гдѣ вооружился стрѣлами молитвы. Звѣрь не вынесъ этого и бросился въ озеро; скоро онъ со змѣями исчезъ на сушѣ, въ южной части озера, и въ сосѣднихъ горахъ. Ιοαννικίη сказалъ Евѳимію, брату пастыря Данила: «Знай, господинъ Евѳимій, что царь бу-

1) У Петра (§ 36): ὁ ποτε γεγονώς οἰκονόμος τῆς μεγάλης ἐκκλησίας, по всей вѣроятности тотъ, который вѣнчалъ царя Константина съ Θεοδοतोю.

2) Петръ (р. 414, § 53): ὁ γεγονώς ποτε ἡγούμενος τοῦ νησίου τῆς εὐχχοῦς μονῆς τοῦ Θασίου.

дети искать тебя; будь готовъ». Черезъ пять дней онъ умеръ (§ 31). Иоанникій съ Данииломъ удалился черезъ высокія горы на безмолвіе, гдѣ ему опредѣлено было вести подвижническую жизнь. Въ одной изъ тамошнихъ пещеръ, называвшейся у мѣстныхъ жителей Топархомъ (Τοπάρχης), жило множество демоновъ, приносившихъ вредъ прохожимъ. Проживъ тамъ 40 дней, Иоанникій явился Даниилу, жившему въ другомъ, ближайшемъ къ нему мѣстѣ, въ образѣ величаваго, черпаго и отвратительнаго демона. Приблизившись, онъ произнесъ: святая Богородица, помоги мнѣ. Съ этими словами врагъ упалъ на землю и такъ сильно ударилъ въ бокъ Иоанникія, что святой лишился языка на семь дней. Выздоровѣвъ милостію Божіею, Иоанникій съ Данииломъ отправился въ Трихаликовъ монастырь, гдѣ поселился въ Агаврскомъ метохѣ св. Космы. На обитель напала гусеница и уничтожила овощи монаховъ. Монахи черезъ честнаго Евстратія просили святого уничтожить ее. Иоанникій отвѣтилъ: пойдете, я самъ посмотрю садъ. Рано утромъ она ушла изъ сада и перестала портить овощи¹⁾. Агаврскій игумень Григорій хотѣлъ однажды идти въ столицу ради нѣкоей нужды и сообщилъ объ этомъ Иоанникію, на что святой сказалъ: насталь часъ лѣта, отецъ, жатва побѣлѣла, и царь позоветь къ себѣ одного изъ насъ. Игумень не понялъ сказаннаго, прибылъ въ столицу, но черезъ 11 дней умеръ; игуменство его перешло къ племяннику его (ἀνεψιόν) Евстратію (§ 32)²⁾.

Нѣкій Исаакій, кураторъ одного изъ славныхъ монастырей около столицы, именно женской обители Клувія (Κλούβιον)³⁾, отправился однажды къ Иоанникію вмѣстѣ съ двумя Агаврскими (Ἀγανρινοῖς) монахами Досиѳеемъ и Евстратіемъ. Послѣ молитвы и духовной бесѣды онъ услышалъ отъ святого слѣдующее: не хорошо ты дѣлаешь, господинъ Исаакъ, рѣшившись вести монашеское житіе, но оставаясь только при этомъ намѣреніи: лучше не посвящать себя, нежели посвятить и не исполнить. Когда Исаакій сталъ ссылаться на строгость и отговоры своей жены, Иоанникій сказалъ: съ тобою отправляются въ Константинополь Досиѳей и Евстратій; вотъ я сообщу женѣ твоей, пусть она разрѣшитъ тебѣ уйти въ монастырь, пока ты еще живъ. Осѣнивъ его, запечатлѣвъ печатью креста и помолившись съ упомянутыми иноками, Иоанникій отослалъ ихъ въ столицу. Монахи передали женѣ

1) У Петра (р. 421, § 56).

2) У Петра (р. 422—3, § 59).

3) У Петра (§ 57) не столь опредѣленно: кураторъ монастыря Клувійскаго.

Исаака желаніе Іоанникія и привели ее въ сильное смущеніе, такъ какъ мужъ ея былъ хорошимъ хозяиномъ, умѣвшимъ вести хозяйство. Тѣмъ не менѣе она было уступила требованію святого, но послушавъ дурныхъ людей, снова возбранила мужу постриженіе и послала его въ одно изъ городскихъ предмѣстій. Здѣсь Исаакій заболѣлъ, былъ постриженъ и на третій день скончался, согласно съ предсказаніемъ Іоанникія. Послѣ того благочестивая Клувійская игуменія съ дочерью - инокинею прибыла къ святому и удостоилась его благословенія. Іоанникій предрекъ игуменьѣ скорую кончину, а ея дочери — игуменство, въ знакъ чего святой передалъ дочери жезлъ. Старуха жаловалась, что ей приличнѣе было бы имѣть посохъ, но Іоанникій отвѣтилъ: жезлъ дается той, которой онъ приуготованъ. Опечаленная старица обратилась къ Евстратію: ради чего святой отецъ далъ посохъ не мнѣ, а моей дочери? Евстратій отвѣтилъ: отецъ быть можетъ чувствуетъ близость твоей кончины и предсказываетъ игуменство твоей дочери. Старица вскорѣ заболѣла и скончалась, оставивъ настоятельство своей дочери (§ 33)¹⁾. Сдѣлавшись извѣстенъ многимъ и постоянно осаждаемый посѣтителеми, Іоанникій рѣшился переселиться въ неприступную пустыню «Воронову Голову» (Κόρακος Κεφαλή), гдѣ ранѣе получилъ предсказаніе отъ двухъ старцевъ, для чего взялъ съ собою Евстратія. Прибывъ въ Мерилукоми (Μερίλουκις)²⁾, святой сказалъ: скоро мы встрѣтимся со стадомъ овецъ и за ними собакъ; смотри, не бойся ихъ нападенія. Когда они встрѣтились со стадомъ, псы смиренно подошли къ святому, припали къ его стопамъ и лизали ихъ. Іоанникій велѣлъ Евстратію позвать пастуховъ, чтобы тѣ показали имъ дорогу, ведущую въ Трапезу (Τράπεζα). Евстратій не могъ окликать ихъ, ибо не зналъ ихъ имени, — но Іоанникій сказалъ: сначала позови Теофилакта, затѣмъ Христофора. Когда пастухи пришли къ нимъ, то на вопросъ отвѣтили: одинъ изъ насъ потерялъ свою овцу и идетъ на ея розыски. Іоанникій просилъ одного показать имъ дорогу, говоря, что овца у нихъ найдется, чтò и случилось. Пастухъ показалъ дорогу и вернулся къ своему стаду. Между тѣмъ дорогою Іоанникій сказалъ Евстратію: скоро встрѣтятся намъ путешественники, которыхъ бы я не хотѣлъ видѣть: иди впереди меня, а я послѣдую за тобою. Путники, встрѣтивъ Евстратія, сказали: благослови, отче! изъ какого ты монастыря? Какъ ты, странствуя по непроходимымъ горамъ, не

1) У Петра (р. 422, § 58).

2) У Петра (р. 423, § 60): Μερίλλου κόμη.

видишь возстанія? На это Евстратій отвѣтилъ: Кто имѣетъ Бога съ собою, тотъ не одинъ, не подвергается вреду и всегда безстрашенъ. Иоанникій стоялъ около Евстратія, но путешественники его не видѣли. Когда они ушли, святой снялъ съ себя родъ покрывала (*τὸν τῆς σιχῆσεως ὄγκον περιείρων*) и сказалъ Евстратію: молитва твоя, подобно палаткѣ, скрыла меня отъ глазъ ихъ (§ 34) ¹⁾.

Достигнувъ горъ Антидіева монастыря, Иоанникій выстроилъ себѣ небольшую келью и предался здѣсь подвигамъ, полагая, что здѣсь онъ сокрытъ отъ народа. Его посѣтила жена патрикія и магистра Стефана, отравленная своими служанками и тронувшаяся въ умѣ. Потративъ много денегъ на докторовъ, но безуспѣшно, она была приведена къ святому: Иоанникій помолился, сотворилъ крестное знаменіе и отпустилъ ее здоровою, запретивъ ей искать людей, ей повредившихъ, напротивъ простить всѣхъ ²⁾). Быть можетъ здѣсь мы видимъ того магистра Стефана, о смерти жены котораго писалъ Феодоръ Студитъ ³⁾. Затѣмъ инокъ Стефанъ, состоявшій нотаріемъ ⁴⁾ стратига Ольвіана (*Ὀλβιάνας*), прибылъ къ святому. Иоанникій однажды сказалъ Стефану: надо бодрствовать, ибо неизвѣстно, когда придетъ Господь. Черезъ восемь дней Стефанъ скончался. Затѣмъ посѣтилъ святого инокъ Тома съ игуменомъ Евѳиміемъ, сыномъ патрикія и магистра, и выслушалъ отъ него, что жизнь коротка, протекаетъ какъ сонъ: черезъ 25 дней онъ скончался (§ 35) ⁵⁾.

Съ появленіемъ при имп. Теофилѣ иконоборчества много епископовъ и игуменовъ бѣжали со своихъ мѣстъ въ горы. Евстратій, настоятель Агаврскаго монастыря, былъ смѣщенъ и замѣненъ однимъ изъ Агаврскихъ монаховъ — Антоніемъ. Три раза Иоанникій увѣщевалъ его, но Антоній все пребывалъ въ ереси. Наконецъ святой поднялся къ Антонію въ четвертый разъ и пригрозилъ ему приближеніемъ смерти черезъ 40 дней. Антоній заболѣлъ болью въ груди или въ желудкѣ (*τὸ ἥμισυ μέρος τοῦ σώματος*), былъ поднятъ какъ трупъ и черезъ 40 дней скончался (§ 36) ⁶⁾. Константинъ, ипатикъ, пришелъ однажды къ Иоанникію. Дорогою онъ прибилъ Иоанникіева пастуха. Святой замѣтилъ, что ипать (*χὄρι ὑπάτε*) поступилъ не хорошо, прибывъ

1) У Петра (§ 60—61).

2) У Петра (р. 427, § 63).

3) Migne, P. gr. XCIX, 1313.

4) У Петра (р. 427, § 64): протонотаріемъ.

5) У Петра (р. 427, § 65).

6) У Петра (р. 427, § 66).

пастуха. Когда сынъ ипата Никифоръ явился къ Иоанникію, святой спросилъ его о его отцѣ, на что Никифоръ только картавилъ. Иоанникій просилъ его произнести слово $\alpha\rho\phi\alpha$, и Никифоръ говорилъ $\alpha\lambda\phi\alpha$. Святой помолился надъ больнымъ, послѣ чего Никифоръ сталъ произносить слово правильно: $\alpha\rho\phi\alpha$ и пр., и затѣмъ вернулся домой (§ 37). Во время постройки храма во имя Иоанна Предтечи въ Антидіевомъ монастырѣ, Иоанникій пришелъ взглянуть на работу. Монахъ Антидіева монастыря Иоаннъ ¹⁾ сообщилъ народу, что святой пойдетъ вмѣстѣ съ нимъ. Но вотъ Иоаннъ прошелъ, а Иоанникія, шедшаго съ нимъ, народъ не видѣлъ: по словамъ святого, это была воля Божія (§ 38). Нѣкій монахъ и игумень Θεодоръ, знакомый Иоанникія, однажды прославлялъ подвиги святого. Одинъ изъ слушателей пожелалъ вмѣстѣ съ Θεодоромъ посѣтить святого и сподобиться его благословенія. Во время трапезы въ келліи Иоанникія появился большой медвѣдь изъ ближайшаго лѣса и напугалъ угощающихся. Святой подозвалъ звѣря, и медвѣдь расположился у его ногъ; онъ велѣлъ ему идти обратно, и звѣрь отправился въ гору. Тогда Иоанникій произнесъ: если мы являемся любителями Христа и его заповѣдей, намъ не страшны ни аспиды, ни василиски, ни львы, ни драконы; сія благодать показываетъ, что въ иконѣ неопикуемаго. Насладившись его бесѣдою, Θεодоръ со своими знакомыми покинули святого (§ 39). Когда бѣдняки просили милостыни и святой не имѣлъ ни золота, ни серебра, онъ сказалъ своему управителю (ὀποικυρὸς) Θεодулу: принеси сюда сосудъ съ масломъ и дай нашимъ братьямъ бѣднякамъ, но принеси съ собою и пустой сосудъ для масла. Θεодуль отвѣтилъ: если я принесу сюда полный сосудъ, то зачѣмъ сосудъ пустой? На это Иоанникій отвѣтилъ: ты имѣешь благословеніе; сдѣлай такъ, какъ я сказалъ. Θεодуль отправился исполнить порученіе. Но возвращаясь обратно, онъ упалъ и разбилъ наполненный сосудъ, такъ что долженъ былъ перелить масло въ свободный. Понявъ свое непослушаніе въ отношеніи отца, Θεодуль заплакалъ и, явившись къ Иоанникію, покался передъ нимъ, дивясь его пророческой прозорливости (§ 40) ²⁾. Агаврскій игумень Евстратій однажды сталъ харкать кровью; лежалъ безгласенъ, такъ что едва могъ сказать одному иноку Николаю, чтобы тотъ сходилъ къ Иоанникію и сообщилъ ему о его нездоровьѣ. Иоанникій, выслушавъ Николая, сказалъ: подожди немного

1) По Петру (р. 413, § 50), это былъ инокъ Павелъ (у Van den Gheyn'a р. 417 ошибочно: Петръ).

2) Ср. у Петра р. 414, § 52.

здѣсь. Затѣмъ онъ ушелъ помолиться и, вернувшись, сказалъ Николаю: Евстратій, ты не умрешь нынѣ, мы увидимъ другъ друга во плоти; не печалься. Николай вернулся къ Евстратію и сообщилъ ему, что произнесъ Іоанникій. Игумень выздоровѣлъ, и какъ разъ въ тотъ часъ, когда Іоанникій молился. Еще во время его болѣзни братья въ Левкадской киновіи (μετόχιον Λευκάδων) просила его побыть съ ними ради пользы и духовной бесѣды. Евстратій, не желая опечалить кого либо, согласился и прибылъ къ нимъ. Но уставъ съ дороги, онъ снова впалъ въ болѣзнь, подвергшись сильной лихорадкѣ. Четыре дня онъ провелъ безъ пищи, безъ голоса. Братія окружила его и плакала. Евстратій вспомнилъ объ Іоанникіи и тотчасъ, заснувъ, увидѣлъ святого, что онъ съ нимъ бесѣдуетъ. Игумень проснулся и выздоровѣлъ, послѣ чего вернулся въ свой монастырь (§ 41)¹⁾. Во времена сквернаго и страшнаго Θεοφιλα, преслѣдовавшаго благочестивыхъ и требовавшаго въ то время повиновенія посредствомъ эдиктовъ, къ Іоанникію явился для молитвы нѣкій изъ Опсикія, протонотарій, писецъ и спаарій Дросъ (Δρόσος)²⁾. Святой сказалъ ему: Готовъ, спаарій, себя и свои бумаги, ибо царь вскорѣ позоветъ тебя дать отчетъ въ дѣлахъ. Но Дросъ не понялъ аллегоріи и отвѣтилъ, что онъ готовъ хоть сейчасъ на отвѣтъ. Но Іоанникій замѣтилъ: я говорю тебѣ не о царѣ земномъ и не о бумагахъ неправедныхъ, но о царѣ небесномъ: наступаетъ время твоей кончины; разверни хартіи грѣховъ, обмой ихъ слезами и милостыней, дабы въ день суда не нашлись твой обвинители. Съ этими словами Іоанникій отпустилъ Дроса. Послѣдній однако не обратилъ вниманія на слова святого; но прибывъ на границу (περὶ τὰ μὴτάτα) Лидіи, онъ вскорѣ умеръ (§ 42). Однажды, когда благочестивый инокъ Петръ (второй агиографъ Іоанникія), часто посѣщавшій святого, прибылъ къ Іоанникію съ другимъ отшельникомъ, сосѣдомъ своимъ Платономъ, они были приняты святымъ и проводили время въ душеспасительной бесѣдѣ. Платонъ сказалъ: отъ всей души мы просимъ тебя, святой отче, удѣлить намъ разъ въ годъ времени для собесѣдованія съ тобою. Іоанникій отвѣтилъ: братъ Платонъ, тебѣ не дано будетъ видѣть меня во плоти. Затѣмъ онъ далъ имъ 12 частицъ сухого хлѣба и отпустилъ ихъ съ миромъ. Черезъ годъ едва Петръ съ Платономъ прибылъ къ другому иноку, также Петру, происходив-

1) У Петра (р. 415, § 54).

2) Петръ (р. 428, § 67): ὁ σπαρῆριος Δρόσος, ὁ ποτὲ γεροντῶς ἀντιγράφος τοῦ Ἰωάννου, διατρίβων ἐν τῇ ἀναγραφῇ.

шему изъ Влоинскаго монастыря Ἡράκλην и вскорѣ, по восстановленіи православія, сдѣлавшемся митрополитомъ Силлейскимъ (Σιλλεαίου). Авва Петръ сказалъ Петру: я имѣю большое желаніе, отче, видѣть святаго Іоанникія и лобызать честныя его стопы, но не могу ходить пѣшкомъ, нуждаюсь въ животныхъ и провизіи. На это Петръ отвѣтилъ: братъ, сопровождай меня на одномъ изъ моихъ животныхъ. Но такъ какъ онъ не хотѣлъ брать съ собою Платона, то послѣдній недоумѣвалъ, какъ бы Іоанникій не оказался лжецомъ, что не увидитъ лица его во плоти. Когда они должны были отправиться, каждый изъ нихъ вошелъ къ святому для благословенія; потомъ получивъ 12 частиць сухого хлѣба для благословенія, они удалились. Позади всѣхъ вошелъ къ Іоанникію сподвижникъ Платоновъ Петръ. Святой далъ и ему 12 благословеній и сказалъ: дитя Петръ, скажи Платону: не печалься, что противъ воли лишился скромнаго лицезрѣнія меня. Выслушавъ это, Петръ подумалъ: о, если бы святой послалъ благословеніе моей матери и сестрамъ! И святой далъ ему 36 благословеній со словами: дай по шести благословеній твоей матери и пяти твоимъ сестрамъ и иди съ радостью со своими братьями. Дивясь пророческому дару святаго, Петръ покинулъ Іоанникія (§ 43) ¹⁾.

Когда чудотворецъ Петръ (Атройскій), бывший игумень монастыря св. Захаріи, лежащаго у подножія Олимпа по сосѣдству съ Калуками (Καλουκώμη), жилъ тогда въ верхнемъ храмѣ царскаго монастыря (τῆς μονῆς βασιλείου) св. Николая, гдѣ онъ и скончался, какъ великій Аптоній видѣлъ дивное переселеніе Аммуна Нитрійца, такъ и великій Іоанникій дивно узналъ о славной кончинѣ Петра. Самъ онъ мнѣ однажды сказалъ (πρὸς ἐμὲ τὸν ἐλάχιστον οἰκείῳ στόματι εἶρηκεν): «дитя Савва, въ тотъ день и часъ утреннихъ пѣснопѣній, когда скончался Петръ, я молился и вижу въ экстазѣ, что я нахожусь въ храмѣ св. Николая вмѣстѣ съ Петромъ, вижу дивную гору, вершина которой подымалась до самаго неба. Когда мы стояли у ея подножія и бесѣдовали, передъ нами предстали два блестящихъ мужа, взяли Петра за руку и удалились туда, откуда они явились. И чѣмъ болѣе они удалялись, тѣмъ ярче виднѣлся блескъ отъ него. Послѣ этого посланный мною къ Петру одинъ изъ моихъ слугъ сообщилъ о кончинѣ Петра. Мой духъ соединился съ его духомъ». Выслушавъ это отъ святаго, я подробно изложилъ объ этомъ въ жизни Петра (§ 44). Царь-иконобо-

1) Петръ (р. 423, § 68).

рець Теофилъ однажды прислалъ къ Іоанникію двухъ своихъ слугъ, протовестіарія и великаго куратора, спросить святого, надо ли поклониться икопѣ Христовой. Святой произнесъ имъ цѣлую лекцію объ иконопочитаніи. Теофиловы сборщики податей (φορολόγοι) вернулись и сообщили императору миѣніе Іоанникія, но царь, обманывасмый нечестивымъ Іоанномъ (патріархомъ), продолжалъ пребывать въ ереси (§ 45). — Если бы мы точно знали о времени царскаго посольства къ Іоанникію (Van den Gheyn приурочиваетъ его къ 841 г.), мы могли бы высказать мысль, что Теофилъ подъ конецъ жизни все-таки какъ будто усумнился въ своемъ иконоборчествѣ. Это наблюденіе оправдываетъ также легенда о томъ, что передъ смертью царь исповѣдалъ православіе, — легенда, о которой будетъ сказано ниже. — Черезъ нѣсколько дней Агаврскій игумень Евстратій по обыкновенію поднялся къ Іоанникію и рассказалъ ему о преслѣдованіяхъ иконоборцевъ. Святой на это сказалъ: еще немного, Евстратій, и изображеніе дракона-отступника силою Христовою будетъ уничтожено, умретъ Теофилъ и наступитъ каѳолическое православіе. Ободренный такими рѣчами, Евстратій осмѣлился спросить святого: кто же окажется достойнымъ патріаршества? Іоанникій отвѣтилъ: Богомъ опредѣленъ къ этому славный дѣломъ, знаціемъ и духовнымъ убѣжденіемъ Меѳодій, бѣглець міра и богатства съ юности, перенесшій много страданій отъ икороборцевъ и немного лѣтъ тому назадъ вернувшійся изъ Рима, 9 лѣтъ содержавшійся во гробѣ и ежедневно боровшійся съ тиранномъ, какъ со львомъ. Такъ и случилось послѣ 6½ лѣтъ безбожія Льва, послѣ 8 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ Михаила, послѣ 12 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ Теофила и послѣ 1 года воцаренія супруги его Теодоры и сына его Михаила. На второмъ году ихъ царства, въ 843 г., церковь одѣлась въ древнюю свою красоту, избрала въ архіереи Меѳодія и свергла безбожнаго Іоанна (§ 46). Отецъ этого послѣдняго, діаволь-иконоборецъ, былъ уничтоженъ, но посѣялъ смятеніе въ церкви: стали разногласить не еретики, а раздѣлились православные: нѣкоторые изъ нихъ стали порицать Меѳодія, глумясь надъ его равноангельскою жизнію; другіе думали, что иконоборцы и поставленные ими лица могутъ совершать службы; третьи отрицали у нихъ это право. Среди такой сумятицы Іоанникій послалъ Меѳодію письмо слѣдующаго содержанія: не смущайся озлобленіемъ, а радуйся, не безпокойся по поводу клеветъ на тебя; но знай, что намъ вредитъ не менѣе схизма, чѣмъ ересь. Отказывай въ принятіи иконоборческихъ епископовъ и священниковъ.

Св. патр. Тарасій однажды юридически одобрилъ служеніе ихъ, и они дали ему формулу клятвы, что не возвратятся къ ереси, но и они при возобновившемся нечестіи при Львѣ попрали свое рукописаніе и издѣвались надъ иконою Христа, уничтоживъ ее. Посему крещеніе ихъ должно быть принято смотря по обстоятельствамъ (οἰκονομικῶς), отъ священства они должны быть отставлены (§ 47)¹.

Меѳодій, получивъ это письмо, показалъ его императорамъ; онъ удаляетъ всѣхъ иконоборцевъ, устраняетъ схизматиковъ и успокаиваетъ церковь. Устраненные вооружились клеветами противъ Іоаннікія, говоря, что безбоженъ и незаконенъ тотъ, кто такъ думаетъ. Зная объ этомъ, Іоаннікій, когда явилось къ нему множество епископовъ, пресвитеровъ и монаховъ, сказалъ: думаютъ, что я не право мыслю; но вотъ я вамъ скажу свое мнѣніе о Богѣ. Богъ есть пресущественная и несотворенная сущность.... Слушатели много дивились благочестію святого отца, и утвержденные въ вѣрѣ съ благословеніемъ вернулись во свояси (§ 48). По возстановленіи православія, Іоаннікій позаботился при Львѣ оставлять основанныя имъ церкви въ Лисѣ (ἐν τῷ Λίσῳ). Нечистые духи, мучившіе людей, плакали, видя здѣсь Іоаннікія, который бичевалъ ихъ. По освященіи игумены монастырей св. Евстаѳія и Богородицы, оба Макарія, прибыли къ святому и узнали отъ него обо всемъ, что случилось при освященіи: управленіе, раздачу милостыни и неистовство мучимыхъ, и исполнились страха, вспомнивъ о присутствіи при этомъ святого, возвѣщенномъ мучимыми. Одинъ изъ Макаріевъ удалился отъ Іоаннікія; другой размышлялъ о болѣзни святого отца. Іоаннікій сказалъ ему: ты не такъ думаешь, братъ Макарій; опухоль моихъ голеней не отъ излишества плоти, а отъ вздутія желудка, дурно переваривающаго пищу (ἐκ πνεύματος στόμαχον κακοσιτίας). Макарій испугался пронизательности святого и, каясь въ своихъ помыслахъ, просилъ у него прощенія (§ 49). Во время тогдашнихъ войнъ грековъ съ арабами или сарацинами (τοὺς Ἰσμαηλίτας) много византійцевъ было взято въ плѣнъ. Одинъ изъ этихъ плѣнныхъ происходилъ родомъ изъ деревни Ела (ἐκ κώμης τοῦ Ἐλους)². Родственники его явились къ Іоаннікію со слезами и, узнавъ, что сюда же скоро прибудетъ патрикій и сакелларій Левъ для полученія благосло-

1) Петръ (р. 432, § 70).

2) Петръ (р. 425, § 62) прибавляетъ, что плѣнникъ приходился внукомъ или племянникомъ (ἀνεψιός) нотаріа Евгантра (Εὐγάντρῃ), что онъ былъ схваченъ сарацинами во время отлучки изъ родины по какому-то дѣлу.

венія, просили, чтобы Левъ далъ имъ вмѣсто родственника одного сарацинина, такъ, чтобы современемъ можно было размѣняться. Патрикій Левъ прибылъ къ Іоанникію и бесѣдовалъ съ нимъ о душеполезныхъ предметахъ, но святой умышленно позабылъ ему сказать о плѣнникѣ. По уходѣ Льва родственникъ плѣнника, опечаленный этимъ, въ душѣ поносилъ Іоанникія. Послѣдній, прозрѣвъ это, сказалъ ему: не печалься, брате, и не сердись, что я не изложилъ этому человѣку твоей просьбы, лучше надѣйся на Бога. Такимъ образомъ успокоивъ его, святой въ ту же ночь явился въ темницу, гдѣ содержался плѣнникъ, и сказалъ одному изъ его знакомыхъ: встань, возьми съ собою твоего соплѣнника и моего знакомаго Евандрія, и оба слѣдуйте за мною: я пойду впереди васъ; и если кто спроситъ тебя на дорогѣ, кто тебѣ являлся, говори: смиренный и жалкій Іоанникій. Когда же плѣнникъ разсказалъ это видѣніе своему соузнику Евандрію, онъ укрѣпился при появленіи святого и воспылалъ духомъ. Оба узника поднялись на ноги, и тотчасъ спали съ ихъ рукъ и ногъ цѣпи и оковы и открылись двери темницы. Ясно было, что святой поразилъ смертію темничныхъ стражей и снялъ оковы съ плѣнниковъ, что онъ то былъ видимъ, то скрывался изъ ихъ глазъ. Дорогою они натолкнулись на сарацинскихъ пастуховъ, пасшихъ и ведшихъ за собою страшныхъ собакъ. Увидѣвъ ихъ, псы залаяли и бросились было на нихъ, но вотъ появился святой и велѣлъ собакамъ молчать; на пастуховъ же набросилъ мракъ (*περιβάλλει ἀχλύι*), такъ что они ихъ не видѣли; велѣлъ освобожденнымъ идти впередъ, а самъ опять скрылся. Вскорѣ вернувшись во свояси, они поднялись къ святому Іоанникію и принесли ему благодареніе за свое освобожденіе (§ 50).

На 50-мъ году своей аскетической жизни и на 92-мъ году жизни, въ 846 г., когда Іоанникій былъ наученъ оракуломъ на Вороновой Головѣ (*ἐν Κόρακος κεφαλῇ*), онъ подвергся великой опасности. Елифаній, монахъ Валейскаго (*Βαλειοῦ*) монастыря, въ мѣстности *Κουλία*, сидя въ келліи, позавидовалъ Іоанникію и сталъ его злословить, видя, что къ святому ежедневно приходитъ множество больныхъ, которые получаютъ исцѣленіе. Онъ подговорилъ нѣкоторыхъ единомышленниковъ запретить Іоанникія въ его келліи и зажечь сосѣднюю рошу, думая такимъ образомъ сжечь великаго старца. Но Богъ повелѣлъ Іоанникію выйти изъ келліи заблаговременно. Видя келлію запертою, онъ молитвою и рукою разломалъ связи и явился къ злоумышленникамъ. Заговорщики осыпали его неслыханными ругательствами,

но святой продолжалъ разговаривать съ ними кротко. Глава шайки сказалъ своей компаніи: братія и отцы, я грѣшенъ и жалокъ, но есть покаяніе. Ему отвѣтили: конечно, есть покаяніе, но самъ ты неисправимъ. Епифаній, державшій въ это время деревянную палку съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, направилъ ее въ животъ Іоанникія. Но святой, забывъ объ обидѣ, сказалъ: авва Макарій, войди въ келлію, и что ты тамъ найдешь, принеси, и мы сотворимъ любовь съ отцами. Негодующей шайкѣ Іоанникій сказалъ: ну, другъ друга обьемемъ. Всѣ обнялись съ Іоанникіемъ и разошлись; одинъ Епифаній остался непреклоннымъ (§ 51). Въ глубокой старости (βαρὺ γῆρας) и въ полной безпомощности святой прибылъ въ Антидіевъ монастырь и поселился въ приготовленной здѣсь себѣ келліи. Однажды онъ со своимъ слугою (ὄπουρος) Теофиломъ возвратился къ себѣ въ келлію и встрѣтилъ на дорогѣ нѣкоторыхъ братьевъ и очень много бѣдняковъ. Сотворивъ молитву, онъ прошелъ между ними невидимымъ, но сжалившись надъ ними, онъ послалъ имъ по возможности благословеніе. Они сказали Теофилу: о, если бы намъ удостоиться видѣть святого отца! Теофилъ на это замѣтилъ: тотъ, братія, кого вы видѣли незадолго передъ тѣмъ проходящимъ передъ вами, и есть тотъ мужъ, кого вы желаете видѣть. Но тѣ съ клятвою увѣряли, что они видѣли только одного его, Теофила (§ 52)¹⁾.

На пятомъ году царствованія Михаила и Θεодоры, на четвертомъ году возстановленія православія, на 94-мъ году жизни Іоанникія, на 52-мъ году со времени его удаленія изъ міра, въ 6355 г. отъ созданія міра, 10-го индикта, 848 г. ноября 1-го, богоносный Меѳодій, предвидя кончину святого, прибылъ въ Антидіевъ монастырь, въ которомъ тогда жилъ святой. Іоанникій вышелъ къ нему навстрѣчу и облобызалъ патріарха. Затѣмъ онъ сказалъ въ длинной рѣчи, что въ виду того, что еретики и схизматики вознесли свои хулы къ небу и противъ Меѳодія, то онъ, Іоанникій, долженъ сказать, что началомъ, корнемъ и основаніемъ православной вѣрѣ долженъ считаться богоносный Меѳодій, прогнавшій всѣ направленія (μεθοδία) заблужденій и иконоборческую ересь, котораго поносятъ тѣ, которые покровительствуютъ (χαρίζονται) еретикамъ и раздѣляютъ тѣло Христова — церковь; если, какъ они говорятъ, они не согласны съ еретиками, то

1) У Петра (р. 413, § 49).

безстыдно противятся и православнымъ, надѣясь господствовать чрезъ несоставное невѣдѣніе кентукладовъ (τῶν κεντουκλάδων). Вы же отдѣленные отъ иконоборцевъ и схизматиковъ, какъ отъ другихъ Скиѳовъ, уйдите: они безчеловѣчно растерзываютъ на многія части члены Христа и его церкви. Кто имѣетъ общеніе съ иконоборцами, тотъ не имѣетъ общенія со Христомъ; кто злословитъ Меѳодія, будетъ отдѣленъ, и кто его не считаетъ въ ряду патріарховъ съ Германомъ, Тарасіемъ и Никифоромъ, тотъ самъ отпадетъ отъ ихъ заступничества. Обращаясь къ Меѳодію, Іоанникій прибавилъ: кто возстаетъ противъ тебя, тотъ воюетъ противъ Бога и противъ своего спасенія; переноси обиды великодушно. Моя жизнь прошла, но вскорѣ (οὐ μετὰ πολὺν χρόνον) пойдешь за мною и ты. И эти слова Іоанникія оправдались: ибо въ восьмой мѣсяцъ послѣ успенія Іоанникія, 14-го іюня, скончался патріархъ Меѳодій. Услышавъ эти прореченія, Меѳодій облобызалъ Іоанникія и, получивъ отъ него благословеніе, вернулся въ свой собственный (сіχηῖον) монастырь (§ 53).

Свѣтильникъ пустыни, Іоанникій, слегъ въ постель 3-го ноября, а 4-го переселился къ Господу. Отецъ монастыря Іосифъ съ братією и съ пришедшимъ народомъ съ псалмами, свѣтильниками и благовоніемъ положилъ его въ гробъ (ἐν γλωσσοκόμῳ), который изъ его келліи съ пѣніемъ перенесъ въ церковь. Нѣкій человѣкъ, страдавшій семь лѣтъ параличемъ и двигавшійся подобно малому ребенку, когда прикоснулся гроба Іоанникіева, выздоровѣлъ и сталъ ходить прямо. Одна женщина, страдавшая сумасшествіемъ (πνεῦμα ἀκάθαρτον ἔχουσα) и обличенная, вернулась домой съ своимъ мужемъ здоровою. Нѣкій Панѳирій (Πανθήριος), уроженецъ Атрои (Ἀτρώα), страдавшій сумасшествіемъ (ὑπὸ πνεύματος ἐνεργούμενος ἀκαθάρτου), выздоровѣлъ и радостно вернулся во свояси. Братія и отцы горы Альса (ἐν τῷ ὄρει τῷ Ἄλσει) по откровенію узнали о славѣ его у Бога. Въ самый день и часъ его кончины они видѣли огненный столпъ, поднявшійся отъ горы Олимпа къ самому небу: Іоанникій переселился къ Богу, котораго онъ возлюбилъ. Молитвами и руководствомъ его, прибавляетъ агіографъ, и мы проживемъ въ благочестіи и во всякой добродѣтели, уберемся отъ мрака грѣховъ и будемъ слѣдовать тому, что приводитъ насъ къ вѣчной жизни и небесному царству (§ 54).

Въ такомъ видѣ представляется хронологическая канва житія. Однако Болландистъ Van den Gheyn, основательно изучившій біографію Іоанникія, находитъ нѣсколько иную датировку событій. По нему,

Іоанникій родился въ 754 г. (однако р. 383 по исправленіи дана цифра 753), въ 761—773 г. пасъ свиней, въ 773 г. поступилъ въ военную службу, въ 791 г. встрѣтился съ олимпійскимъ старцемъ и отрекся отъ иконоборчества, въ 791—795 гг. служилъ при царѣ, въ 795 г. оставилъ мѣръ и удалился на Олимпъ, въ 795—96 гг. жилъ на горѣ Трихаликовой и въ Геллеспонтѣ, гдѣ пробылъ съ 797—799 г., затѣмъ ушелъ въ Кундурію, Миры Ликійскія, Ефесъ, Ликию и Киликію, гдѣ жилъ въ теченіи 800—806 г.; въ 806 г. жилъ въ монастырѣ Еристы и въ Критаѣ, въ послѣдней оставался до 808 г.; 808—810 гг. жилъ въ Хелидоніи, въ 810 г. вернулся въ Агаврскій монастырь, потомъ ушелъ на Трихаликову гору; въ 815—820 гг. жилъ въ Лидійскомъ лѣсу и на Трихаликовей горѣ, ок. 824 г. его посѣтилъ игумень Θεодоръ Студить; въ 830 г. Іоанникій ушелъ въ Антидіевъ монастырь, въ 841 г. имп. Θεοφιλъ спрашивалъ его мнѣнія объ иконопочитаніи, въ 843 г. Іоанникій предсказалъ Меѳодію патріаршество и послалъ ему письмо, въ 845 г. находится въ презрѣніи у развратныхъ монаховъ, 1 ноября 846 г. его посѣтилъ патр. Меѳодій, 3 ноября 846 г. Іоанникій захворалъ и 4 (по исправленію о. Pargoire'a, 3-го) ноября 846 г. скончался; погребенъ въ церкви Антидіева монастыря.

Какъ было уже замѣчено, Саввину житію Іоанникія предшествовало его же житіе св. Петра Атройскаго (въ области того же Олимпа), другого современника вѣиинскаго аскета. О существованіи его свидѣтельствоваъ самъ авторъ. Въ житіи Іоанникія, говоря о кончинѣ Петра Атройскаго, Савва замѣчаетъ: «объ этомъ я подробнѣе изложилъ въ житіи отца Петра¹⁾». Житіе это было написано Саввою, близкимъ свидѣтелемъ подвиговъ Петра, какъ по его личнымъ воспоминаніямъ, такъ на основаніи рассказовъ самого Іоанникія. Но оно по видимому не сохранилось до нашего времени, и очень жаль. Савва хорошо зналъ людей и обстоятельства своего времени; имѣй его житіе Петра въ рукахъ, мы обогатились бы многими свѣдѣніями изъ монастырской жизни Олимпа въ первой половинѣ IX столѣтія. Болландистъ Van den Gheyn въ 1893 г. предпринималъ поиски этого житія по разнымъ библіотекамъ, оказавшіеся однако безуспѣшными. *Fiat itaque vita reperta!*

1) р. 325, 371, § 44 (ср. стр. 86): ταῦτα — ἐν τῷ τοῦ πατρὸς Πέτρου βίῳ προζεδέμηνη πλατύτερον; ср. К. Krumbacher G. d. byz. Lit. 198².

Этимъ однако агіографическая дѣятельность Саввы не кончилась. Съ его именемъ связывается еще похвальное слово преп. Теофану Сигріанскому, сохранившееся только въ славянскомъ переводѣ въ рук. Соловецкой № 628, XVI в., л. 99—110 (Описанія II, 425): «Трезвѣпія непростаго и труда потреба праздноующему о словесѣхъ похвалныхъ лѣпааго потребная изреци и духовнаа извѣщати». Не издано.

Въ IX в. въ одно время и довольно близко другъ отъ друга жило двое Саввъ-агіографовъ: Савва олимпіецъ и Савва пелекитецъ. Первому, какъ мы видѣли, принадлежатъ житія Іоанникія и Петра Атройскаго, другому житіе Макарія Пелекитскаго. Сигріанская обитель, мѣсто подвиговъ Теофана, находилась ближе къ Пелекиту, нежели къ Олимпу, отсюда казалось бы, что Саввину похвалу Теофану, не сохранившуюся въ греч. подлинникѣ, съ большимъ основаніемъ можно было бы отнести перу Саввы-пелекитца. Однако мы безъ колебанія относимъ похвалу на долю Саввы-олимпійца на основаніи изученія языка и литературнаго стиля обоихъ писателей. Олимпіецъ—литературный талантъ, между тѣмъ пелекитецъ—писатель съ посредственными дарованіями, писатель-простецъ.

Какъ современникъ Іоанникія, Савва написалъ его дѣловое, фактическое *Vіос*; какъ современникъ Петра Атройскаго, онъ вѣроятно также писалъ собственно *Vіос* его. Но отъ Теофана онъ былъ отдѣленъ промежуткомъ, по крайней мѣрѣ, на полустолѣтіе, этого святого онъ не зналъ и не помнилъ. Пожелавъ коснуться и его, Савва могъ сдѣлать это только въ похвальномъ риторическомъ словѣ въ честь святого. Это Савва и сдѣлалъ, составивъ длинную похвалу, полную риторическихъ красотъ, образовъ, сравненій и параллелей, что было бы совсѣмъ не подъ силу Саввѣ-пелекитцу, но почти лишенную фактическаго содержанія. Впрочемъ и тѣ немногія данныя являются крайне любопытными.

Агіографъ, слѣдуя литературной манерѣ, говоритъ о своемъ «недерзкомъ и неясномъ языкѣ», о «молитвахъ преподобныхъ», то-есть или о молитвахъ св. Теофана, или о молитвахъ преподобныхъ олимпійскихъ отцовъ, укрѣпленный которыми онъ приступилъ къ написанію похвалы. Въ концѣ этой трудной для уразумѣнія похвалы читаемъ небезынтересныя строки: «Тожде нынѣ многая преминути, и умноженія ради писменнаго, и многихъ лѣностей, яже по коемуже изложихомы. дѣльнаа нѣкаа и разумная на успѣхъ отъ отца Іоанна того любви. повелѣніе правившему свою паству во свое время въ

ней жь честное тѣло лежитъ треблаженника» 1). Какъ будто отсюда можно заключить, что Савва до Похвалы написалъ и Житіе св. Теофана исповѣдника, что къ составленію этихъ обоихъ сочиненій онъ былъ побужденъ настоятелемъ Сигріанскаго монастыря отцомъ Иоанномъ. — Теофанъ и женатый соблюлъ супружеское ложе чистымъ, добръ страдалъ и достигъ до маститой старости; находился въ темницѣ «отъ скверньеннаго духоборца Льва на двѣ лѣтъ и голодомъ и жажею и язеоу тяжкою свою жизнь препроводившаго по темници бо той твердѣй же и темнѣй, и на двѣ лѣтъ тамо озлобленіе святаго отъ того же паки мучителя въ лютой островъ на изгонъ, и тоже во двою(де) сятую и 3-хъ днехъ веледушнѣ стерпѣвшу». — Итакъ Теофанъ два года подвергался мучительствамъ, а потомъ былъ сосланъ Львомъ въ изгнаніе на островъ (какъ мы видѣли: Самоѳраку) и здѣсь подвергался пыткамъ въ теченіе 23 дней. Два года въ тюрьмѣ и 23 дня на островѣ — несомнѣнное пріобрѣтеніе для біографіи святаго. «И се чуднѣе, замѣчаетъ Савва, яко отъ скиѣскаго града и отъ работнаго ярьма бѣ учай се духовнаа и не устыдѣся роженіа ижъ того свѣтованіе вреди». — Итакъ, если мы правильно поняли текстъ этого отрывка, Теофанъ былъ по происхожденію скиѣ и человекъ крѣпостной, который по данной ему благодати получилъ такой даръ проповѣди, что училъ цивилизованныхъ ромеевъ; онъ не стыдился низости своего рода, хотя помышленіе объ этомъ ему и вредило. Св. Теофанъ скиѣ! св. Ѡаддей скиѣ! св. Лазарь хазаринъ! сколько однихъ греческихъ святыхъ въ IX в. вышло изъ предѣловъ нынѣшней Россіи! На счетъ значенія термина «скиѣ» здѣсь не мѣсто распространяться; этимъ именемъ назывались и болгары, и русскіе, и другіе народы южной Россіи; почти каждый писатель прилагалъ это слово къ какому либо опредѣленному народу. Впрочемъ Савва въ житіи Иоаннікіа болгаръ называетъ ихъ собственнымъ именемъ *βούγαρος*, но о скиѣахъ тамъ же къ сожалѣнію не говоритъ. Но если же мы на минуту остановимся на русскомъ происхожденіи св. Теофана, какая благодарная параллель получится отъ сравненія двухъ знаменитыхъ русскихъ лѣтописцевъ — Теофана и Нестора! Впрочемъ, по пересказамъ IX и X вв. Никифора, протасикрита Θεодора и др., Теофанъ происходилъ родомъ изъ Византіи. Метафрастъ въ своемъ пересказѣ, встрѣтивъ такое значительное противорѣчіе, обошелъ молчаніемъ родину Тео-

1) Ср. Н. Поповъ. Рукописи моск. синод. бібліотеки, вып. 1, Новоспасское собраніе, стр. 84.

фана, хотя подробностями о его образованіи даетъ понять, какъ будто онъ тоже византіецъ.

Къ области Визонніи кромѣ Олимпа можно отнести также Катаволъ, Пандимъ и Мидикій, какъ меньшіе центры агіографическаго дѣла.

Житіе извѣстнаго уже Евстратія ¹⁾ написано инокѣмъ Вомскаго монастыря (въ Катаволѣ, на берегу Чернаго моря, около Иракліи), игуменѣмъ котораго былъ родной братъ святого Николай. Агіографъ былъ побужденъ написать житіе, — едва ли не этимъ игуменѣмъ. Самъ онъ лично съ Евстратіемъ, повидимому, не былъ знакомъ. Приступая къ составленію книги, онъ воспользовался рассказами очевидцевъ (Катаволъ лежалъ близъ Агаврскаго монастыря, мѣста подвиговъ святого) и нѣкоторыми письменными матеріалами (житіемъ Іоанникія и пр.), которые старался передать со всею точностью. Время появленія Βίος'а можетъ быть отнесено къ концу IX столѣтія. Не лишнее обще-историческаго интереса, житіе драгоцѣнно обиліемъ живыхъ бытовыхъ подробностей.

Въ предисловіи агіографъ, обращаясь къ собранію слушателей или читателей, говоритъ, что всѣмъ намъ самою природою дано украшать рассказами людей добродѣтельныхъ и благочестивыхъ; по силѣ и возможности надобно возвеличивать и почитать на дѣлѣ память ихъ; «поэтому и мы, не вкусившіе ни однимъ пальцемъ энциклопедическаго образованія и слишкомъ теоретическаго, превосходящаго всякое пониманіе, истиннѣйшаго знанія ²⁾, внося какъ бы нѣкое дѣтское картанье, но окрыленные надеждою и пользуясь ею какъ помощницею, скажемъ кое-что немногое, употребляя въ разсказѣ не ложносочиненныя разсужденія (это недостойно христіанской жизни), а такія, которыя сохранились до насъ письменно и которыя мы узнали отъ очевидцевъ (§ 1) ³⁾. Въ предшествующее поколѣніе (ἐπι τῆς προλαβούσης γενεᾶς), то-есть во времена христіаннѣйшаго и иже во святыхъ царя Михаила, унаслѣдовавшаго царство небесное и изгнаннаго безбожнѣйшимъ Львомъ, новымъ Доикомъ ⁴⁾, недостойнымъ порфиры», явилось намъ какъ бы нѣкое свѣтило, блаженный и

1) Βίος καὶ θύμματα τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Εὐστρατίου, ἡγουμένου τῆς μονῆς τῶν Ἀγαύρου ("Ὅτι μὲν, ὡ φιλάγιον ἄθροισμα) напечатано А. Пападопуло-Керамевсомъ Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. Πετροῦπολις 1897, IV, 367—400 (cod. Sab. № 242).

2) p. 368: ἡμεῖς, οἱ πάντῃ τῆς τε ἐγκυκλίου παιδείσεως καὶ τῆς ἄγαν θεωρητικῆς καὶ πᾶσαν αἴσθησιν ὑπερβαίνουσας ἀληθεστάτης γνώσεως οὐδὲ ἄκρω δακτύλῳ γευσάμενοι.

3) οὐ ψευδεπιπλάστοις ἐνοίαις, ἀλλ' ἀγραφικῶς ἕως ἡμῶν καττυτήσαντα ἔγνωμεν παρὰ τῶν αὐταῖς ὄψεσιν ταῦτα ἐορακῶτων.

4) Δωήκ. Въ 1 Царствъ XXI, 7: Δωήκ ὁ σύρος, νέμων τὰς ἡμίονους Σαούλ.

преподобный Евстратій, поднявшій много подвиговъ и украшавшійся жизнію «до царствованія православнаго и боговѣнчаннаго Василія»; желая описать его житіе, агіографъ молитъ Бога содѣйствовать передачѣ разсказа «жившихъ ранѣе богоносныхъ мужей», «хотя разсказъ этотъ потерялъ во всякомъ случаѣ многое въ (моей) рѣчи» (§ 2).

«Есть, говоритъ авторъ, страна (χωρα), такъ называемая Тарсія (Ταρσία), состоящая подъ ееюю Оптиматовъ¹⁾; въ ней лежитъ деревня Вициніана» (χωρη Βιτζιμανᾶς), родина Евстратія, гораздо болѣе известная, нежели Армаеѣмъ²⁾. — Ѳема Оптиматовъ, получившая свое названіе отъ избраннѣйшихъ Готскихъ воиновъ и сохранившая его до X вѣка включительно, изъ всѣхъ Азіатскихъ Ѳемъ была самою ближайшею къ Константинополю, занимая районъ пропонтидскаго побережья, западной Вивиніи и части Малой Фригіи; главнымъ городомъ Ѳемы, по мнѣнію Рамбо³⁾, могла быть Никомидія. Мѣстоположеніе Тарсіи, а стало быть и Вициніаны, точно опредѣлить невозможно. Когда-то жило здѣсь цѣлое племя, называвшееся по мѣстности *Ταρσιᾶται*. — Въ числѣ достаточныхъ поселянъ вициніанской деревни была семья Георгій и Мегеѡа (Μεγεῶω) съ сыномъ Евстратіемъ. Мальчикъ былъ воспитанъ въ правилахъ благочестія и къ 20-тилѣтнему возрасту уже горѣлъ божественною любовію (§ 3). Въ это время онъ узналъ о своихъ пяти братьяхъ по матери, аскетахъ въ области Олимпа (ἐν ταῖς τοῦ Ὀλύμπου μέρεσιν): Григоріи, «къ которому приходилъ великій и прозорливѣйшій Іоанникій въ началѣ своего удаленія изъ міра и получилъ отъ него наставленія построить жилище на той «святой горѣ», въ какомъ мѣстѣ ему удобнѣе, какъ передаетъ исторія о немъ» (Іоанникій)⁴⁾, Василии, Петрѣ, Агаѡнѣ и Антоніи. — Здѣсь очевидно имѣется въ виду житіе Іоанникія Виоинскаго, написанное ученикомъ его Саввою; въ немъ упомянуты и Василій, и Петръ, хотя едва ли послѣдній тождественъ съ дядею Евстратіа: Петръ житія Іоанникія или Петръ Атройскій прославился чудомъ, преставившись

1) p. 369: ὑπὸ τὸ θεμα τελοῦσα τῶν Ὀπτιμάτων.

2) Ἀρμαθῆμ, слѣдовало бы Ἀρμαθᾶμ (въ Московск. Βιβλία 1 Царствъ I, 1: Ἀρμαθᾶμ), по евр. Ramathaïm. Въ прежнее время пробовали было родину Елканы отождествлять съ Армаеѡею (около Іерусалима), родиною Іосифа.

3) A. Rambaud. L'empire grec, p. 194.

4) p. 370: ὡς ἡ κατ' ἐκείνον ἱστορία διαλαμβάνει. Что Житіе называлось *ἱστορία*, свидѣтельствуетъ и Іоаннъ Дамаскинъ: въ словѣ на Успеніе Богоматери, говоря о построеніи церковей Пульхеріею, онъ ссылается на *Εὐδουμιακὴ ἱστορία*, то-есть на Житіе Евѡимія Палестинскаго, хотя въ немъ и нѣтъ о томъ свѣдѣній (Migne, Patr. gr. t. XCVI, 748). Константинъ Акрополитъ назвалъ Житіе Варвара также *ἱστορία*.

восходящимъ на небо, —агиографъ Евстратія, говоря о Петрѣ—дядѣ, умалчиваетъ объ этомъ¹⁾, что какъ будто говоритъ въ пользу раздѣльности обоихъ Петровъ. — Эти пять братьевъ подвизались въ нѣкоемъ мѣстѣ Калимиѣ (Καλίμνω), въ 15 стадіяхъ (или немного болѣе) отъ Прусы (τῆς Προυσαέων πολίχνης), у подножія горы Трихаликовой (τοῦ ἐπιλεγομένου Τριχάλικος), которая въ послѣдующее время измѣнила свое наименованіе на гору «Авгарь» — по той причинѣ, что на ней подвизались передъ тѣмъ евнухи (§ 4)²⁾. Въ житіи Іоанникія рядомъ съ Трихаликовой горой упоминается и гора Агаврская (Ἀγάρου); послѣднее названіе должно быть признано единственно правильнымъ. Въ житіи Евстратія очевидно ошибка, изъ-за которой не видно филологическаго основанія къ замѣнѣ одного названія горы другимъ. Трихаликова гора переименована была въ гору Ἀγάρου изъ-за ея великолѣпія (ἀγαυρός—superbus) благодаря подвижничеству евнуховъ. —

Скрывшись изъ дому, Евстратій прибылъ къ дядямъ и обратился съ горячею просьбою къ Григорію принять его въ монастырь. Старецъ указывалъ ему на тяжесть монашеской жизни, но Евстратій все твердилъ, что онъ горитъ божественнымъ сердечнымъ огнемъ и желаетъ лишь одного на землѣ — удостоиться равноангельнаго житія (§ 5). Постриженный наконецъ Григоріемъ и зачисленный въ его паству, Евстратій предался чрезвычайной аскезѣ; онъ не имѣлъ у себя ничего кромѣ рясы и шерстяного плаща, въ которыхъ онъ ходилъ; спалъ очень мало и гдѣ попало; «говорятъ, что онъ въ продолженіи всей 75-тилѣтней монашеской жизни не ложился навзничъ и не лежалъ на лѣвомъ боку» (§ 6), — то-есть усвоилъ то гигиеническое правило, которое и въ наши дни еще далеко отъ осуществленія. — Между тѣмъ Григорій умеръ, прославившись чудесами; «и до нынѣ всечестная его рака источаетъ обиліе цѣлительнаго мѹра приходящимъ съ вѣрою». Преемникомъ своимъ онъ оставилъ Евстаѳіа, который правилъ паствою недолго; передъ смертію онъ совѣтовалъ братьямъ сохранять отеческія преданія и выбрать настоятелемъ Евстратія (§ 7). Послѣдній собралъ вокругъ себя «димъ подвижниковъ» или, такъ сказать, земныхъ ангеловъ; но вотъ неожиданно явился «сильный градъ» (πληθὺς χαλάζης), уничтожающій не только тѣло, но и душу (§ 8). «Когда только что возсталъ на царство новый Ахавъ и предтеча противной

1) ὁ ἀσκητικώτατος καὶ θεοφόρος Πέτρος.

2) ἐν τοῖς μετέπειτα χρόνοις τὴν προσηγορίαν ἀντηλλάξατο Ἀγάρου προσαγορευθεὶς, ὃς ἐν αὐτῷ εὐνούχων προασησάντων.

силы, звѣроправный и звѣромысленный Левъ, и подобно псу возъярился выгнать изъ дворцовыхъ покоевъ боговѣнчаннаго и святѣйшаго царя Михаила, котораго человѣколюбецъ Господь за чрезмѣрную доброту и православное вѣрованіе украсилъ знаменіями и чудесами¹⁾, — сей по истинѣ сынъ мира, не пожелавъ воздвигнуть междуособной (ἐμφύλιον) войны, когда узналъ, что прежалкій выступилъ изъ Болгаріи съ намѣреніемъ и во всеоружіи (μεμηνυία χεiri) для достиженія царства, — уступилъ ему скипетръ; тотчасъ песъ — во святилище, драконъ — въ честныя мѣста; и того, кто принялъ его съ миромъ, забираетъ и лишаетъ его супруги и дѣтей; украсивъ его противъ желанія монашескимъ одѣяніемъ, жалкій изгналъ его на одинъ изъ острововъ передъ столицею». Возгордившись успѣхомъ, онъ воздвигъ для церкви манихейскую и афтартодокитскую ересь, потушенную прежде ересь иконосожигателей. Начались изгнанія, аресты, насильственные смерти богоносныхъ и святыхъ отцевъ; монахи покинули свои жилища и удалились въ горы и необитаемыя мѣста (§ 9). Вмѣстѣ съ другими, оставивъ свой монастырь, отправился и Евстратій — къ Іоанникію, которому онъ былъ извѣстенъ съ давняго времени. Съ радостью принятый, Евстратій съ Іоанникіемъ скрылись отъ людскаго взгляда и жили ангельскою жизнію. Агіографъ, намѣреваясь говорить о чудесахъ Евстратія, обращается сначала къ житію (ιστορία) Іоанникія (§ 10). Когда Евстратій обходилъ съ олимпійскимъ аскетомъ самую высокую изъ всѣхъ вершину смежныхъ горъ Олимпа, онъ пожелалъ узнать о здоровьѣ своихъ родителей, и Іоанникій услышалъ голосъ за его родителями, стоявшими на мученичествѣ св. Георгія: «Прійдите благословенные Отца моего» и пр. (Матѳ. XXV. 34); подобный же голосъ въ такомъ же видѣніи услышалъ и Евстратій, — и успокоился (§ 11).

«Отвратительнѣйшая изъ всѣхъ ересей, безбожнѣйшая и жесточайшая болѣзнь обдержала вселенную, и то были дни не въ дни и солнце не въ солнце». Но когда разсвѣло православіе и красота иконъ возвращена была церкви, исповѣдники вернулись на свои мѣста; «новый Моисей», Евстратій прибылъ въ свой монастырь Авгаръ (τῶν Αὐγάρου), собралъ свою паству и вновь устроилъ иноческое житіе; онъ стоялъ въ алтарѣ во время пѣнія канона отъ начала до конца его исполненія и въ часъ каѳисмы восклицалъ про себя «Господи помилуй»; когда случалось ему читать, онъ прочитываемое разъяснялъ незамѣтно

1) p. 374: σημείοις καὶ τέρασιν κατηγόρησεν.

слушателямъ (§ 12). Однажды Евстратій подымался изъ метоха, сосѣдняго съ Прусою¹⁾, въ свой монастырь и встрѣтился съ бѣднякомъ, просившимъ милостыни; не имѣя ничего дать, святой снялъ съ себя плащъ и отдалъ ему, а въ монастырѣ пытливой братіи сказалъ, что плащъ у него снесло сильнымъ вѣтромъ въ рошу, гдѣ онъ не могъ его найти. На другой день одинъ изъ воиновъ, встрѣтивъ святого верхомъ на конѣ, попросилъ у него лошадь, ссылаясь на падѣжъ своего и на невозможность идти пѣшкомъ домой (*ἐν τοῖς οἰκείοις*); Евстратій отдалъ ему коня, прося не говорить о томъ никому, «ибо, прибавилъ онъ, (иначе) погубишь и этого»²⁾. Поселянинъ одной изъ сосѣднихъ съ монастыремъ деревень, потерявъ (*ἀποβλῶν*) одного своего вола, просилъ святого сжалиться надъ нимъ и его семьею и дать ему другого вола для запашки, «дабы не погибнуть съ голоду со всѣмъ семействомъ». Евстратій призвалъ брата-кучера³⁾ и велѣлъ ему дать одного изъ монастырскихъ воловъ; когда тотъ сослался, что нѣтъ лишняго, святой велѣлъ ему отдать поселянину пару⁴⁾ (§ 13). Въ мѣстности Катавола въ предмѣстїи находится прекрасный монастырь⁵⁾. Отправляясь сюда для обозрѣнія (*ἐπισκέψασθαι*), Евстратій дорогою натолкнулся на такую сцену: мужъ лежитъ въ видѣ мертвеца, а жена стоитъ надъ нимъ и плачетъ. Понявъ, въ чемъ дѣло, святой вручилъ женѣ 10 номисмъ и сказалъ: «ступай, скажи своему мужу, чтобы онъ всталъ теперь изъ такого положенія, ибо де въ тебѣ нѣтъ подобія смерти». А дѣло въ томъ, замѣчаетъ агіографъ, что этотъ человѣкъ задолжалъ 10 номисмъ золотыхъ и употребилъ такую хитрость (*περιόδια*), чтобы возбудить чувство пощады со стороны ссудившихъ ему такую сумму. Жена объявила мужу о получкѣ денегъ, мужъ съ удовольствіемъ вышелъ изъ своего ложнаго положенія и вернулся домой (§ 14). — Названъ ли здѣсь Катаволомъ корабельный рейдъ на берегу Чернаго моря, или можетъ быть такъ прозывалась какая нибудь мѣстность внутри Виѳинїи, сказать затруднительно; впрочемъ изъ § 35 видно, что Катаволъ находился между Прусою и Византією,

1) р. 376: ἀπὸ τοῦ πλησιάζοντος μετοχίου τῷ ἄστει τῆς Προυσαέων πόλεως ἀνερχομένου (р. 380: ἀνιόντος), изъ чего видно, что метохъ этотъ стоялъ въ низменности сравнительно съ Агаврскимъ монастыремъ.

2) Ср. съ этимъ рассказъ Житія Филарета о воинѣ Мусуліи (§ 3).

3) р. 377: <τόν> τὴν τοῦ ζευγηλατείου διαχονίαν πεπιστευμένον.

4) Ср. съ этимъ рассказъ изъ Житія Филарета (§ 4).

5) ἐν τοῖς τοῦ Καταβόλου μέρεσιν προάστειον ἢ κατ' αὐτὸν περιφανεστάτη χέκτηται μονή.

т. е. на берегу моря, ибо Евстратій собирался ѣхать въ столицу на суднѣ. О приморскомъ положеніи Катавола свидѣтельствуеъ и чудо св. Николая. Продѣлка должника, напоминающая въ новое время проказу Балакирева (впрочемъ Петръ Великій не былъ такъ прозорливъ, какъ Евстратій), любопытна какъ живая бытовая картинка начала второй половины IX столѣтія. — Ради одной нужды святой прибылъ въ Константинополь. Христолюбцы, зная о матеріальномъ недостаткѣ¹⁾ его монастыря, отдали Евстратію ту подать, которую они платили обыкновенно царямъ²⁾; святой, взявъ деньги и прибывъ въ Прусу, нашелъ здѣшнихъ бѣдняковъ въ заключеніи по распоряженію спеціального комиссара³⁾ за то, что они не были въ состояніи удовлетворить этому несимпатичному требованію. Видя ихъ нужду и забывъ о своей собственной, Евстратій далъ комиссару 100 номисмъ, прося его быть великодушнымъ по отношенію къ остальнымъ. А на другой день «христомудрая и боговѣнчанная царица Теодора прислала ему 200 номисмъ и подать монастыря его при особой грамотѣ⁴⁾; эти деньги святой отдалъ исполнителю царскаго повелѣнія за свой монастырь и за заключенныхъ бѣдняковъ (§ 15). — Размѣръ монастырской подати не указанъ, но подать съ монастырскихъ «бѣдняковъ» простиралась до 300 номисмъ (въ годъ). Считая по номисмѣ съ души, можно сказать, что въ половинѣ IX вѣка при Агаврскомъ монастырѣ состояло до 300 «бѣдняковъ». — Проѣзжая однажды изъ Прусскаго метоха въ монастырь, Евстратій увидѣлъ бѣгущаго челоуѣка съ веревкою въ рукѣ; чувствуя, что тутъ дѣло неладно, что бѣглець хочетъ повѣситься, онъ слѣзъ съ животнаго, крѣпко сжалъ челоуѣка и спросилъ о причинѣ его путешествія. «Я совершилъ грѣхъ», сказалъ тотъ, «котораго нельзя передать челоуѣческимъ языкомъ». Святой, подобно Іоаннікію Виѣинскому, положилъ его руку на свою шею и произнесъ: «этотъ грѣхъ на мнѣ, дитя, и я за него дамъ отвѣтъ въ день воздаянія»; не печалься и оставь гибельное удушеніе. Тотъ палъ ему въ ноги, покаялся, просилъ наложить на него епитимію, но святой отпустилъ его безъ всякой епитиміи (§ 16). Одна женщина-иностранка родила ребенка отъ своего собственнаго сына. Сознавъ свой грѣхъ, оба они явились къ Олимпійскимъ отцамъ для покаянія, но нигдѣ не при-

1) p. 378: τὴν ἐν ταῖς σωματικαῖς χρεῖαις στένωσιν.

2) τὸ κατὰ συνήθειαν τοῖς βασιλεῦσι δίδόμενον δημόσιον.

3) παρὰ τοῦ εἰς τοῦτο τεταγμένου διοικητοῦ.

4) ἀποστέλλει—τὸ τοῦ μοναστηρίου αὐτοῦ δημόσιον ἰδίως βεβουλωμένον.

нимали ихъ, какъ гнусныхъ прелюбодѣевъ. Одинъ Евстратій принялъ въ нихъ участіе и разрѣшилъ грѣхъ ихъ подь условіемъ удаленія ихъ въ монастыри: мужъ-сынъ посланъ въ страны западныя (ἐν τοῖς τῆς δύσεως μέρεσιν), а жена-мать въ восточныя (ἐν τοῖς πρὸς ἀνίσχοντα ἥλιον τόποις, § 17). Разъ ночью Евстратій съ однимъ братомъ, Конономъ, возвращался въ монастырь изъ вышеназваннаго предмѣстья св. Агапія¹⁾. Ночь была безлунная, тьма стояла полная. Путешественники сбились съ прямой дороги и очутились въ мѣстности лѣсистаго Сухого потока (Ξηροχειμάρρου), которую трудно было пройти и днемъ. Евстратій помолился, и вотъ надъ головами ихъ возсіялъ свѣтъ, но свѣтъ не лунный, ибо по сторонамъ попрежнему ни зги не было видно; и свѣтъ этотъ свѣтилъ имъ до тѣхъ поръ, пока они не подошли къ монастырскимъ строеніямъ (τὰ τῆς μονῆς προαύλια). Чудо это разсказалъ братіи самъ Кононъ (§ 18). Одинъ изъ друзей Евстратія (повидимому мірянинъ), имѣвшій въ тѣхъ краяхъ помѣстье (προάστειον), хотѣлъ однажды привезти въ него громаднѣйшій суதுнокъ изъ катавольской мѣстности; для этого онъ запрягъ до 70 воловъ, но дорогою лѣсина увязла; препятствуемый злымъ духомъ, хозяинъ въ теченіи недѣли не могъ сдвинуть ее съ мѣста. Евстратій, къ которому онъ обратился для молитвы, явился на мѣсто, сталъ на дерево, сотворилъ крестное знаменіе,—и волы сдвинули лѣсину (§ 19). Въ своемъ монастырѣ онъ велѣлъ однажды братіи перетянуть плиту съ одного мѣста на другое. Въ теченіи 30 часовъ братія мучилась и безуспѣшно; тогда святой, взявъ въ руки веревку, произнесъ обычный стихъ, и камень посредствомъ машины легко былъ перетащенъ къ монастырю. «И нынѣ этотъ камень находится посреди двора» (ἐν τῷ μεσαύλῳ, § 20).

«Когда богоборное племя Агарянское расположилось лагеремъ около города Аморія и держало его въ осадѣ²⁾, во дни безбожнаго царя Θεοφιλα, нѣкій монахъ, по имени Іоаннъ, исполнявшій службу келаря (τοῦ κελλαρίτου) и любимый Евстратіемъ за прямоту мысли, сказалъ честному отцу: «съ давняго времени я слышу о томъ, что Аморій не сдастся»³⁾; но блаженный сказалъ ему: «не ошибайся, братъ: онъ сдастся черезъ два дня», что и случилось; «братъ обозначилъ день и убѣдился въ неложности предсказанія отца» (§ 21). — Аморій взять

1) р. 380: προάστειον τοῦ ἁγίου Ἀγαπίου, выше названъ метохомъ.

2) р. 382: ἡ θεομάχος τῶν Ἀγαρηνῶν φυλὴ πρὸς τὸ ἄστυ τοῦ Ἀμορίου ἐστρατοπεδεύκει καὶ τοῦτο συνεῖχεν πολιορκοῦσα.

3) ἔκπλαλοι τοῦτο ἀκουτίζομαι, ὡς ἀπαράδοτον ὑπάρχει τὸ Ἀμόριον.

около 24 сентября 838 года ¹⁾. Источники объ этомъ событіи перечислены Муральтомъ (р. 418); къ нимъ надобно присоединить еще житіе Аморійскихъ мучениковъ, уже рассмотрѣнное нами, и настоящее показаніе житія Евстратіева.—Въ Катавольской мѣстности жилъ знакомый святого, человѣкъ видный (*μειζότερος*). Къ дому его подошелъ однажды манихей за милостынею; но вся семья (отецъ, мать и дѣти) была занята какимъ-то дѣломъ, и манихей ушелъ ни съ чѣмъ. А какъ разъ въ это время вышелъ указъ царей Θεодоры и Михайла о ереси манихейской ²⁾. Нищій манихей воспользовался этимъ и схваченный властями въ отместку оклеветалъ катавольскаго помѣщика въ манихейской ереси. Послѣдній со всѣмъ семействомъ былъ отправленъ въ столицу. Самъ глава догадался и отправилъ прежде жену съ дочерью къ Евстратію для молитвы о ихъ избавленіи. Святой принялъ женщинъ и успокоилъ ихъ, говоря, что никакого зла ни мужу, ни имъ не будетъ, и прибавилъ: «но такъ какъ онъ все-таки немножко безпорядоченъ, то подвергнется ударамъ, только 20, и будетъ вмѣстѣ съ вами отпущенъ». Женщины явились въ столицу и были посажены въ тюрьму вмѣстѣ съ мужемъ. Ночью онѣ видѣли, что святой защищаетъ ихъ своимъ плащомъ. На утро помѣщикъ получилъ 20 ударовъ и былъ выпущенъ съ женою и дочерью, «явившись самымъ неложнымъ вѣстникомъ предсказаній и чудесъ святого» (§ 22). — Царскій указъ, о существованіи котораго мы до сихъ поръ не имѣли никакихъ свѣдѣній, могъ появиться въ предѣлахъ 842—855 годовъ. Въ виду того, что манихейство имѣло связь съ иконоборчествомъ, мы обогащаемся новымъ свидѣтельствомъ, что и послѣ собора 842 года иконоборчество все еще было сильно (ср. § 39) и для подавленія его приходилось прибѣгать къ мѣрамъ строгости. Но каково же было тогдашнее правосудіе, разъ стоило оговорить человѣка, какъ его сейчасъ сажали въ тюрьму и подвергали тѣлесному наказанію? Евстратій назвалъ помѣщика *ἄτακτος* то ли потому, что тотъ не подалъ милостыни, то ли потому, что все еще не ввелъ у себя въ дому иконы. — Однажды Евстратій подымался верхомъ на конѣ изъ Вомскаго монастыря (въ Катавольской мѣстности) ³⁾ и встрѣтилъ женщину съ пятилѣтнимъ глухонѣмымъ и параличнымъ ребенкомъ ⁴⁾; посадилъ его на шею лошади,

1) А. Васильевъ. Византія и Арабы. Спб. 1900, стр. 136.

2) ἐν τούτῳ κατέλαβεν ἀπόφασις ἐξεληθοῦσα παρὰ τῶν φιλοχρίστων βασιλέων, λέγω δὴ Θεοδώρας καὶ Μιχαὴλ τοῦ αὐτῆς υἱοῦ, πρὸς τὴν βδελυρὰν αἴρεσιν τῶν Μανιχαίων.

3) р. 383: ἐκ τῆς τῶν Βωμῶν μονῆς, ἢ πρὸς τοῖς τοῦ Καταβόλου μέρεσιν διάκειται.

4) παιδίον ἄλαλον καὶ κωφόν . . . , οὔτε ἐλάλησεν, οὔτε ἤκουσεν, οὔτε περιπάτησεν.

перекрестилъ всѣ его члены, помолился и спустилъ ребенка на землю; тотъ вдругъ заговорилъ, все сталъ слышать и самъ подошелъ къ матери (§ 23). Разъ онъ съ братомъ также подымался верхомъ на лошади изъ Прусы (ἐκ τοῦ τῆς Προβύστης ἄστεος) въ свой монастырь. У рѣки онъ замѣтилъ женщину, плачущую надъ мертвымъ ребенкомъ. Тотчасъ слѣзъ съ коня, взялъ ребенка на руки, отошелъ немного въ сторону, поцѣловалъ его въ голову, глаза, ротъ, уши и грудь, — и ребенокъ заплакалъ. Мать отъ радости пала въ обморокъ¹⁾. Евстратій привелъ ее въ сознаніе и просилъ никому не говорить о томъ, иначе ребенокъ обратится въ прежнее состояніе; сынъ пережилъ мать и самъ достигъ старости (§ 24). Дѣти изъ окрестныхъ деревень пасли въ томъ мѣстѣ свиней и, какъ это всегда водится, шалили. Одинъ изъ нихъ ударилъ другого палкою по лбу: тотъ упалъ, потерявъ сознаніе. Проѣзжавшій Евстратій помолился около мертваго, дунулъ ему въ ротъ и уши и оживилъ мальчика, запретивъ рассказывать объ этомъ, пока онъ самъ живъ (§ 25). Нѣкій Θεодоръ, уроженецъ Востока (ἐκ τῶν τῆς Ἑώας μερῶν), совершивъ страшное убійство, явился для покаянія въ Олимпійскія страны, но отовсюду былъ выгоняемъ отцами за чрезмѣрность преступления; одинъ Евстратій принялъ его, протянулъ ему руки ладонями кверху, поцѣловалъ его и принялъ его грѣхъ на себя подъ условіемъ отреченія его отъ міра. Θεодоръ постригся въ Агаврскомъ монастырѣ, явился «сосудомъ избранія» и скончался здѣсь (§ 26)²⁾. Монахъ Тимоѳей, наблюдавшій во время сбора за виноградниками, разъ ночью услышалъ шумъ въ оградѣ; полагая, что это воры, онъ тотчасъ вышелъ и былъ облѣпленъ тучею осъ, тяжести которыхъ не могъ вынести. Онъ явился къ Евстратію, говоря, что онѣ жалятъ ему всю голову и лице; святой за волосы наклонилъ его къ землѣ, сотворилъ молитву, наступилъ ему пяткою на грудь и голени и освободилъ его отъ оособразныхъ демоновъ (§ 27). Ученикъ его Сергій везъ ночью въ монастырь кладъ. Въ рѣкѣ животное поскользнулось и остановилось. Чтобы помочь сдвинуть возъ, Сергій, оставивъ на возу ручной багажъ, накидку и башмаки, принялся пособлять; а между тѣмъ багажъ упалъ въ воду и погибъ. Евстратій, кото-

1) ἔπεσεν ἐπὶ τῆς γῆς ὡσεὶ νεκρά.

2) Ср. съ этимъ повѣсть о Софоніи, убившемъ своихъ родителей, отвергнутомъ скитскими отцами, но принятомъ однимъ старцемъ; послѣдній повелѣлъ ему идти въ Царьградъ къ Андрею Юродивому, молитвами котораго онъ получилъ прощеніе отъ умершихъ родителей; затѣмъ умеръ въ скитѣ и прославился (Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1894 г. Спб. 1897, стр. 175).

рому Сергій разсказалъ о приключеніи, увѣрилъ, что «погибшее» застряло въ рѣчной плотинѣ; монахъ пошелъ и убѣдился въ справедливости его словъ (§ 28). Двадцать иноковъ собрались привезти на волахъ изъ Катавольской мѣстности въ Агаврскій монастырь хлѣбъ и другіе припасы. Евстратій предварилъ ихъ, что на рѣкѣ они встрѣтятъ затрудненіе отъ злого духа, котораго пусть не смущаются. Дѣйствительно волаы, везшіе грузъ, посрединѣ рѣки остановились. Большой эеіопъ выскочилъ изъ воды, поднялся на мостъ и закричалъ, что его преслѣдуетъ Евстратій, и снова упалъ въ воду, послѣ чего монахи спокойно продолжали путь (§ 29). Однажды воры, въ отсутствіи святого, обокрали монастырь. Явившись на другой день и узнавъ, въ чемъ дѣло, Евстратій пошелъ въ церковь и, остановившись передъ иконою св. великомуч. Θεοδωρα, со смѣлостью сказала: «повѣрь, жители мѣста не возьмутъ огня изъ лампы въ сей честной твоей иконѣ, если ты не поможешь намъ получить взятое», послѣ чего вернулся въ свою келію. На другой день воры, подойдя къ монастырскимъ стѣнамъ, разговаривали между собою, что вотъ они ходятъ два дня, а отойти отъ монастыря не могутъ, ибо ихъ преслѣдуетъ нѣкій «царскій» (βασιλικός τις) съ монахомъ, сидящіе на бѣлыхъ коняхъ. Монахи, услышавъ разговоръ, получили свое имущество; Евстратій напутствовалъ воровъ и они вернулись во свояси (§ 30). Подымаясь однажды съ братомъ въ монастырь изъ своего метоха Λευκάδες, онъ издали увидѣлъ пожаръ въ другомъ своемъ метохѣ — св. Космы, тотчасъ сошелъ съ коня, сотворилъ молитву, и пожаръ прекратился. А ночь тогда была совершенно лунная, замѣтилъ спутникъ Евстратія (вѣроятно агіографу, § 31).—Левкадскій метохъ находился вѣроятно на мысѣ Λευκάτη, къ западу отъ Никомидіи; въ тѣхъ же краяхъ, какъ кажется, но довольно далеко отъ Левкады, находился и другой метохъ Агаврскаго монастыря — св. Космы. — Однажды Евстратій отправился въ столицу, прибылъ на суднѣ въ гавань Тритона (κατὰ τὸν τοῦ Τρίτωνος ὄρμλον) и велѣлъ корабельщику приготовить поѣсть. Когда тотъ сослался на отсутствіе рыбы, чудомъ Евстратія на берегу оказалась столь великая рыба, что приводила въ изумленіе всѣхъ (§ 32).—Тритонъ — приморскій городокъ Вюініи не далеко отъ Византіи, упоминаемый Θεοφάνωμъ (I, 472) и чудомъ св. Николая. — Благочестивая Θεοδοσία, оговоренная передъ своимъ мужемъ, при тогдашнемъ кесарѣ Вардѣ¹⁾, и изгнанная отъ сожителства съ нимъ, часто прини-

1) p. 389: λέγω δὲ Βάρδα τοῦ κατ' ἐκείνο καιροῦ καίσαρος χρηματίσαντος.

мала у себя Евстратія; служанка ея четыре года страдала кровотечениемъ¹⁾ и испѣлилась, слизавъ пыль съ ногъ святого, когда тотъ расхаживаль у Θεодосіи по залѣ (μέσον τοῦ τρικλίνου, § 33). — Означенное чудо относится ко времени 858—866 года, когда великую, первую роль въ государствѣ игралъ кесарь Варда; самъ онъ развелся съ женою; повидимому, былъ прикосновенъ къ разводу и Θεодосіи. — Одинъ бѣднякъ Прусы, имѣя одного жеребенка, едва прокармливалъ свое семейство, привозя то припасы, то дрова; но вотъ лошадка его стала слѣпнуть. Бѣднякъ въ отчаяніи явился съ нею къ Евстратію и просилъ у него другой лошади. Святой извинился, что не имѣеть лишней, вышелъ съ нимъ до воротъ монастырской ограды, зачерпнулъ воды въ руку, обмылъ глаза лошади, сотворилъ крестное знаменіе, — и животное выздоровѣло (§ 34).

Собираясь ѣхать въ Византію, Евстратій прибылъ въ Катаволъ, гдѣ отслужилъ всенощное бдѣніе съ роднымъ своимъ братомъ, «преподобнѣйшимъ» Николаемъ. Во время трапезы святой загадками говорилъ объ исходѣ своего путешествія, но брату Николаю прямо сказалъ, что онъ уже не вернется изъ Константинополя, прося его однако не печалиться о его кончинѣ; прощаясь съ братіею, онъ произнесъ: «будьте здоровы; а я собираюсь отправиться въ далекій путь». Монахи же, замѣчаетъ агіографъ, подумали, что онъ говоритъ это о плаваніи по морю (§ 35). Евстратій прибылъ въ Константинополь. Когда судно вошло въ гавань Іуліана, обыкновенно называемую Софійскою гаванью²⁾, оно налетѣло на подводную скалу и дало пробоину; молитвами Евстратія всѣ спаслись, и въ судно не попало ни капли воды; но когда вынесенъ былъ изъ лодки багажъ, вышли корабельщики и наконецъ самъ Евстратій взобрался на сушу по боковой лѣстницѣ, судно тотчасъ наполнилось водою (§ 36). На другой день Евстратій отправился въ патріаршій дворецъ. — Здѣсь въ рукописи утрачено нѣсколько листовъ: *πρωτραπείς παρ' αὐτοῦ <τοῦ> τηνικάδε ἀρχι** <по конъектурѣ Пападопуло-Керамевса: *ερατικῆ καθέδρα*>. Если имя патріарха было *φώτιος*, это будетъ значить, что Евстратій прибылъ въ столицу до сентября 867 года; если же *Ἰγνάτιος*, то — послѣ того. Всякій слѣдъ о патр. Фотіи тщательно изглаживался латинами; не отъ

1) ῥηγίως συνεχομένη, ἢ αἰμόρρους.

2) p. 391: ἐν τῷ τοῦ Ἰουλιανοῦ λιμένι, ὃν δὴ Σοφίας καλεῖν ἢ συνήθεια εἶωθεν. Ср. Theoph. I, 184: εἰς τὸν Ἰουλιανοῦ, τὸν Σοφίας λέγω, λιμένα.

нихъ ли пострадала и рукопись Саввинскаго монастыря? По ходу разсказа, Евстратій, явившись въ патріаршія палаты, былъ поощренъ патріархомъ къ чему-то или въ чемъ-то; вѣроятно онъ и тутъ творилъ чудеса; затѣмъ онъ скончался (уже въ царствованіе имп. Василя) и по смерти прославился чудесами. Такъ одна повидимому жестокая женщина, видя ежедневно совершающіяся по кончинѣ его чудеса, сдѣлалась мягкою, сострадательною и набожною (§ 37).

Передъ смертью, 10 января, онъ собралъ находившуюся тамъ (въ Константинополѣ) братію, въ полночь произнесъ поученіе и скончался во время пѣнія шестой пѣсни канона, проживъ 95 лѣтъ, поступивъ въ монастырь 20-ти лѣтъ и подвизавшись 75 лѣтъ (§ 38).—Допуская, что Евстратій скончался 10 января 868 года, найдемъ, что онъ родился въ 773-мъ и началъ подвижническую жизнь въ 793 году.—По кончинѣ святого жители столицы спѣшили взять что нибудь отъ его мощей: кто часть волосъ, кто частицу его тѣла. Одна женщина, жившая очень близко отъ его метоха и раздробившая себѣ бедро при паденіи, 17 лѣтъ страдала параличемъ ногъ: только лежала, но встать и ходить не могла. Ее принесли на носилкахъ (*ἐν φορέϊω*) къ мощамъ святого, она поцѣловала ихъ, выпросила у вышеназванной Θεодосіи частицу волосъ отъ его бороды, приложила ихъ къ больному мѣсту и выздоровѣла. Одинъ изъ иконоборцевъ «новаго поколѣнія», врагъ монаховъ, пораженный чудомъ надъ этою женщиною, явился ко гробу, раскаялся въ ереси и принялъ православіе (§ 39). При гробѣ шла служба днемъ и ночью; освѣщеніе было насчетъ Θεодосіи; рака была открыта для приходящихъ больныхъ. На третій день по его кончинѣ ко гробу прибыли три юноши и женщина, страдавшіе сумасшествіемъ (*ὑπὸ πνευμάτων ἀκαθάρτων ὀχλούμενοι*); изъ нихъ одинъ юноша и женщина выздоровѣли тотчасъ же, а два другихъ на девятый день (§ 40). Одинъ пресвитеръ, выйдя изъ своего дома для нѣкоей потребности, упалъ и повредилъ себѣ бедро; принесенный, онъ вспомнилъ о св. Евстратіи и велѣлъ принести себя къ его гробу. Во снѣ явился ему святой, велѣлъ исправиться отъ высокомерія, беспорядочныхъ словъ и клятвъ и затѣмъ исцѣлилъ больного (§ 41). Одинъ ремесленникъ привелъ ко гробу своего сына, потерявшаго зрѣніе отъ заразной болѣзни (*ἐκ λοπιμῆς νόσου*); помочилъ глаза ему, и больной сталъ видѣть (§ 42). Одинъ, распухшій подобно мѣшку, явился ко гробу, попросилъ у братіи мѹра со лба и рукъ святого, выпилъ это мѹро и тотчасъ «выздоровѣлъ, § 43». Одна женщина исцѣлилась отъ кровоте-

ченія (§ 44). Слепой на оба глаза, приведенный ко гробу, на другой день ушелъ зрячимъ (§ 45). Одинъ 70 лѣтъ страдалъ, по дѣйствию діавола, афонією; при гробѣ святого языкъ его разрѣшился, и онъ вернулся здоровымъ (§ 46). Одна женщина съ проказою на глазахъ (λελεπρωμένη τὰς ὀφθαλμοὺς) исцѣлилась отъ слѣпоты (§ 47). Одинъ страдалъ слѣпотою 32 года; шесть дней пробылъ у гроба Евстратія, но безъ пользы, и хотѣлъ было уже уходить, на 7-й день во снѣ явился ему святой, укорилъ его въ маловѣрїи и исцѣлилъ больного (§ 48). Одинъ отецъ привелъ ко гробу своего ребенка, не говорящаго уже восемь лѣтъ; взялъ руку святого и засунулъ пальцы его въ ротъ мальчику <послѣ чего ребенокъ выздоровѣлъ, § 49>. <Нѣкій> выздоровѣлъ (§ 50). «Въ этомъ Вомскомъ монастырѣ»¹⁾ совершились и другія чудеса. Одинъ изъ здѣшнихъ жителей явился ко гробу съ 9-тилѣтнимъ ребенкомъ, параличнымъ и глухимъ отъ рожденія²⁾, поставилъ его на гробницу, и мальчикъ выздоровѣлъ (§ 51). — Отсюда мы заключаемъ, что агіографъ Евстратія жилъ въ Вомскомъ монастырѣ, въ Катавольской мѣстности, около Чернаго моря; поэтому чудеса, совершенныя святымъ въ этихъ краяхъ, должны были быть автору хорошо извѣстны.

Ученики святого съ «освященнымъ отцомъ ихъ» Николаемъ во главѣ взяли раку Евстратія оттуда (изъ Константинополя) и повезли ее въ Агаврскій монастырь. Когда они находились уже около теплыхъ водъ г. Прусы, при мощахъ исцѣлилась 80-тилѣтняя сумасшедшая (δαμονιώσα) старуха (§ 52). — Николай, братъ Евстратія, былъ повидимому игуменомъ Вомскаго монастыря (въ Катаволѣ) и, какъ видно отсюда, участвовалъ въ перенесенїи мощей изъ Константинополя въ Агавръ. — Когда рака была принесена въ Агаврскій храмъ, она была открыта. Одна монахиня, страдавшая сухоручьемъ (ἐξηραμμένην ἔχουσα τὴν χεῖρα), подошла къ тѣлу святого, взяла правую его руку и положила на свою больную руку; святой такъ сжалъ ее, что монахиня закричала и вслѣдъ затѣмъ выздоровѣла (§ 53). Черезъ 40 дней раку помѣстили въ лѣвой сторонѣ алтаря. Изъ Малагинской страны (ἐκ τῆς τῶν Μαλαγίνων χώρας) явилось сюда два сумасшедшихъ (ὑπὸ πνευμάτων ἀκαθάρτων ἐλαυνόμενοι); на третій день, въ отсутствїи братїи, они тайно подняли камень, подошли къ ракѣ и разбили доску, скрывающую честную раку. Монахи, узнавъ о томъ, выгнали ихъ изъ

1) р. 396: ἐν ταύτῃ <τῇ> τῶν Βωμῶν μονῆ.

2) р. 397: ἀκίνητον τοῖς ποσίν κωφόν τε καὶ βωβὸν ὑπάρχον ἐκ γενετῆς.

храма и на другой день хотѣли замѣнить доску другою; когда открытъ былъ кивотъ, больные выздоровѣли (§ 54). — Малагина, судя по отеченнымъ «Видѣніямъ Даніила», лежала между Ефесомъ и Пергамомъ: ἡ μὲν πρώτη χειμάσει εἰς Ἐφεσον, ἡ δὲ δευτέρα εἰς τὰ Μαλάγηνα, ἡ δὲ τρίτη εἰς Ἐναχαμπον (Ἄκρα-Κάμπου), ἣτις ἐστὶν ἡ Πέργαμος¹⁾ «первая пойдетъ на Ефесъ, вторая на Малагиня, третья на Конецъ поля, еже глаголется Паргамось»²⁾. Одинъ буйно-сумасшедшій со связанными руками явился во храмъ ко гробу; путы спали съ рукъ его; онъ выпилъ масла изъ горѣвшей надъ гробомъ лампы и выздоровѣлъ (§ 55). Одинъ пресвитеръ изъ Катавольской мѣстности явился сюда съ семилѣтнимъ сыномъ, ноги котораго были въ параличѣ. Пока сынъ молился, отецъ вышелъ къ воротамъ и рассказывалъ братіи о несчастіи съ мальчикомъ; но не успѣлъ онъ еще рассказать, какъ увидѣлъ, что сынъ бѣжить къ нему изъ храма совершенно здоровый (§ 56). Одинъ схолярій находился совершенно безъ движенія; его принесли домашніе въ монастырь, помазали больныя его мѣста масломъ изъ лампы святого, и схолярій на третій день сталъ ходить (§ 57). Одинъ пресвитеръ Катавольской мѣстности явился ко гробу съ сухорукою своею женою; во снѣ явился ей святой, взялъ за руку и велѣлъ встать; попадя встала здоровою (§ 58). Двѣ монахини изъ Перистерскаго монастыря (τῆς Περιστερῶν), пораженныя главною заразою, были приведены къ мощамъ Евстратія, помазали глаза масломъ изъ лампы и вернулись зрячими (§ 59). Трое сумасшедшихъ исцѣлилось у гроба святого (§ 60). Нѣкій хартуларій³⁾ былъ весь разбитъ параличемъ и не могъ двигаться; принесенный сюда, онъ въ теченіи 15 дней намазывался масломъ изъ лампы — и поправился (§ 61). Не въ состояніи исчислить всѣхъ чудесъ святого, агіографъ обращается къ своему предстателю съ такимъ молитвеннымъ воззваніемъ (§ 62): хотя я и недостойно побужденъ (παρωρμήθην) къ составленію рассказа о тебѣ, — будь милостивъ къ моей слабости; прими сіе бѣднѣйшее слово, какъ принесенное тебѣ отъ великаго и горячаго расположенія; помогай воспріявшему твою священную и честную скуфію (μάνδραν, § 63). — Преемникомъ Евстратія въ Агаврскомъ монастырѣ былъ можетъ быть родной братъ его Николай; вѣроятно онъ и поручилъ Вомскому монаху написать житіе Евстратія.

1) В. Истринъ. Откровеніе Меводія Патарскаго. М. 1897, стр. 136.

2) Наше Опис. рук. Имп. Общ. Люб. Др. Письм., III, 133.

3) τῆ τοῦ χαρτουλαρίου τετιμημένος παρὰ τοῦ βασιλεῦσι διακονία.

Наконецъ въ отдѣлѣ Олимпійской агиографіи можетъ быть также включено и житіе Антонія новаго. Біографія этого святого, не смотря на большое количество біографическихъ данныхъ, однако не можетъ быть съ точностью представлена. Если бы мы располагали только однимъ этимъ житіемъ мы еще могли бы успокоиться; но существуетъ отрывокъ изъ другого житія Антонія новаго, который довольно значительно отличается отъ нынѣ разсматриваемаго житія, и въ этомъ заключается вся трудность вопроса. *Parvum leve, plus molestius est.*

Мысль о тождествѣ обоихъ житій была высказана А. И. Пападопуло-Керамевсомъ, и дѣйствительно она въ высшей степени вѣроятна. Въ самомъ дѣлѣ Антоній разсматриваемаго здѣсь житія и Антоній отрывка, о которомъ мы будемъ говорить ниже, жили въ одно время, оба называются новыми (*νέος*) и оба подвизались приблизительно въ однихъ мѣстахъ; оба они были въ свое время (въ мірѣ) начальниками (*ἄρχων*), а послѣ бѣдняками; оба они имѣли отношеніе къ Павлу, епископу Прусіадскому или Плусіадскому; наконецъ оба они страдали отъ вшей въ своей одеждѣ. Отличіе между обоими Антоніями только то, что первый изъ нихъ подвизался на Олимпѣ, въ Пандимѣ и Крилѣ, а второй въ Кійскомъ монастырѣ, то есть въ той же Виоини. Чтобы отвѣтить на вопросъ, какое преданіе болѣе правдоподобно, у насъ нѣтъ другого критерія какъ разсмотрѣніе обоихъ житій со стороны ихъ происхожденія.

Агиографъ разсматриваемаго здѣсь житія кажется современнымъ авторомъ, жившимъ и писавшимъ вскорѣ послѣ кончины святого: вѣроятно, это былъ одинъ изъ иноковъ Крильскаго монастыря. Говоря о героѣ, онъ дважды называетъ его *μαχαρίτης* (§ 12), то есть «покойный», недавно скончавшійся; кромѣ того и самое заглавіе житія говоритъ объ *ὁ ὅσιος Ἀντώνιος*, но еще не объ *ὁ ἐν ἁγίοις πατὴρ ἡμῶν*, то-есть опять таки свидѣтельствуемъ, что Антоній еще не канонизованъ, что онъ только недавно сошелъ со сцены. Что же касается до житія въ отрывкѣ, оно представляетъ изъ себя только уже преданіе, хотя и современное, но неизвѣстно гдѣ записанное, въ которомъ фактическая сторона иногда грѣшитъ противъ истины.

Житіе Антонія новаго¹⁾ написано неизвѣстнымъ инокомъ по порученію вѣроятно игумена Крильскаго монастыря Климента (§ 1).

1) Ἀντώνιος ὁ μέγας ὁ τῆς ἐρήμου (Пападопуло-Керамевсъ въ «Прав. Палест. Сборникѣ», Спб. 1907, LVII (XIX, 3) стр. 186—216, ср. русск. переводъ В. В. Латышева тамъ же, стр. 209—243, по вѣнскому списку).

Покойный¹⁾ нашъ (καθ' ἡμᾶς) Антоній былъ родомъ палестинець (род. ок. 786 г.), сынъ Фотина (φωτεινός) и Ирины, изъ города Фосата (Φωσᾶτον), находящагося въ 18 миляхъ отъ святаго Иерусалимскаго Сіона (§ 2).—Прежде чѣмъ говорить о немъ, агіографъ сначала распространяется о дѣятельности разбойника Іоанна, имѣвшаго отношеніе къ Антонию.

«Былъ нѣкій разбойникъ въ горахъ Востока, христіанинъ по вѣрѣ, но тогда не думавшій о Христѣ; онъ по обыкновенію ежегодно мѣнялъ разбойническій нравъ и паломникомъ приходилъ въ Иерусалимъ для поклоненія его святынямъ. Въ бытность свою во св. Градѣ разбойникъ узналъ, что Сирійскій протосимвуль прибрѣлъ нѣкоего эііопа, безобразной наружности, необычайной силы, непобѣдимаго въ борьбѣ. Разбойникъ схватился съ эііопомъ и положилъ его на обѣ лопатки. «Если можешь, убей его безъ помощи оружія», сказалъ сироначальникъ, и разбойникъ ударомъ кулака сломалъ эііопу голову. Съ наградами и величайшими дарами онъ возвратился въ свой городъ и все роздалъ нуждающимся (§ 3).

Раздумывая о своемъ житѣ, разбойникъ говорилъ самъ въ себѣ: «доколѣ, смиренный Іоаннъ, будешь ты наслаждаться убійствами тебѣ подобныхъ?». Укрѣпившись въ мысли о перемѣнѣ жизни, Іоаннъ бросилъ награбленные имущества и деньги и удалился въ лавру св. Саввы Освященнаго, гдѣ принялъ монашескую схиму, поступилъ подъ начало одного прозорливѣйшаго старца и сдѣлалъ большіе успѣхи въ иноческихъ добродѣтеляхъ (§ 4). «Въ одно воскресеніе, когда всѣ отцы по обычаю поздно въ субботу пришли въ церковь и возсылали пѣснопѣніе Богу до утра, въ эту ночь въ лавру вошло шесть арабовъ. Обобравъ келлію Іоаннова старца, они ушли. Авва Іоаннъ, увидѣвъ разгромъ келліи, бросился за ними вдогонку, пятерыхъ изъ нихъ связалъ, а шестого положилъ подъ тяжелый камень. Іоанновъ старецъ, увидя связанныхъ разбойниковъ, воскликнулъ: «ты снова взялся за старое разбойничество? Возвратись скорѣе и сними камень съ шестого, дабы тебѣ не впасть въ преступленіе убійцы; оставь ихъ съ тѣмъ, что они взяли». Іоаннъ повиновался (§ 5). Онъ сталъ такъ воздерженъ въ пищѣ, что въ два и четыре дня принималъ одинъ хлѣбъ и немного воды, а иногда и цѣлую недѣлю пребывалъ безъ пищи; своею великою склонностью къ добродѣтели онъ превзошелъ всѣхъ саввинцевъ, чис-

1) μαχαρίτης неточно переведено: «блаженный».

ломъ шестьсотъ. Онъ всегда носилъ сиккомахій, прикрывавшій его тѣло (§ 6). Черезъ десять лѣтъ подвижничества въ лаврѣ онъ приобрѣлъ всеобщій почетъ и уваженіе. Избѣгая посѣщеній людей, онъ отпросился на житье въ горахъ, гдѣ прежде совершалъ убійства, и поселился на горѣ въ предѣлахъ города Фосата; но слава гналась за нимъ: сюда стали приносить недужныхъ для исцѣленія его молитвами (§ 7). Явился къ нему однажды слѣпой еврей, ученый и знающій догматы законовъ. Иоаннъ предложилъ ему слѣдующее: «если ты не прозришь въ теченіе сорока дней, я дѣлаюсь евреемъ; если же прозришь, да увѣруешь во Христа». Еврей съ радостью согласился. Дѣйствительно, прозрѣвъ на 40-й день, еврей привелъ къ Иоанну жену и домочадцевъ, и всѣ они были крещены однимъ, ближайшимъ, пресвитеромъ (§ 8).

Къ Иоанну очень часто приходили родители св. Антонія, очевидно жившіе не подалеку отъ него, и однажды просили святого принять сына ихъ Иоанна (мірское имя Антонія) себѣ въ услуженіе. Святой взялъ къ себѣ отрока Иоанна и однажды пророчески сказалъ ему: «знаешь, дитя, я говорю не въ угоду тебѣ: ты выйдешь изъ предѣловъ Сиріи, будешь жить въ Ромейской землѣ, послужишь міру достаточное время, будешь править народомъ и владѣть городами, поставишь трофеи надъ супротивными и послѣ сего откажешься отъ дѣлъ жизни, послужишь Христу въ монашескомъ житіи сорокъ лѣтъ и достигнешь мѣры совершенства превыше меня». Вскорѣ послѣ того Иоаннъ при паденіи ушибъ ногу и весьма опасно заболѣлъ. И вотъ въ одну ночь онъ видитъ во снѣ себя самого какъ бы поднятаго на воздухъ, безпредѣльный свѣтъ окрестъ мѣста созерцанія, двухъ мужей въ бѣлыхъ одеждахъ, держащихъ въ рукахъ золотой сосудъ, полный воды, и преславную жену, одѣтую въ багряныя одѣянія, которая, поднявъ руку, трижды возлила воду на голову его, а затѣмъ они отступили отъ него. Отрокъ выздоровѣлъ, головная и ножная боль прекратилась. Объ этомъ Антоній воспоминалъ и незадолго до смерти своей въ бесѣдѣ со своимъ ученикомъ Іаковомъ: «съ тѣхъ поръ и по настоящее время я не страдалъ головою, хотя подвергался многимъ и различнымъ жарамъ; и страданіе головою болью не приходило ко мнѣ» (§ 9).

По смерти Ирины, когда Фотинъ вступилъ во второй бракъ, Иоаннъ съ братомъ своимъ (Давидомъ), его женою Θεодулою и многими другими христіанами тайно бѣжали изъ тѣхъ мѣстъ и, пришедши въ область Кивирреотскую (τὸ θέμα τῶν κιβιραιωτῶν), поселились въ городѣ

Атталіи, при морѣ. Іоаннъ былъ юношею, когда прибылъ въ Ромейскую землю, уже за годъ достигнувъ возмужалости; онъ былъ высокъ ростомъ и обладалъ развитымъ умомъ, весьма правильно рассуждая въ практическихъ вопросахъ жизни. Черезъ годъ послѣ его поселенія въ Атталіи, прибылъ византійскій флотъ съ мѣстнымъ патрикіемъ (*μετὰ τοῦ ἐαυτῶν? πατρικίου*). Именитые люди города, среди которыхъ находился и Іоаннъ, вышли на встрѣчу начальнику. Послѣдній обратилъ вниманіе на рослаго Іоанна и послѣ непродолжительной бесѣды съ нимъ взялъ его въ число своихъ приближенныхъ (§ 10). Испытавъ его довольно долгое время (812—823 г.) и узнавъ его большія дарованія, трирархъ донесъ о немъ царю Михаилу, — какъ видно изъ дальнѣйшаго, Михаилу II (820—829). — Результатомъ этого послѣдовало назначеніе Іоанна намѣстникомъ (*ἐκ προσώπου*) Кивирреотской ѳемы. Въ санѣ стратига онъ издалъ постановленіе, что если найдется какой-либо блудникъ или женщина блудодѣйствующая, то такого схватывать и имущество его представлять въ преторіи; попадавшимъ онъ остригалъ волосы на головѣ и отпускалъ на посмѣяніе. Онъ любилъ монаховъ настолько, что за его трапезою никогда не отсутствовалъ монахъ. Желая внушить какъ можно болѣе страха людямъ безпорядочнымъ и злоумышленнымъ, онъ хотя по челоуѣколюбію и воздерживался отъ бичеванія, но ежегодно одного наиболѣе виновнаго жестоко наказывалъ воловьими жилами, почти лишалъ жизни — для устрашенія, какъ сказано, остальныхъ (§ 11). Мужественный воитель и дивный совѣтникъ, Іоаннъ «прилѣпившихся въ то время къ отступнику и бродягѣ Ѳомѣ и возмутившихъ (можно сказать) всю вселенную не только не принялъ въ дружественное общеніе, но и преслѣдовалъ военною силою и нападающихъ уничтожилъ и заставилъ исчезнуть». — Нашествіе Ѳомы на Константинополь въ 823 г. было со стороны моря. Отъ Антиохіи онъ плылъ во главѣ флота, вѣроятно останавливался въ Атталіи, гдѣ Іоанну и приходилось имѣть съ нимъ дѣло. — Святой отличался и аскетизмомъ: въ теченіе всей великой четыредесятницы онъ не вкушалъ ни хлѣба, ни вина, ни чего либо другаго изъ съѣстнаго, кромѣ руріа (*ρουρίν*), напитка, котораго выпивалъ ежедневно по чашѣ. Благочестивый градоправитель, Іоаннъ имѣлъ натѣльный крестъ. Передавъ его на храненіе своей сестрѣ — инокинѣ, онъ сказалъ: «когда я возьму его, я сдѣлаюсь монахомъ» (§ 12). Когда Ѳома за его злодѣянія былъ наказанъ и усмирилась наша вселенная, Іоаннъ (въ 823 г.) поѣхалъ въ Константинополь къ имп. Михаилу. О себѣ онъ велѣлъ своей свитѣ

разсказывать какъ объ извѣстнѣйшемъ врачѣ. У одного богатаго, бездѣтнаго человѣка, у котораго онъ дорогою остановился, онъ спросилъ: «у васъ нѣтъ дитяти?»—нѣтъ, отвѣтилъ хозяинъ, вотъ я 25 лѣтъ живу съ женою, но по грѣхамъ нашимъ не имѣемъ плода чрева.— А что вы дадите мнѣ, если получите дитя?—Треть моего состоянія.— Нѣтъ, возразилъ начальникъ, но «выкорми мнѣ заботливо десятокъ военныхъ коней». Когда послѣдовало согласіе домохозяина, Іоаннъ велѣлъ принести пергаментъ; но такъ какъ его не нашлось, онъ велѣлъ принести Евангеліе, и взявъ отъ послѣднихъ листовъ, разрѣзалъ и сшилъ полосу, которая могла бы опоясать имѣющаго носить ее. Затѣмъ онъ написалъ на ней молитву съ именами праведниковъ Ветхаго и Новаго Завѣта, съ моленіемъ Богородицѣ, велѣлъ мужу и женѣ вымыться и вымыть постели, затѣмъ велѣлъ женѣ опоясаться этимъ поясомъ и такимъ образомъ спать на постели мужа. Исполнивъ все это, жена зачала и родила сына: радость въ домѣ была необычайная (§ 13). Намѣстникъ Іоаннъ пробылъ въ Константинополѣ десять мѣсяцевъ (823—824); отпущенный императоромъ, онъ спѣшилъ въ Атталію. Бывшій хозяинъ его, обрадованный рожденіемъ сына, заклиналъ Іоанна посѣтить его—посмотрѣть на своего сына и получить обѣщанные дары; но начальникъ, объяснивъ, что торопится, не заглянулъ къ нему, попросивъ только цѣну десяти коней раздать бѣднымъ; «если не сдѣлаете этого, прибавилъ онъ, то знайте, что окончите жизнь бездѣтными» (§ 14).

Три слѣпца около Атталіи услышали голосъ, говорящій къ нимъ: «отправившись къ начальнику Ехиму (ὁ ἄρχων "Εχμος), скажите ему то и то». Это говорилъ мужъ въ бѣлыхъ одеждахъ. Слепцы отправились къ Іоанну. Послѣдній велѣлъ дать имъ 10 мѣръ хлѣба и отпустить ихъ. Они не уходили, желая лично сказать начальнику. Послѣдній, не принявъ ихъ, велѣлъ дать имъ 40 мѣръ. Но когда слѣпцы заявили, что они ничего не ищутъ, а пришли передать начальнику то, что имъ открылъ Господь,—Іоаннъ принялъ ихъ и услышалъ, что голосъ мужа говорилъ о томъ, что черезъ 40 дней придетъ на Атталію гнѣвъ (Господень); «итакъ прикажи всѣмъ находящимся подъ твоею властію епископамъ, пресвитерамъ, инокамъ и инокинямъ и всему народу по средамъ и пятницамъ поститься до вечера и творить молитвы къ Богу; и самъ ты потрудишься съ ними, не отведеть ли Господь идущую на васъ грозу» (§ 15). Не смотря на то, что нѣкоторые говорили объ этомъ какъ о старушечьихъ розсказняхъ (ὑβροὶ γράων), Іоаннъ призывалъ

епископовъ и народъ къ молитвамъ, и самъ, надѣвъ вретиче и принявъ образъ жизни четырехдесятицы, молился Богу за вѣреннѣйшему ему городу (§ 16). На сороковой день показался на морѣ, какъ бы идущая по морю густая туча, сарацинскій флотъ. Иоаннъ велѣлъ всѣмъ подняться со щитами на стѣну, не только мужчинамъ, но и молодымъ женщинамъ, переодѣтымъ въ мужское платье, чтобы врагамъ показалось многолюдство; пришелъ во вретичѣ и самъ Иоаннъ и занялъ первое мѣсто, ближе всего къ агарянамъ. Враги, приплывъ на трирахахъ ближе къ землѣ, высадились изъ нихъ, имѣя 60 тяжело-вооруженныхъ всадниковъ и нелегко исчислимое количество пѣшихъ воиновъ. Начальникъ флота, не зная Иоанна, спросилъ: «гдѣ вашъ начальникъ Ехимъ? я хочу прежде всего переговорить съ нимъ». Иоаннъ отвѣтилъ: «я пойду, возвѣщу ему» (§ 17). Одѣвшись въ свою официальную форму, съ драгоценной тиарой на головѣ и съ тростью въ рукѣ, Иоаннъ по сирійски спросилъ о причинѣ появленія сарацинъ на этотъ маленькій городокъ и бѣдный народъ. Начальникъ флота отвѣтилъ: «вы сами вынуждаете насъ дѣлать это, высылая разбойниковъ и грабя все сирійское побережье». Иоаннъ на это сказалъ: «Ромейскій царь повелѣваетъ своимъ начальствующимъ лицамъ, если чего хочеть, и это исполняется; онъ высылаетъ флоты и вооружаетъ войско на войну съ противниками его власти, хотимъ ли мы, или не хотимъ. А я тебѣ говорю то, что если ты пожелаешь обидѣть этотъ бѣдный городъ и намъ, гостящимъ въ немъ, повредить въ чемъ-нибудь, то вотъ Богъ нашъ, все видящій и могущій, который не позволитъ тебѣ больше увидѣть Сирію». Варваръ, напуганный этимъ, остановилъ свое войско около городского вала; обмѣнявшись заложниками, враги удалились оттуда (§ 18). — Если подъ начальникомъ сарацинскаго флота разумѣть Абу-Хафса (Ἀπόχαψις), то эта экспедиція относится къ 824 году (Muralt, 410). Абу-Хафсъ могъ пощадить Атталію, но онъ опустошилъ о. Критъ, причемъ мученически пострадалъ св. Кириллъ, еп. Гортинскій.

Забывъ о пророчествѣ богоноснаго Иоанна (бывшаго прежде разбойникомъ), начальникъ Иоаннъ задумалъ жениться, заготовлялъ все нужное для брачнаго торжества и взялъ у своей сестры натѣльный крестъ (§ 19). Св. Иоаннъ (разбойникъ), прозрѣвъ грядущее событіе, съ Палестинской горы, гдѣ онъ жилъ, написалъ письмо начальнику Иоанну и отправилъ его съ письмоношцемъ въ Атталію. Палестинскій аскетъ напоминалъ ему о забытіи его словъ о монаше-

ствѣ и грозилъ ему скорою смертію (§ 20). Іоаннъ заплакалъ и, обдумывая истину словъ аскета, вдругъ круто перемѣнился: сердце его освободилось отъ плотской похоти, и онъ рѣшился послѣдовать иноческому житію. Онъ предлагалъ письмоноспу денегъ для раздачи нищенствующимъ христіанамъ на Востокѣ, но инокъ сказалъ: «я имѣю заповѣдь отъ старца ничего не брать отъ тебя, кромѣ хлѣба въ одну мѣру и одного сосуда вина». Получивъ это, онъ былъ посаженъ Іоанномъ на корабль и отправленъ въ обратный путь (§ 21). Послѣ этого Іоаннъ велѣлъ своему вѣрному слугѣ Θεодору, завѣдывавшему столомъ его, приготовить роскошный столъ изъ лучшихъ кушаній для именитыхъ гражданъ и испросить ночной аудіенціи у св. Евстратія столпника. Гости упивались первосортнымъ виномъ, а его напитокъ состоялъ изъ хорошо разбавленнаго варенаго лука и подавался ему въ стеклянномъ багряномъ кубкѣ, чтобы никто изъ сотрапезниковъ не узналъ такой хитрости. Гости на второй стражѣ ночи такъ упились, что уже не нуждались въ ложахъ для упокоенія, но заснули тутъ же на мѣстѣ. Іоаннъ съ Θεодоромъ ночью явились къ Евстратію и, поднявшись къ нему на столпъ, выслушали отъ него слова оглашенія (Евстратій былъ рукоположенъ въ Іерусалимѣ во пресвитера) и были пострижены, причемъ Іоаннъ получилъ имя Антонія, а Θεодоръ — Саввы; послѣ этого они спустились въ келлію подъ столпомъ (§ 22). — Можно думать, что Іоаннъ оставилъ стратигатъ въ 825 году; преемникомъ его былъ Кратеръ.

Гости, проснувшіеся утромъ и узнавшіе въ чемъ дѣло, явились ко столпу Евстратія и наговорили много оскорбительныхъ словъ по адресу святого старца, а Іоанна одни называли злоумышленникомъ царства, другіе разрушителемъ и измѣнникомъ страны. Родной братъ Антонія особенно возмущенъ былъ Евстратіемъ и велѣлъ толпѣ лопатами низвергнуть на землю столпъ. Съ большимъ трудомъ Антоній успокоилъ волненіе (§ 23). Императоръ (Михаилъ II), узнавъ объ измѣнѣ стратига Іоанна, высылаетъ патрикія съ флотомъ повѣситъ навлекшаго на себя вину дезертирства и убить его, задушивъ дымомъ мякины. Посланный, придя въ городъ Силейскій (πόλις τῶν Σιλαιωτῶν) и разсматривая дѣла управленія, увидѣлъ во снѣ двухъ мужей въ бѣлыхъ одеждахъ, въ великой славѣ, которые повелѣвали не чинить зла рабу Христову, иначе грозили ни ему, ни его войску не увидѣть столицы. Начальникъ посѣтилъ Антонія, сошелъ съ колесницы и поклонился ему до земли, прося молитвы и благословенія. Антоній очень

учтиво далъ объясненія (своего ухода изъ міра), и посланецъ съ радостію отправился въ свой путь (§ 24).—Для наказанія стратига для чего понадобилось посылать цѣлый флотъ, неизвѣстно; далѣе совершенно непонятно, какъ это начальникъ флота вмѣсто того, чтобы прибыть въ Атталію, прибылъ въ Силей, городъ внутренней Памфиліи? Но что обычный путь изъ Византіи въ Атталію былъ морской, не подлежитъ сомнѣнію. Возможно, что посланецъ на двухъ-трехъ судахъ и прибылъ сначала въ Атталію, но такъ какъ Іоаннъ могъ быть въ это время въ Силеѣ, то онъ и отправился сухимъ путемъ въ этотъ городъ.— Въ виду того, что братъ Савва былъ неграмотный, Антоній обратился къ св. Евстратію съ просьбою помолиться о ниспосланіи ему дарованія; Евстратій въ свою очередь просилъ о томъ же Антонія. Результатомъ ихъ молитвъ было изученіе Саввою псалтыри въ три дня, безъ помощи переписки ея на дщицѣ. Пробывъ довольное время вмѣстѣ со столпникомъ, Антоній, убѣгая отъ сродниковъ и начальниковъ, отпросился у Евстратія постранствовать вмѣстѣ съ Саввою; въ дорогу онъ взялъ только власяницу, которую носилъ, и четыре монеты (*νομισματα*, § 25). Необутыми они прибыли въ Аморій, гдѣ имъ приходилось бѣдствовать; ослабѣвъ, они не могли продолжать путь. Но вотъ получивъ милостыню въ двѣ номисмы, они могли нанять ослика до Пилъ (*Πύλαι*, § 26).—Если подъ Пилами разумѣется мѣстность въ Киликійскихъ горахъ Тавра, то Антоній, какъ видно, блуждалъ: изъ Атталіи онъ прибылъ во Фригію (Аморій), затѣмъ въ Киликію (Пилы), въ проходъ въ горахъ Тавра; но если *Πύλαι* было мѣстечко гдѣ-нибудь въ Епиктитѣ, то Іоаннъ шелъ съ опредѣленною цѣлью быть ближе къ столицѣ.— Прибывъ далѣе въ Никею, Антоній велѣлъ слугѣ вернуться обратно, а самъ поселился въ затворѣ, по пяти дней не принимая пищи и никого не видя. Проведя въ такомъ подвигѣ девять мѣсяцевъ (825—826 г.), Антоній вышелъ изъ келліи, отпустилъ Савву, куда глаза глядятъ, а самъ поднялся на Олимпійскую гору въ Агаврскій монастырь. Но такъ какъ здѣсь разѣзжали вожди иконоборческой ереси, ему посовѣтовали идти въ монастырь Евнуховъ. Проводникъ за плату привелъ его близко къ монастырю, но не могъ найти входа въ него (§ 27). Въ дальнѣйшемъ пути Антонію попалась часовня во имя св. Георгія, гдѣ ему тамошній земледѣлецъ и указалъ путь въ монастырь Евнуховъ: надо было идти по тропинкѣ, которая вела къ Пандиму (*Πάνδημος*). У Евнуховъ Антоній нашелъ радушный пріемъ: здѣсь уже знали о его подвижнической жизни. Иноки поста-

вили ему келлію въ пяти стадіяхъ отъ монастыря; здѣсь Антоній (съ 826 г.) жилъ долгое время въ обществѣ отшельника св. Іакова, бывшаго Анхіальскаго епископа временъ патр. Тарасія, который и поучалъ Антонія правиламъ отшельничества (§ 28).—Не смотря на то, что житіе Антонія новаго сохранилось въ единственномъ вѣнскомъ спискѣ, изданномъ только въ 1907 г., Lequien (II, 1191) въ XVII в. однако читалъ его, потому что упоминаетъ епископа Анхіальскаго Іакова, приводя выписку изъ упомянутой рукописи.—Однажды, когда во власяницѣ Антонія завелось много вшей, онъ снялъ ее и повѣсилъ на солнцѣ, а самъ сидѣлъ около нея совершенно нагимъ. Увидѣвъ женщину съ распущенными волосами, очень красивую, онъ всталъ и вошелъ въ свою келлію. Великій Іаковъ объяснилъ ему, что то была не женщина, но бѣсовское навожденіе. Въ другой разъ ночью постучались къ нему и попросили дать зажженный свѣтильникъ. Антоній, думая, что просить одинъ изъ братіи, взялся за свѣтильникъ съ намѣреніемъ зажечь его, но вмѣсто воска онъ ощутилъ пометъ, изъ чего заключилъ, что явился ему злой духъ (§ 29). Однажды зимою, когда онъ неподвижно стоялъ всю ночь за молитвою, ноги его примерзли къ землѣ; силою сдвинувшись съ мѣста, онъ потерялъ подошвы ногъ своихъ и очень страдалъ. Онъ хотѣлъ уже уйти отсюда за недостаткомъ здѣсь воды, но Іаковъ велѣлъ ему молиться для полученія воды. Антоній молился всю ночь, а утромъ ударивъ киркою по скалѣ, источилъ прозрачнѣйшую и весьма хорошую воду (§ 30).

По смерти имп. Михаила, когда вступилъ на престолъ Теофилъ (829 г.), принимавшіе участіе въ возстаніи Оомы явились къ новому царю съ жалобою на бывшаго намѣстника Кивирреотской оемы Іоанна, какъ обиженные имъ и лишенные своихъ денегъ и имѣній. Теофилъ распорядился возмѣститъ имъ якобы причиненные убытки. Вслѣдствіе этого Давидъ, братъ Іоанна, долженъ былъ (ок. 829 г.) прибыть въ Константинополь и просить отсрочки впредь до отысканія своего брата. Теофилъ согласился. Давидъ прибылъ въ Пандимъ и докладываетъ о себѣ аввѣ Антонію. Послѣдній сказалъ, что какъ родственника своего онъ его не приметъ, но какъ просителя ради спѣшной нужды онъ согласенъ его принять. Узнавъ, что братъ его приговоренъ къ уплатѣ денегъ неправедно, Антоній съ Давидомъ отправились въ столицу. Святой сказалъ царю: «я, владыко, въ тотъ день отдалъ ихъ (повстанцевъ) подъ судъ и взялъ имущество, какъ враговъ царства твоего отца и противниковъ христіанъ, и имѣнія ихъ взявши, отдалъ

оруженосцамъ вашего владычества. Итакъ, если оказывается, что я въ этомъ распорядился худо, то мудрость вашей державы разсудить объ этомъ» (§ 31). Теофилъ передалъ Антонія своему чиновнику Стефану, завѣдывавшему прошеніями, а этотъ заключилъ его подъ стражу. Черезъ нѣсколько дней Стефанъ подсылаетъ къ нему человѣка съ намѣреніемъ взять съ него взятку.—Это безъ сомнѣнія предвзятость агіографа: Стефанъ просилъ съ него штрафъ, наложенный на него императоромъ, какъ и видно изъ дальнѣйшаго.—Святой общалъ ему, но по прошествіи пяти мѣсяцевъ ничего ему не далъ. Стефанъ посадилъ Антонія на самага сквернаго осла и для посмѣшища провелъ его отъ преторія до своего дома. Здѣсь онъ грозилъ убить Антонія плетями, если онъ не уплатитъ количество золота, опредѣленное царемъ. Антоній сослался на свою нищету. Стефанъ велѣлъ бить его бичами, но палачъ отказался бить раба Божія, говоря, что лучше онъ самъ подвергнется побоямъ до смерти. Стефанъ самъ далъ Антонію 50 ударовъ воловьими жилами, забилъ ноги его въ колодки и заперъ въ небольшую комнату до слѣдующаго дня (§ 32). Жена Стефанова умоляла мужа не дѣлать зла праведнику. Когда святой ночью молился, узы спали съ ногъ его; онъ снова надѣлъ ихъ, и они снова спали. Утромъ онъ опять надѣлъ ихъ и на этотъ разъ они были такъ крѣпки, что мучителямъ пришлось разбить ихъ. Стефанъ привелъ Антонія къ императору, и Теофилъ, не спросивъ даже, за что онъ былъ задержанъ, велѣлъ освободить Антонія, сказавъ: «уйди, авва, на мѣсто твое, ничего не боясь, и молись за насъ». Не прошло и двухъ недѣль послѣ того, какъ Теофилъ, разгнѣвавшись на Стефана, истязалъ его, остригъ и со всѣмъ домомъ выслалъ изъ города, а имущество его передалъ въ казну (§ 33).—Все это могло случиться около 830 года.

Пока Антоній жилъ въ столицѣ, слава о немъ проникла по всему городу, отъ простаго народа до вельможъ и властей. У одного изъ вельможъ и друзей Антонія умерла дочь-дѣвочка. Изъ сиротскаго дома (орфанотрофія) были приглашены пѣвцы и подвижницы на погребеніе ея; пришелъ также и Антоній. Родители покойницы умоляли его воскресить дочь ихъ. Антоній, выславъ всѣхъ вонъ изъ комнаты, трижды перекрестилъ ея грудь, и она пришла въ себя и сѣла. Собственноручно накормивъ ее, онъ возвратилъ дочь родителямъ, прося никому не разсказывать объ этомъ. А самъ онъ, покинувъ столицу, прибылъ въ Пандимъ въ общество равноангельскаго отца, епископа Іакова (§ 34). Птицы и звѣри получали пищу прямо изъ

его рукъ, напр. лисица, воробей, котораго онъ кормилъ орѣхами и котораго прогонялъ; но Іаковъ не совѣтовалъ ему прогонять даже и воробья (§ 35). Св. епископъ Іаковъ прожилъ 120 лѣтъ. Предувѣдѣвъ свою кончину, онъ сказалъ Антонію: уйди въ келлію твою и завтра наскоро сдѣлай мнѣ похлебку и принеси. Когда на другой день Антоній явился къ нему съ похлебкою, святой уже умеръ (ок. 860 г.). Съ плачемъ Антоній сообщилъ объ этомъ братіи (§ 36). «Кураторъ царицы Прокопіи, взявъ военный отрядъ, взошелъ на гору взять святыя останки и отнести ихъ своей повелительницѣ для достойнѣйшаго погребенія; ибо блаженная Прокопія издавна служила святому старцу и пользовалась его боговдохновеннымъ предстательствомъ». Но Антоній сообщилъ куратору, что самъ Іаковъ «обязалъ насъ, чтобы мы погребли его въ монастырѣ на этой горѣ, и намъ не подобаетъ не исполнить заповѣди его». Такимъ образомъ св. Іаковъ былъ положенъ во святомъ монастырѣ Евнуховъ (§ 37).—Подъ царицею Прокопіею несомнѣнно разумѣется дочь имп. Никифора Геника, бывшая замужемъ за куропалатомъ Михайломъ Рангаве, съ 811 г. императоромъ; когда Михайлъ въ 813 г. принужденъ былъ отречься отъ престола, царица Прокопія всячески старалась помѣшать ему въ этомъ; однако помѣшать ей не удалось и она съ мужемъ были помѣщены въ монастыряхъ. Оказывается теперь, что она жила довольно долго и еще застала царствованіе имп. Михаила III. По словамъ Антонія, Іаковъ достигъ до такой степени безстрастія и благодати, что если не хотѣлъ, не былъ видимъ бывшими съ нимъ, причемъ сослался на случай, бывший съ нимъ. «А ты не можешь сдѣлать сего? говорилъ покойный Антонію; истинно, если ты еще не достигъ сего, то не сдѣлался совершеннымъ монахомъ» (§ 38). Послѣ смерти Іакова Антоній покинулъ Пандимъ и переселился въ Криль (ὁ Κρίλης), гдѣ подвизался въ часовнѣ св. Пантелеймона, всего менѣе заботясь о пищѣ (§ 39). Ученикъ его Савва, возвратившись и нашедши его послѣ долгаго времени, снова остался съ нимъ. Неизвѣстные мѣстнымъ жителямъ, оба они устроили себѣ небольшую печь и сами пекли себѣ хлѣбъ. Однажды дождемъ размыло печь, она свалилась и недопеченные хлѣбы свалились въ грязь. Антоній высушилъ ихъ на солнцѣ и сталъ ими питаться въ толченомъ видѣ (ῥουφίον, § 40). «Воспѣваемый Павелъ, бывший епископъ Плуциадскій, услышавъ, что въ убѣжищѣ св. Пантелеймона пребываетъ нѣкій великій отшельникъ, пожелалъ свидѣться съ нимъ, ибо и самъ онъ былъ сподвижникъ и соизгнанникъ иконопочитателей; покинувъ

свою епископію, онъ въ то время самъ по себѣ жилъ въ уединеніи въ тѣхъ мѣстахъ». Увидѣвъ Антонія въ рубищѣ и совершенной нищетѣ, Павелъ подумалъ, что онъ—одинъ изъ нищихъ, и велѣлъ Антонію и Саввѣ ежедневно приходить и участвовать въ его трапезѣ. А Савва въ отчаяніи отъ трудностей ихъ образа жизни уже помышлялъ было о бѣгствѣ (§ 41). Ежегодно Павелъ 29 іюня, въ день памяти свв. Петра и Павла, совершалъ память и угощалъ приглашенныхъ лицъ завтракомъ. Приглашенный Антоній однако не пошелъ на завтракъ, избѣгая вреда отъ пресыщенія, а удалился въ пустыню около Потаміи (Ποταμιά). Но дорогой онъ былъ напуганъ страшнымъ дракономъ и вернувшись сообщилъ Павлу, что напуганъ былъ за ослушаніе его святости (§ 42). Въ другой разъ, во время трапезы Павелъ садилъ Антонія какъ нишаго на послѣднее мѣсто. Но вотъ однажды святому пришлось сидѣть рядомъ съ міряниномъ, уроженцемъ Силея (συλαιώτης); послѣдній узналъ своего бывшего начальника Іоанна и сообщилъ Павлу, что это за человѣкъ Антоній (§ 43). «Такъ угодивъ Богу, сей воспѣваемый и новый Антоній переселился съ духовнымъ сыномъ своимъ Петроною въ вѣчныя обители въ третій день до ноябрьскихъ идъ (то-есть 11 ноября), сорокъ лѣтъ пробывъ монахомъ и въ теченіи столькихъ лѣтъ въ схимѣ прославивъ Господа, 23 года пробывъ внѣ царствующаго града вышесказаннымъ образомъ, а 17 лѣтъ проживши въ градѣ» (ἐν τῷ ἄστει, 44).

Стало бытъ Антоній скончался 80 лѣтъ отъ рода. При опредѣленіи біографическихъ датъ точкою отправленія будетъ служить годъ принятія Антоніемъ монашества. Іоаннъ принялъ иночество послѣ гибели Θомы (823 г.), но еще при жизни царя Михаила II (до 829 г.), въ среднемъ около 826 года. Какъ прожившій въ монашествѣ 40 лѣтъ, онъ скончался около 866 года; какъ прожившій всего 80 лѣтъ, онъ родился около 786 года; какъ покинувшій родину въ возрастѣ юноши (около 25 лѣтъ), онъ прибылъ въ Атталію около 811 года; съ прибытіемъ сюда въ 812 г. византійскаго флота Іоаннъ знакомится съ адмираломъ, по представленію котораго черезъ 11 лѣтъ былъ назначенъ императоромъ на постъ стратига Кивирреотской ѳемы—въ 823 году; онъ отказался отъ стратигата въ 825 году, не позже, ибо въ 826 г. здѣсь былъ стратигомъ уже Кратеръ; въ теченіе 825—826 гг. инокъ Антоній путешествовалъ и жилъ въ Аморіи, Пилахъ и Никеѣ; въ 826—843 годахъ онъ жилъ въ Константинополѣ; въ 843—866 годахъ подвизался въ Пандимѣ и Крилѣ;

скончался 11 ноября 866 года. Что этотъ расчетъ правильный, явствуетъ изъ третьей даты § 44-го. Какъ понимать 23-хлѣтнее пребываніе святого въ провинціи? Конечно въ этотъ счетъ не входятъ года его мірской жизни и дѣятельности; агиографъ очевидно считаетъ тутъ года, проведенные святымъ въ пустынѣ по возвращеніи изъ столицы; и дѣйствительно $843 + 23 = 866$, что какъ разъ совпадаетъ съ годомъ кончины Антонія.

Фрагментарное житіе Антонія Новаго, любопытное нѣкоторыми подробностями изъ монастырскаго быта первой половины IX столѣтія, въ полномъ видѣ не сохранилось до настоящаго времени. Богатое примѣрами иноческаго послушанія, оно въ извлеченіи вошло въ сборникъ инока и (строителя) Константинопольскаго Богородицина Еввергидскаго монастыря конца IX вѣка подъ названіемъ *Συναγωγή ῥημάτων*. Эта часть житія и сохранилась¹⁾. Антоній состоялъ въ должности правителя (*ἄρχων*), затѣмъ долгое время проводилъ иноческую жизнь въ уединеніи; но наведенный на мысль текстомъ Іоанна Лѣствичника, онъ покинулъ пустыню²⁾ и поступилъ въ знаменитую киновію (*κοινοβιακὸν στάδιον*) въ виоинскомъ г. Кіѣ. Сначала онъ здѣсь проживалъ въ гостинницѣ на ряду съ бѣдвяками, но не желая ѣсть хлѣба даромъ, сталъ ходить на сосѣдную гору и на своихъ плечахъ носить къ монастырскимъ воротамъ ноши хворосту (*φρυγάνων*). Гостинникъ замѣтилъ ему, что монастырь не нуждается въ его услугахъ, что пришельцы вкушаютъ «любовь» (*ἀγάπην*) даромъ; но Антоній на это возразилъ, что онъ не можетъ сидѣть безъ дѣла, что, работая, онъ отдыхаетъ. Тогда гостинникъ доложилъ объ этомъ игумену; *ἦν δὲ οὗτος, Ἰγνάτιος ὁ αἰοίδιμος, ὁ καὶ τὸ μοναστήριον ἰδίαις (οἰκείαις) κόποις ἐν κυρίῳ δειμάμενος*. Игнатій, призвавъ его, узналъ, кто онъ былъ, и зная о высотѣ его жизни, тѣмъ не менѣе сказалъ: ты не можешь быть въ подчиненіи, проживъ столько лѣтъ для себя и для Бога. Однако, видя его желаніе стать инокомъ, игумень включилъ его въ свой монастырь и поручилъ ему одну изъ трудныхъ обязанностей. Антоній, проработавъ нѣсколько времени, явился къ Игнатію и сказалъ,

1) *Συναγωγή τῶν θεοφθόγγων ῥημάτων καὶ διδασκαλιῶν τῶν θεοφόρων καὶ ἁγίων πατέρων, παρὰ Παύλου τοῦ εὐεργετινοῦ, ἐξεδ. ὑπὸ Κ. Α. υἱῶν Ω. Φωκαέως. Κπολις 1861, I. 116—118. Текстъ этого житія сличенъ нами по cod. Athon. Dionys. № 259, XVII в. л. 48 об.—88. Настоящій отрывокъ изъ житія сохранился въ славянскомъ переводѣ (рук. Спб. Духовной Академіи); не оно ли въ Скитскомъ патерикѣ Буслаева (Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1894 г. Спб. 1897 стр. 204, л. 145 об.—150)?*

2) *τὸν ἀναχωρητικὸν (ἐρημικὸν) βίον.*

что работа для него слишкомъ легка. Тогда игумень велѣлъ ему служить при первомъ работникѣ при подрѣзаніи яблонь. Съ непривычки онъ отбилъ себѣ пальцы, сначала было тяготился работою, но потомъ привыкъ и работалъ усердно, а когда поспѣли яблоки, онъ завѣдывалъ и храненіемъ ихъ. Однажды нѣсколько иноковъ пожелало взять винограду, Антоній не возбранилъ имъ, но прибавилъ, что онъ долженъ будетъ сказать объ этомъ игумену (*κάκεινος γὰρ καθ' ἐκάστην μετὰ τῶν λοιπῶν τοὺς λογισμοὺς αὐτοῦ τῷ προεστῶτι ἐξήγγειλε*), — и братія не посмѣла ѣсть винограда. Вылавливая вшей изъ своей одежды, онъ углублялся въ прошлое, сравнивалъ свою жизнь въ пустынѣ и здѣсь, но среди грустныхъ размышленій былъ ободренъ однимъ духовнымъ старцемъ. Послѣ сбора плодовъ онъ назначенъ былъ служить въ трапезной (*τραπεζαρεῖον*) и работалъ здѣсь до третьяго часа ночи, принимая и служа входящимъ и уходящимъ, которые часто относились къ нему скондачка. Среди долговременной службы одежда и обувь его изнасились; а обувь онъ сталъ носить по совѣту блаженнаго епископа Павла, тогда какъ до времени своей аскезы онъ ходилъ всегда босымъ. Настала зима; Антоній сталъ зябнуть; но игумень Игнатій не далъ ему одежды и обуви «для пользы не выносящихъ труда» (*τῶν ἀφεραπέδων*), и хотя ноги Антонія не трескались отъ соприкосновенія съ мраморомъ, однако онъ холодѣлъ постепенно; а братія, глядя на игумена, презрительно бросала ему то овчину, то калишки (*καλύγια, καλλίγια*), которыхъ бы не взялъ и разбойникъ (*πύκτης*); но Антоній утѣшался мыслию, что Игнатій не оставляетъ заботиться о немъ. Весною Антоній однако не выдержалъ и сказалъ игумену: если монастырь не въ состояніи дать мнѣ нужнаго, то окажи помощь мнѣ черезъ своихъ друзей. Игнатій отвѣтилъ, что монастырь питаетъ даже окрестности, можетъ содержать и Антонія, что это испытаніе, которое онъ выносилъ прежде, но теперь не можетъ. Антоній устыдился своей слабости и ежедневно оплакивалъ свой поступокъ. Игнатій разрѣшилъ ему постъ и подвиги въ объемѣ, какъ онъ желаетъ; Антоній, предавшись подвижничеству, пересталъ ложиться на постель, но засыпалъ не на долго, откинувшись на рукодѣльномъ (*χτιστοῦ, μικροῦ!*) сидѣньи и за часъ до удара въ било былъ уже на ногахъ съ молитвою на устахъ. Когда наконецъ игумень и братія нашли его преуспѣвшимъ въ добродѣтели, тогда земледѣлатели вручили ему топоръ (или молотъ, *μάκελλα*) для рубки вѣтвей. Однажды ночью Антоній увидѣлъ во снѣ пѣкоего знатнаго мужа въ колесницѣ,

лѣвая шина (πλάτυγξ) которой влекла его грѣхи молодости, а правая— молотъ трудовъ его для Бога, который разрушилъ его ошибки; и мужъ сказалъ Антонію: Богъ, принявъ труды твои, простилъ твои согрѣшенія. И Игнатій долженъ былъ сознаться, что братія его никогда бы не сдѣлалась лучше, если бы не имѣла примѣра въ великомъ послушаніи Антонія. Онъ далъ ему одежду, обувь и все нужное, спрятавъ предварительно ихъ въ его постели.—Въ заглавіи этого отрывка Антоній Новый названъ *ὁ ἐπὶ τῶν εἰκονομάχων*. Сопоставляя съ этимъ въ связь имена Павла и Игнатія, мы можемъ съ нѣкоторымъ основаніемъ предположить, что подъ Кійскимъ, повидимому, епископомъ разумѣется Павелъ еп. Прусіадскій, а подъ строителемъ Кійскаго монастыря— будущій патріархъ Игнатій. Послѣдній родился въ 798 г., патріархомъ поставленъ въ 846 году; нѣсколько лѣтъ передъ этимъ (около 840—846 г.) онъ стало быть могъ управлять Кійскимъ монастыремъ; въ это время, заставши еще иконоборческое время, и жилъ здѣсь Антоній¹⁾. Что касается до Павла, то онъ какъ еп. Прусіадскій, смѣщенъ былъ съ кафедры и сосланъ; можно поэтому допустить, что ранѣе того онъ былъ въ той же виѳинской епархіи епископомъ Кія, или одновременно управлялъ паствою двухъ городовъ. Въ житіи онъ названъ *μαχαρίτης* (не *μακάριος*), то-есть покойнымъ, недавно скончавшимся²⁾; такъ какъ вообще можно допустить, что Павелъ умеръ до 870 года, то житіе Антонія могло появиться въ 870-хъ годахъ. «Знаменитый» Кійскій общежительный монастырь (киновія), какъ теперь оказывается, построенъ былъ и управлялся въ 840-хъ годахъ игуменомъ Игнатіемъ, будущимъ патріархомъ. Это было каменное зданіе съ мраморными полами. При немъ были виноградники и яблоневые сады. Монастырская гостинница для бѣдныхъ богомольцевъ, а равно и всѣ окрестности снабжались провизіею и всѣмъ необходимымъ изъ этой обители. Уставъ монастыря былъ очень строгій, и не легко было попасть въ число иноковъ при строителѣ. Вновь поступающій монахъ имѣлъ надъ собою духовнаго старца и вся братія безъ исключенія должна была ежедневно исповѣдываться игумену во всѣхъ своихъ помыслахъ. Страннымъ кажется, что въ трапезной вкушали пищу повидимому не всѣ за разъ, а происходило нѣсколько смѣнъ,

1) Ср. «Визант. Времен.», II. 462.

2) Ср. Cinnamus, ed. Bonn. 1836, praefat. p. XXVI: solent graeci viros potissimum illustres, qui haud ita pridem decesserunt, τῶν μαχαρίτων appellatione donare, ut ex Synesio et aliis constat.

такъ что трапеза затягивалась до 3-го часа ночи. Но монахи здѣсь не были ангелами: то они безъ вѣдома игумена хотѣли было полакомиться виноградомъ, то презрительно относились къ собрату своему пекарю, то издѣвались надъ нимъ, когда тотъ коченѣлъ отъ холода; впрочемъ и самъ игумень признавался, что братія его не безъ слабостей, но самъ по себѣ не могъ сдѣлать ее болѣе совершенною.

Къ области Виѳиніи можно наконецъ отнести монастырь Мидикійскій, основанный въ VIII в. Никифоромъ, первымъ его игуменомъ. Обитель эта, созданная во имя св. Сергія, лежала въ морской части Виѳиніи, по направленію къ Пропонтидѣ, близъ Прусы, и находилась въ вѣдѣніи епископа этого города. Преемникомъ Никифора былъ Никита, къ житію котораго мы переходимъ, за нимъ слѣдовалъ Θεоктистъ (ср. § 40).

Житіе Никиты († 824) было написано ученикомъ его Θεостириктомъ, до 813 приблизительно года жившимъ въ Византіи, а потомъ переѣхавшимъ въ Мидикійскій монастырь. Ученикъ зналъ жизнь святого такъ, какъ никто другой: онъ съ самой юности послѣдовалъ Никитѣ и былъ пламеннымъ его почитателемъ. Къ этому достоинству житія надобно отнести и другое, а именно, что житіе написано было втеченіе не болѣе пяти лѣтъ по кончинѣ святого, въ царствованіе имп. Михаила (II, до 829 г.). Памятникъ любопытный свѣдѣніями о собраніи епископовъ во дворцѣ имп. Льва въ 813 г. и рѣчахъ ихъ въ пользу иконопочитанія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣтно сходство у Θεостирикта съ житіемъ и сочиненіями Θεодора Студита, сходство, которое можетъ быть истолковано въ смыслѣ знакомства Θεостирикта съ сочиненіями студійскаго игумена.

Житіе Никиты сохранилось въ спискахъ ватиканскомъ (№ 1190), венеціанскомъ и флорентинскомъ и издано Болландистами (Д. Папелброхомъ) по первому изъ нихъ, списанному съ болѣе древняго манускрипта студійскаго монастыря 916 года¹⁾.

Любопытно уже самое предисловіе житія. Θεостириктъ написалъ эпитафію не по чьему либо порученію, а самъ по своему собственному почину (ἐξ ἰδιωτικοῦ λόγου). Это обстоятельство показываетъ, что агіографъ слишкомъ дорожилъ своимъ учителемъ и слишкомъ многимъ былъ ему обязанъ, чтобы нуждаться во внѣшнемъ принужденіи. Эпи-

1) Ἐπιτάφιος εἰς τὸν ὅσιον—Νικήταν, συγγρ. ὑπὸ Θεοστηρίκτου μαθητοῦ αὐτοῦ μακαριστάτου (Πρόκειται ἡμῖν μεγίστης ὠφελείας ὑπόθεσις): AA. SS. Voll. апрѣль I р. XXII—XXXII (въ концѣ).

тафія, какъ показываетъ и само названіе, была написана можетъ быть въ періодъ времени между кончиною Никиты и его погребеніемъ, въ присутствіи *ἱερὸν ἀχροατήριον*. Вообще это произведеніе должно заслуживать самого серьезнаго вниманія. Θεοστιρικτὴ заявляетъ, что онъ не въ состояніи описать жизнь святого послѣдовательно, а намѣренъ рассказать немного изъ многого. При этомъ авторъ считаетъ нужнымъ прибавить, что онъ пользовался агіографическою письменностью (§ 1), то-есть, что онъ усвоилъ себѣ агіографическую схему. Тѣмъ не менѣе онъ боится взяться за перо для изображенія подвиговъ учителя (§ 2); и если берется за жизнеописаніе, то только потому, что «родителямъ милъ лепетъ дѣтей и пріятна Богу работа по силамъ» (§ 3)¹.

Градъ святыхъ—градъ Божій, отечество ихъ—вышній Іерусалимъ; но если кто хочетъ знать о нижнемъ градѣ, то это была Кесарія виоинская (*Καيسάρεια τῆς Βιθυνίας*); отецъ его, Никиты, Филаретъ, подъ конецъ жизни инокъ, и непоименованная мать, умершая на восьмой день по рожденіи сего единственнаго сына (§ 4). Мальчикъ былъ воспитанъ своею бабкою (матерью отца) и когда достигъ дѣтскаго возраста (*χρόνον τῶν μεραχίων*), отецъ отдалъ его для обученія грамотѣ. Никита легко усвоилъ предметы и изучилъ псалтирь. Филаретъ посвятилъ его церкви (*ἀποκήρας*), включивъ его въ штатъ церковныхъ мальчиковъ (§ 5)² — что это были за νεωχόροι, не ясно, да и самое толкованіе этого слова не для всѣхъ понятное; впрочемъ Болландисты думаютъ, что это могли быть пѣвчіе мальчики. — Распростившись съ міромъ, Никита ушелъ къ потоку въ южной части этого города (Кесаріи), гдѣ пребывалъ одинъ старецъ, по имени Стефанъ, и сдѣлался его сподвижникомъ (§ 7). Стефанъ направилъ Никиту въ Мидикійскій монастырь (*τοῦ Μηδικίου*), «тогда очень скромный, основанный преподобнѣйшимъ отцемъ нашимъ Никифоромъ». Послѣдній провидѣлъ славу и пользу отъ Никиты и охотно принялъ его въ монастырь (§ 8). Не прошло и пяти лѣтъ, какъ Никифоръ рукоположилъ его въ санъ пресвитера. Рукоположеніе это было произведено патр. Тарасіемъ, который вручилъ ему противъ воли и заботу о монастырѣ. Когда слава о Никитѣ распространилась, къ нему стало прибывать много лицъ для подвиговъ. Отказа не было, и скоро (*ἐν ὀλίγοις ἔτεσιν*) Мидикійскій монастырь увеличился до сотни иноковъ (§ 10).

1) φίλα γὰρ πατράσιν, ὡς τινες ἔφασαν, τὰ τῶν παίδων ψελλίσματα καὶ φίλον θεῶ τὸ κατὰ δύναμιν.

2) τὴν τῶν νεωχόρων τέως τελεῖν αὐτὸν τάξιν.

Богъ послалъ Никитѣ въ монастырѣ нѣкоего Аѳанасія, мужа почтеннаго и дивнаго, добродѣтель котораго невозможно рассказать вкратцѣ: «думаю, что любви его къ Богу дивились и ангелы». Никита очень любилъ его, воспиталъ его въ грамотѣ и отдалъ въ логоѳесій (Λογοθέσιον) въ качествѣ писца общественныхъ бумагъ (τῶν δημοσίων χαρτίων γραφεύς): отецъ Аѳанасія полагалъ, что это занятіе будетъ подспорьемъ сыну въ жизни. Но юноша пренебрегъ всѣмъ и ушелъ въ киновію Символьскую (τῶν Συμβόλων). Отецъ, узнавъ объ этомъ, силою извлекъ Аѳанасія изъ монастыря, снялъ съ него монашеское одѣяніе и облачилъ его, противъ воли, въ многоцѣнные одежды. Сынъ сказалъ: отецъ, неужели ты хочешь шелковыми одеждами отвлечь меня отъ монастыря? и съ этими словами разорвалъ свои мірскія одежды. Отецъ сталъ бить сына такъ, что на спинѣ его образовались гнойные волдыри, для излеченія которыхъ понадобилась медицинская помощь. Аѳанасій былъ настойчивъ, говоря, что готовъ страдать до смерти. Наконецъ отецъ уступилъ, сказавъ: ну, иди доброю дорогою, которую ты избралъ (§ 11). Приглашенный братією, Аѳанасій прибылъ въ Мидикійскій монастырѣ и былъ поставленъ славнымъ Никифоромъ въ помощники Никитѣ (§ 12). Подъ началомъ этихъ двухъ душевныхъ врачей, Никиты и Аѳанасія, монастырская дисциплина процвѣтала и въ монастырѣ не говорилось ни одного празднаго слова (§ 13). Когда Никита совершалъ литургію, стоя предъ св. Престоломъ, Аѳанасій (сначала діаконъ, потомъ пресвитеръ) присутствовалъ при этомъ со страхомъ и трепетомъ, обливаясь слезами (§ 14). Приводится образчикъ проповѣди Никиты (§ 15), — въ которой кое-что сходно съ предсмертнымъ поученіемъ Іоанна Психайта. — Въ числѣ добродѣтелей святаго агіографъ указываетъ, что Никита олицетворялъ въ себѣ всѣ семь евангельскихъ блаженствъ (§ 16).

Однажды, говоритъ Феостириктъ со словъ одного монаха, уже по смерти Никиты, портаря не было днемъ на мѣстѣ, и настоятель поручилъ рассказчику эту службу. Пришелъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей съ маленькимъ ребенкомъ, нѣмымъ отъ рожденія, и просилъ его отнести сына къ игумену для молитвы. Я, говорилъ онъ, доложилъ игумену о приходѣ, но онъ, слегка пожуривъ меня, отпустилъ. Когда я настаивалъ, святой попросилъ меня провести его къ ребенку, помолился, сотворилъ крестное знаменіе и возвратилъ отцу сына говорящимъ. Но, прибавляетъ агіографъ, расскажу и о томъ, чему я самъ былъ очевидцемъ (§ 17). Въ Мидикійскомъ монастырѣ былъ одинъ

братъ изъ числа простецовъ и незлобивыхъ; любимый всѣми именно за его незлобіе. Діаволь, позавидовавъ ему, свелъ его съ ума. Это обстоятельство огорчило Никиту; онъ велѣлъ всѣмъ намъ наложить постъ до вечера, послѣ литургіи помолился надъ нимъ въ діаконикѣ, помазалъ елеемъ,—инокъ выздоровѣлъ и съ того времени здоровъ доселѣ (§ 18). Изъ одного юноши изгналъ демона (§ 19), изъ монаха выгналъ демона въ видѣ зѣіона, испѣлялъ лихорадочныхъ, головную боль (§ 20). Послѣ риторической характеристики святого (§ 22) агіографъ рассказываетъ: «Великій Аѳанасій, вѣрующій и разумный экономъ, прекрасно управлявшій дѣлами киновіи въ теченіи многихъ лѣтъ, много подвизавшійся съ Никитою, совершившій въ киновіи много подвиговъ, ослабѣлъ отъ болѣзни, отъ которой и скончался. Когда мы окружили его, находившагося при послѣднемъ издыханіи, и просили вспомнить о насъ передъ принимающимъ его Богомъ, онъ сказалъ намъ сіе послѣднее слово: «удостоюсь ли я дерзновенія и получу ли искомое, вы конечно узнаете». И такъ благочестно поднявъ преподобныя стопы, онъ предалъ духъ въ руки Господни 26-го числа мѣсяца иперверетей (октября). И такъ позаботившись о немъ, мы положили его въ особой могилѣ. У нашихъ отцовъ не въ обычаѣ, какъ въ другихъ монастыряхъ, класть всѣхъ умершихъ вмѣстѣ въ одной могилѣ, но подыскавъ мѣсто удобное для каждаго, дѣлали тамъ особую могилу и скрывали его въ землѣ, по реченному: «земля еси и въ землю отыдеши». Тамъ мы, какъ сказано, и положили мощи сего блаженнаго. Но чтобы не была безвѣстной могила преподобнаго, но ясно была видима отцами, Богъ всѣхъ самопроизвольно возрастилъ на могилѣ растеніе, именуемое кипарисомъ, изъ самыхъ честныхъ грудей его. Посему многіе, движимые вѣрою, приходя цѣловали оное растеніе и брали листья отъ него на здоровье» (§ 23).—Аѳанасій, экономъ мидійскій, о которомъ извѣстно только изъ настоящаго житія, столь любовно помянутый авторомъ, скончался, по Палеброху, около 814 года.

Никита очень скорбѣлъ по поводу разлученія съ Аѳанасіемъ. Вскорѣ послѣ того скончался и общій нашъ отецъ Никифоръ, составившій сей монастырь съ помощію Божіею, 4-го числа мѣсяца Артемисія (мая),—около 815 года. Ближайшій ученикъ его Никита письменно заповѣдалъ ежегодно творить его свѣтлую память. Все братство, мы просили Никиту принять хиротонію игуменства, но пока былъ живъ Никифоръ, Никита не хотѣлъ этого, да и послѣ того понадобилось большое усиліе какъ съ нашей стороны, такъ со стороны

друзей и другихъ отцовъ, чтобы насильно принудить его къ бремени игуменства. Преподобный поставленъ былъ во игумена отъ руки тогдашняго Константинопольскаго патріарха, иже во святыхъ Никифора (§ 24).

Затѣмъ Θεοστιρικтѣ приступаетъ къ разсказу объ иконоборческой ереси. «Мы были еще въ Византіи, когда начались раздаваться безбожные и богопротивные догматы противъ честныхъ иконъ» (§ 25). Распространяясь о почитаніи и приведя цитату св. Василія Великаго ἡ γὰρ τιμὴ τῆς εἰκότος ἐπὶ τὸ πρωτότυπον διαβαίνει, Θεοστιρικтѣ приводитъ такой примѣръ. Положи, говоритъ, вычеканенное царское изображеніе на какомъ нибудь мѣстѣ (у царей былъ обычай дѣлать это издревле) и дай придти къ нему людямъ: одинъ, любящій царя, облобызаетъ изображеніе, другой, порицающій царя, плюнетъ на изображеніе. Кого же Богъ приметъ—перваго, или второго? (§ 26). По мнѣнію однихъ, иконоборческая ересь болѣе поздняя (*κατωτέρα*) и не заслуживаетъ вниманія (*εἰς οὐδὲν λογιζονται*), по другимъ, это не ересь, а честолюбіе (*φιλονεικία*); а я, прибавляетъ авторъ, какъ и всѣ здраво мыслящіе, считаю ее страшною, разрушающею Христово домостроительство. Другія ереси пріяли начало отъ епископовъ и пресвитеровъ, а иконоборческая—отъ самихъ императоровъ, тѣ—отъ догмата, а эта—отъ царской династіи. Именно Левъ Исавріянинъ, тиранически обошедшись съ Θεодосіемъ Новымъ, овладѣлъ ромейскимъ царствомъ и, гордясь имъ, не воздалъ хвалы и славы Богу, началъ уничтожать переданную апостолами церквамъ исторію, говоря, что не нужно изображать Христа и не нужно поклоняться ему на иконѣ (§ 27). По сверженіи Германа и по возведеніи на его мѣсто еретика по всѣмъ церквамъ явилось великое смятеніе. Затѣмъ престоль царства занимаетъ сынъ Льва Константинъ, злого корени злѣйшая отрасль, отъ ядовитаго звѣря — душетлетворный драконъ, отъ страшнѣйшаго Льва—разнообразный пардусъ. Онъ намного превзошелъ отца зломъ, онъ не довольствовался одною надменностью противъ святыхъ иконъ, онъ запретилъ прилагать къ апостоламъ и святымъ терминъ «святой», то-есть велѣлъ выражаться: (иду) «къ Апостоламъ, къ Четырedesяти, къ Θεодору, къ Георгію» и т. д.; мощи ихъ не ставилъ ни во что; по виду онъ былъ христіанинъ, а помышленіемъ — іудействующій. Разъ Константинъ сдѣлалъ слѣдующее: показавъ приближеннымъ полный мѣшокъ золота, онъ спросилъ: сколько онъ стоитъ? тѣ отвѣтили: дорого. Высыпавъ деньги, онъ снова спросилъ: а теперь

сколько онъ стоитъ? — Ничего, былъ отвѣтъ. «Такъ и Богородица», замѣтилъ царь (не назвавъ ее даже святою): «пока она носила въ себѣ Христа, она почиталась; когда разрѣшилась, она уже ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ женщинъ» (§ 28). Монашествующихъ (подобно намъ) онъ не удостоивалъ памятью, но называлъ ихъ ἀμνημονεύτους. Кто изъ нихъ не слѣдовалъ его ереси, онъ тѣхъ изгонялъ, садилъ въ тюрьмы, гдѣ они умирали, убивалъ мечемъ, билъ дубинами и тащилъ по землѣ, такъ что внутренности ихъ вываливались, примѣръ чему представляетъ Стефанъ, новый Христовъ мученикъ. Кромѣ того нѣкоторые были утоплены, иные бѣжали отъ мучителей, скрываясь въ горахъ и пещерахъ, страдая отъ голода и жажды, третьи бѣжали въ чужую землю (εἰς ξένην χώραν μετέσαν); монастыри обращались будто бы въ публичные дома¹⁾. Цѣлью царя было — вырвать съ корнемъ монашеское сословіе. Кто былъ такъ же грязень, какъ онъ самъ, того Константинъ почиталъ и любилъ. Говорятъ, что когда онъ въ младенчествѣ былъ крещаемъ, онъ осквернилъ купель, такъ что св. Германъ предсказалъ, что онъ причинитъ церкви много скверны, чтѣ и случилось. «Я забылъ сказать вамъ съ другими, замѣтилъ авторъ, что я самъ читалъ 13 его рѣчей (λογίδια) на двѣ недѣли, не имѣющихъ обращенія къ Богу» (§ 29²⁾. — По Сирлету, это значитъ, что въ рѣчахъ этихъ не было никакого упоминанія о призваніи святыхъ, но можетъ быть вѣрнѣе предположеніе Папebroxa, что въ этихъ словахъ Константина не было необходимой литературной части, именно обращенія къ Богу.

По смерти Константина на престолъ вступилъ сынъ его Левъ и царствовалъ пять лѣтъ. При немъ возстановилось церковное дѣло. Послѣ него царица Ирина съ сыномъ даровала церкви миръ. Отложивъ женскую слабость, говоритъ авторъ, находясь подъ вліяніемъ Θεодора Студита, она мужественно дѣйствовала противъ нечестія, противящихся истинѣ изгнала изъ города, имѣя единомышленника въ лицѣ Тарасія; и былъ глубокій миръ во всей вселенной. Она устроила пріюты для стариковъ, богадѣлни, страннопріимные дома, облегчала бремя налоговъ³⁾. Монашескій чинъ при ней на столько увеличился, что достигъ до безчисленнаго множества: всюду монастыри, обители,

1) καὶ γέγονεν τὰ ψυχῶν φροντιστήρια, οἶμοι, πορνείας καταγώγια.

2) αὐτὸς ἐγὼ ἀνέγνων τριακίδεκα λογίδια, ἅπερ πηρέδωκεν ταῖς δυσὶν ἑβδομάδαῖς πρεσβείαν μὴ ἔχοντα.

3) γηροκομεῖα, πτωχοτροφεῖα, ξηνοδοχεῖα καὶ φόρων κομψισμοὺς.

всюду мирное пребываніе монаховъ и мірянъ, постоянныя молитвы тѣхъ и другихъ, всенощныя псалмопѣнія, было едино стадо и единъ пастырь—Христосъ (§ 30).

Преемникомъ ея на престолѣ былъ Никифоръ, благочестивѣйшій, нище-и монахо-любивый, за нимъ Михаилъ, «еще и нынѣ пребывающій въ монашескомъ образѣ». — Здѣсь имѣется въ виду имп. Михаилъ I Рангавей (811—813), умершій въ иночествѣ въ 840 году. Инокъ Θεοστυρικτς писалъ житіе Никиты въ періодъ иконоборчества. — У Михаила недостойно похитилъ престолъ звѣроименный и звѣронравный Левъ, который не воздалъ благодаренія Богу, допустившему это. Сей Левъ подражаетъ Льву Исавріянину, «ассирійцу», и преслѣдуетъ святыхъ святыхъ. Отыскивая себѣ помощниковъ въ дѣлѣ, онъ выбралъ сенатора Іоанна ὁ Σπέκτας и Евтихіана, а изъ духовныхъ Іоанна Грамматика, новаго Тертила. Діаволь, взявъ его за руку и приведя къ царю, сказалъ: прими сего — полезнаго тебѣ въ искомомъ. Кромѣ Іоанна Левъ имѣлъ помощникомъ Антонія Силейскаго, нѣкіихъ монаховъ Леонтія и Зосиму, изъ которыхъ второй тогда же былъ обличенъ въ прелюбодѣяніи, лишился носа и умеръ (§ 31). Тогда собираются монахи, епископы и митрополиты у патр. Никифора и творятъ въ Великой Церкви всенощную панихиду. На утро ихъ позвалъ царь, сначала наединѣ говорилъ съ патріархомъ, потомъ позвалъ остальныхъ. Тутъ присутствовали бояре царя (οἱ μεγιστάνες) и весь сенатъ (§ 32). Патріархъ спросилъ духовенство: можетъ ли упасть не сущее? тѣ не могли ничего на это отвѣтить, вѣроятно не совсѣмъ понимая вопроса.—При Левѣ и Константинѣ Исавріянахъ упали иконы, или нѣтъ? снова спросилъ Никифоръ. Тѣ кивнули головой въ знакъ согласія. Патріархъ спросилъ царя: какъ можетъ упасть то, что не стойтъ? Левъ промолчалъ, но духовенству сказалъ: я, отцы, вашего же мнѣнія. Вынувъ нагрудный крестъ и поцѣловавъ его, онъ сказалъ: видите, я нисколько не отлучился отъ васъ. Отцы заявили, что избранный ими путь—правильный. Царь предложилъ имъ состязаніе съ противниками иконопочитанія: если они одолѣютъ, откажитесь отъ иконъ, а если вы побѣдите, необходимо уничтожить опасную ересь (§ 33). Отцы отказались отъ спора и не пожелали даже видѣться съ иконоборцами. Емилианъ, епископъ Кизическій, сказалъ: если вопросъ — церковный, пусть онъ разсматривается въ церкви, какъ и подобаеть, а не въ царскихъ палатахъ. На это Левъ возразилъ: но вѣдь и я—дитя церкви, и какъ посредникъ, послушаю обѣ стороны

и узнаю истину. Михайль, епископъ Синнадскій, сказалъ: если ты—посредникъ, зачѣмъ не дѣлаешь дѣло посредника? ты однихъ скрываешь во дворцѣ, поощряешь ихъ учить безбожнымъ догматамъ, а другіе не смѣютъ что либо сказать на улицахъ, повсюду преслѣдуемые твоими указами; это не посредничество, а тиранія. Царь возразилъ на это: не такъ, но я—какъ и вы; почему вы не желаете говорить съ ними? я знаю, что это трудно, ибо у васъ нѣтъ свидѣтельствъ. Теофилактъ, епископъ Никомидійскій, сказалъ: свидѣтель—Христосъ, изображеніе котораго ты видишь; у насъ тысячи свидѣтельствъ, но мы не хотимъ спорить, ибо нѣтъ ушей, готовыхъ насъ слушать. Петръ, епископъ Никейскій, сказалъ: какъ разговаривать съ ними, разъ ты на ихъ сторонѣ? или ты не знаешь, что если введешь и манихеевъ и станешь на ихъ сторону, они одолѣютъ насъ, имѣя поддержку въ тебѣ? (§ 34). Евѣимій, епископъ Сардскій, сказалъ: послушай, царь, съ какого времени Христосъ сошелъ на землю до нынѣ, прошло болѣе 800 лѣтъ, и онъ изображался всегда на иконѣ и служитъ предметомъ поклоненія; какой дерзкій осмѣлится уничтожить преданіе столькихъ лѣтъ, преданіе апостоловъ, мучениковъ, св. отецъ? второй Никейскій соборъ осудилъ ересь, и дѣянія его святы. Царь притворился великодушнымъ. Θεодоръ Студитъ сказалъ: царь, не уничтожай церковнаго состоянія; тебѣ ввѣрено политическое состояніе и войско, — объ нихъ ты и думай, а церковь предоставь пастырю и учителямъ, по апостолу (§ 35).

Царь съ гнѣвомъ выслалъ всѣхъ вонъ, Θεодора сослалъ, приказавъ не возвращаться при немъ въ столицу, игуменамъ не позволилъ входить въ ихъ монастыри, учить православію и оставаться въ столицѣ; изгналъ изъ церквей предстоятелей, которыхъ отправилъ въ восточные предѣлы (*ἐπί τῶ ἀνατολικῶ κλίματι*), на острова запада и объявилъ патріарху Никифору: сойди, ибо церковь въ тебѣ не нуждается. Никифоръ оказалъ сопротивленіе: я, царь, такъ не сойду, ибо во мнѣ нѣтъ причины, по которой меня слѣдовало бы удалить; если же я подвергаюсь гоненію за православіе и благочестіе, за себя ли, или за вашего царскаго человѣка, то пошли—и я сойду. Тогда царь послалъ одного изъ своихъ бояръ, и послѣдній принудилъ его тиранническимъ образомъ. Никифоръ вошелъ въ св. Софію, взялъ свѣчу, покадилъ и помолился; народъ плакалъ при разставаніи съ нимъ; патріархъ утѣшалъ его: дѣти, говорилъ онъ, я оставляю васъ христианами. Спустившись въ акрополь и сѣвъ въ судно, онъ отплылъ въ

одну изъ своихъ метохій, гдѣ жилъ въ постѣ и молитвѣ, въ мирѣ и твердости до дня своей кончины (§ 36).

Горькіе преслѣдователи истины начали распространять нечестивыя догматы, патріархомъ (σπατριάρχης) сдѣлали спаарія Θεодота (дѣтскую забаву), человѣка нелѣпаго и легкомысленнаго, театральную игрушку для потѣхи народа; составили іудейскій синадріонъ въ св. Софїи, анаематствовали отцовъ нашихъ, не сошедшихся съ ними епископовъ повергли наземь и топтали ихъ, другихъ въ толчки выгнали изъ синадріона (§ 37). Затѣмъ царь велѣлъ войти настоятелямъ видныхъ монастырей. Среди нихъ былъ и Никита Мидикійскій. Сначала склоняли ихъ къ ереси лестью, потомъ угрозами; когда ни то, ни другое не помогло, ихъ заперли въ тюрьмы. Никита много дней содержался въ зловонной тюрьмѣ, такъ что и безъ другого наказанія это было достаточнымъ мученіемъ. Ежедневно къ нему приходили человѣчки (ἀνθρωπίσκια), которые приносили хулы и говорили глупости для огорченія преподобнаго. Въ особенности огорчалъ его нѣкій Николай, пока явившійся ему по смерти отецъ не сказалъ: удались отъ рабовъ Божіихъ. Съ того времени Николай сталъ благо-разумнѣе, не огорчалъ праведнаго и другимъ не позволялъ этого дѣлать (§ 38). Но вотъ царь сослалъ Никиту въ восточную область (ἐπὶ τὰ τῆς ἀνατολῆς μέρη), въ крѣпость Масалеонъ (Μασαλαιών). Была середина зимы. Никита зябъ и страдалъ отъ бездорожья. Тоже было и съ другими. Но не прошло и пяти дней, какъ царь снова вытребовалъ ихъ въ Константинополь для обсужденія, какъ привлечь ихъ на свою сторону (§ 39). Прошла зима и великій постъ. Послѣ пасхи ихъ передали «софисту зла» Іоанну (Грамматику), чтобы онъ наказалъ ихъ. Іоаннъ бросилъ ихъ въ тюрьмы и мучилъ такъ, какъ не мучили еллины мучениковъ: не было постели, не было одѣяла, — спали они прямо на полу, кто въ чемъ былъ, кладя подъ голову чере-пицы; кормили ихъ впроголодь, такъ что они едва не умерли съ голода; воды давали очень мало и то зловонной; къ бѣльшему огорченію Ни-киты, его помощника и преемника Θεоктиста, еще молодого человѣка, Іоаннъ заперъ въ тюрьму. Иконоборцы говорили имъ: мы ничего другого не хотимъ отъ васъ, какъ только общенія съ патр. Θεодотомъ, послѣ чего вы можете вернуться въ свой монастырь и даже держаться своего образа мыслей (§ 40). Каждый изъ заключенныхъ выходилъ изъ тюрьмы и совѣтовалъ тоже сдѣлать и Никитѣ, но послѣдній отка-зался отъ общенія съ Θεодотомъ; «уступи немного, чтобы не погубить

всего», говорили они, однако не достигли цѣли. И если преподобный уступилъ, то только по просьбѣ отцовъ, уважая ихъ старость. Такимъ образомъ всѣ вошли въ свои монастыри, расписанные какъ прежде, и приобщились къ иконоборческому патріарху, говорившему: «не поклоняющимся иконѣ Христа — анаѰема». И остальные отцы — каждый вошелъ въ свой монастырь. Блаженный же Никита, горько пораженный въ сердце, захотѣлъ уйти въ другую страну и тамъ исправить свое паденіе (§ 41).

Сложивъ свою поклажу въ лодку, онъ прибылъ въ Проконисъ; но разсудивъ, что гдѣ совершена ошибка, тамъ должно произойти и исправленіе ея, вернулся въ Византію, рѣшившись безстрашно бороться со зломъ. Царь позвалъ его и сказалъ: отчего остальные отцы ушли въ свои монастыри, а ты одинъ остался, послѣдовавъ своей волѣ и, какъ мнѣ извѣстно, не повинувшись нашимъ указамъ? уступи нашему повелѣнію и уходи въ свой монастырь; если же нѣтъ, то я причину тебѣ такія огорченія, которыя ты не перенесешь. Никита на это мягкимъ голосомъ отвѣтилъ: царь, я ни въ монастырь свой не пойду, по твоему требованію, ни отъ вѣры своей не отрекусь, но есмь и буду въ этомъ исповѣданіи; Богъ свидѣтель, что я сдѣлалъ неподобное (общеніе съ патріархомъ) не изъ боязни смерти и не изъ любви къ сей жизни, но я исполнялъ, хотя и не охотно, волю старцевъ; а общенія у меня съ вами никакого нѣтъ (§ 42). Видя непреклонность Никиты, царь передалъ его вѣкоему Захаріи, завѣдующему царскими палатами «Манганы» (*ἐπιτρόπῳ τῶν βασιλικῶν οἰκῶν τῶν ἐπιλεγόμενων τὰ Μάγανα*), стеречь его впредь до рѣшенія о немъ. Захарій оказался человѣкомъ благочестивымъ и не дѣлалъ зла преподобному, наоборотъ дѣлалъ ему одно хорошее, съ благоговѣніемъ взирая на лицо его. Затѣмъ Левъ изгналъ Никиту на одинъ изъ островковъ залива, на островокъ св. Гликеріи. Владѣльцемъ острова былъ нѣкій АнѰимъ, евнухъ, магъ, святотатецъ, человѣкъ хитрый и жестокій, котораго иконоборцы сдѣлали экзархомъ тамошнихъ монастырей (такимъ людямъ они вручали тогда власть, чтобы разрушить все); за его неистовство, безуміе и бахвальство мѣстные жители назвали его Каифой (*Καίφας*). АнѰимъ усердно оскорблялъ преподобнаго: заперъ въ тѣсную тюрьму, наказывалъ его безъ конца и не позволялъ ему совершенно выглядывать за дверь, самъ держалъ ключи отъ тюрьмы и давалъ ему черезъ отверстіе очень немного пищи: онъ имѣлъ наказъ отъ иконоборцевъ, что если онъ убѣдитъ Никиту примкнуть къ иконо-

борцамъ, онъ удостоится выдающейся почести, и этимъ объясняется его жестокость (§ 43). Захарій, посланный царемъ для управленія общественными дѣлами во Фракіійскую область¹⁾, былъ схваченъ жившими тамъ варварами и уведенъ плѣнникомъ въ ихъ страну. Узнавъ объ этомъ, Михаилъ, епископъ Синадскій, извѣстилъ Никиту изъ тюрмы, въ которой содержался и самъ, что ихъ общій другъ Захарій схваченъ Фракіійскимъ народомъ, и просилъ помолиться о его избавленіи. Когда это передалъ Никитѣ прислуживавшій ему братъ — мидикіецъ Филиппъ, святой скорбѣлъ и весь день не вкушалъ пищи (§ 44). Съ наступленіемъ вечера Никита передалъ (τῷ διακόνῳ) Филиппу свѣчу, освѣщавшую тюрму, прося вымыть ее въ морской водѣ. Тотъ вымылъ и принесъ игумену. Зажегши ее, преподобный молился за Захарія, пока не получилъ отъ Бога милости. Въ часъ ночного псалмопѣнія Филиппъ увидѣлъ Никиту въ сіяніи и спросилъ о причинѣ этого. Никита отвѣтилъ: не безпокойся, Филиппъ: ты здѣсь увидишь нашего друга Захарію своими глазами. Это и случилось: не долго названный народъ жилъ въ мирѣ съ царемъ, началась война — и Захарій вышелъ съ другими плѣнниками²⁾, благодаря Бога и св. Никиту. — Безъ всякаго сомнѣнія, подъ варварами, взявшими въ плѣнъ Захарія и воевавшими съ Византією, слѣдуетъ разумѣть Болгаръ. Послѣ войны 814 года они дѣйствительно вскорѣ, именно въ 817 г., опять начали войну, но были разбиты. Захарій вмѣстѣ съ другими былъ выданъ грекамъ или по особому договору о плѣнникахъ, или былъ обмѣненъ на какого-нибудь плѣннаго болгарина. — Три родныхъ брата, ѣхавшіе по морю на своемъ суднѣ и подвергавшіеся опасности утонуть во время бури, спаслись чрезъ призываніе имени святого (§ 45).

Шесть тяжелыхъ лѣтъ (814—820) провелъ Никита въ заточеніи — до смерти царя Льва. Нѣкіе новоначальные иноки, руководимые какъ бы ангеломъ, невозбранно проникли во дворецъ и мечами избили его внутри алтаря, потому что, кажется, царь убѣждалъ въ алтарь³⁾, гдѣ и получилъ достойную кару (§ 46). Вмѣстѣ съ Никитою

1) πρὸς διοίκησιν δημοσίων πραγμάτων ἐπὶ τὸ Φρακῶν μέρος.

2) μετ' οὗ πολὺ γὰρ ἔδοξεν εἰρηνεῦειν τὸ προεξημένον ἔθνος μετὰ τοῦ βασιλέως, καὶ ἀντικαταλλαγῆς γενομένης ἐξῆλθεν καὶ Ζαχαρίας σὺν τοῖς λοιποῖς αἰχμαλώτοις.

3) Τινὲς γὰρ τῆς τάξεως νεωτερήσαντες καὶ ὡς ὑπ' ἀγγέλου ὀδηγηθέντες εἰσέισαν ἀκωλύτως εἰς τὰ βασιλεῖα καὶ ἐπάταξαν αὐτὸν εἴσω τοῦ εὐκτηρίου μαχαίραις. ἔδοξε γὰρ προσφεύγειν ἐν τῷ θυσιαστηρίῳ. Смерть Льва названа ἐκδιστος θάνατος (вѣроятно οἰκτιστος); ср. житіе Николая Студита (стр. 191 пр. 1).

содержался подъ двумя цѣпями и Михаилъ. По смерти Льва его медленно освободили и провозгласили царемъ.

Михаилъ (II, Косноязычный) стоялъ посрединѣ между добродѣтелью и порокомъ: вѣры невозстановилъ, но всѣхъ отцовъ изъ ссылки вернулъ и освободилъ тюремныхъ; великое преслѣдованіе церкви окончилось. Выпущенъ былъ и Никита, нося на себѣ побѣдные знаки своихъ страданій. Онъ удалился на острова вблизи столицы, ища безмолвія, и поселился на одномъ изъ нихъ. Онъ былъ руководителемъ всѣхъ ко спасенію и былъ такъ нищелюбивъ, что подавалъ милостыню не только вѣрнымъ, но и невѣрнымъ. Затѣмъ преподобный купилъ небольшой метохъ противъ столицы, въ сѣверной части, и тамъ провелъ остальное очень короткое время своей жизни (§ 47).

Передъ смертію болѣзнь мучила его очень жестоко, силы его ослабѣли. Съ наступленіемъ воскресенія, около 6-го часа онъ поднялъ стопы и ушелъ съ грядущими ангелами мѣсяца Ксаѳіака (апрѣля) въ 3-й день. — 3-е апрѣля падало на воскресенье въ 824 году, когда стало быть и скончался св. Никита. — Масса народа сошлась изъ столицы и окрестностей. Присутствовали при этомъ архіепископы Θεοφιλѣ Ефесскій и Ιοσιφѣ Солунскій. Гробъ поставили на судно, и ученики отвезли его въ монастырь, «который онъ поставилъ собственными трудами». При встрѣчѣ на берегу были и мы, замѣчаетъ Θεοστικτѣ, вмѣстѣ съ преподобнѣйшимъ Павломъ, епископомъ Πλουσιадскимъ. Когда судно пристало, мы вынесли гробъ и со слезами обლობызали святыя мощи преподобнаго; и взявъ на плечи, съ подобающими пѣснопѣніями вся братія обоихъ монастырей внесла его въ обитель. — Итакъ основателемъ собственно Мидикійскаго монастыря былъ Никифоръ; преемникъ его Никита по близости поставилъ новый монастырь, такъ что на погребеніе его выходили иноки изъ обѣихъ обителей; Никита погребенъ былъ въ Мидикии. — Дорогою происходило много чудесъ: демоны прогонялись, больные исцѣлялись, кровоточивая, прикоснувшись къ мощамъ его, выздоровѣла (§ 48). Мы положили святого въ могилѣ общаго отца нашего Никифора, которую онъ сдѣлалъ еще при жизни, въ лѣвой сторонѣ отъ нартекса. Въ ней чудеса творятся и донинѣ (§ 49).

«Исполнена настоящая книга 21-го марта индикта 1-го, 6424 года, написанная рукою смиреннаго и послѣдняго монаха Ιοαννα, при преподобнѣйшемъ игуменѣ студитскомъ Анатолиі» (§ 50). — Эта любопытная прибавка къ житію заслуживаетъ вниманія и должнаго освѣ-

щенія. Папebroхъ, по нашему мнѣнiю, не достаточно вѣрно оцѣнилъ ее: онъ говоритъ, что ватиканская рукопись № 1190, содержащая житiе св. Никиты, была списана съ рукописи студiйской 932 года. Такъ какъ указанный здѣсь индиктъ (1-й) не согласуется съ 6424 г. (для котораго былъ индиктъ 4-й), Болландистъ сталъ утверждать, что Иоаннъ Студитъ пользовался церковною эрою, то-есть александрийскимъ счисленiемъ времени, которое отличалось отъ римскаго (и Константинопольскаго) на 16 лѣтъ, такъ что 5983 александрийцевъ соотвѣтствовало 5999 римлянъ (= 491 г. по Р. Хр.). Отсюда слѣдуетъ, говоритъ Папebroхъ (р. 266), что здѣсь обозначенъ годъ по александрийской эрѣ (=932 г.). Однако ни откуда не видно здѣсь этого. Ученый далѣе прибавляетъ, что 932-й годъ сходится съ индиктомъ 1-мъ, но это ошибка: въ 6424 (932) г. индиктъ былъ 5-й, а не 1-й. Если мы припомнимъ житiе Николая Студита (X в.), то увидимъ, что студиты пользовались обще-византийскимъ счисленiемъ (5508), и нѣтъ необходимости предполагать, чтобы въ то же время студиты пользовались и другою эрою. А по обычному счисленiю выходитъ, что рукопись была написана въ 916 году, въ игуменство Анатоля, который дѣйствительно въ это время могъ жить (ср. стр. 202). Правда индиктъ 1-й не сходится съ 916 г., но описка писца ватиканской рукописи α' вм. δ' вовсе не такъ невѣроятна, чтобы нельзя было допустить ее¹⁾.

Житiя Никифора Мидикiйскаго (+814 г.), по словамъ Болландистовъ, не существуетъ, но несомнѣнно, что оно было и написано было по всей вѣроятности Мидикiйскимъ инокомъ Θεοστιρικτoмъ, агиографомъ его преемника Никиты; въ настоящее время мы можемъ указать напр. на рукопись Ватиканской библиотеки, гдѣ это житiе сохранилось въ спискѣ X—XI вѣка²⁾, но еще не издано. Впрочемъ изъ житiя Никиты видно, что Никифоръ былъ въ VIII вѣкѣ строителемъ и игуменомъ Мидикiйскаго монастыря (въ Вѣнiи, около Прусы, близъ Протонтиды), что онъ охотно принялъ въ обитель Никиту и

1) Не смотря на соображенiе Папebroха мы все-таки не находимъ умѣстнымъ помѣщенiе § 50 житiя рядомъ: пусть въ рукописи все это написано въ строку, но нельзя же смѣшивать перо Θεοστιρικτa мидикiйца IX в. съ перомъ Иоанна Студита X в.

2) Pitra, р. 15, № 27 f. 43—52: Πολλοί πολλὰκις τὴν ἄμωρον. Впрочемъ, Болландисты позже (AA. SS. Boll., 26 октября, XI. 963) указали на списокъ житiя Никифора въ Мюнхенской библиотекѣ (Hardt, IV. 85): βίος ἦτοι πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Νικηφόρου, ἡγουμένου γεγονότος τοῦ Μιδικίου.

черезъ 4—5 лѣтъ пожелалъ видѣть его въ санѣ пресвитера, что передъ смертью онъ завѣщалъ все свое имущество церкви и умеръ 4 мая. Память его записана была въ синодикъ его преемникомъ. Кромѣ того извѣстно, что Никифоръ присутствовалъ на VII вселенскомъ соборѣ и подписался подъ его актами: *Νικηφόρος ἡγούμενος τοῦ ἁγίου Σεργίου τοῦ Μιδικιῶνος*.

ГЛАВА XI.

Пропонтида (Кій — Пелекитъ, Халкидонъ).

Ж. Макарія. — Ж. Луки.

Пропонтидская агіографія, очень скромная своимъ объемомъ, представителями имѣетъ не много и недостаточно литературно-образованныхъ писателей, у которыхъ совсѣмъ мало цѣннаго историческаго матеріала.

Среди монастырей, расположенныхъ отчасти въ Виенніи, заслуживаетъ вниманія Пелекитская обитель (*μονή ἢ Πελεκητή*). Расположенная на южномъ берегу Пропонтиды (Мраморнаго моря), между городомъ *Δαρκύλιον*’омъ и Кійскимъ заливомъ¹⁾, она была основана въ 709 г., въ царствованіе имп. Юстиніана II, и освящена во имя св. Іоанна Богослова²⁾. Въ 766 г. игуменомъ ея былъ Теокиристъ. Тогда же, по распоряженію стратига Азіатской еемы Лаханодраконта, монастырь былъ преданъ пламени. Преемниками Теокириста были: Иларіонъ, Макарій и Савва. О двухъ послѣднихъ лицахъ мы предложимъ здѣсь слѣдующія свѣдѣнія.

А. Ehrhard находилъ, что и по имени, и по времени, и по мѣсту Савва, агіографъ св. Макарія, можетъ быть отождествленъ съ Саввою, агіографомъ св. Іоаннікія³⁾. Однако Болландисты, соглашаясь со всѣмъ этимъ, признаютъ, что стиль одного *βίος*’а не соотвѣтствуетъ стилю другого, почему негласно воздерживаются отъ такого отождествленія. Къ этому существенному возраженію необходимо присоединить и то,

1) «въ живописнѣйшей и лѣсистой мѣстности, въ 3—4 часахъ къ югозападу отъ Триліи» (Гр. *Εὐαγγελίδης*, въ «*Σωτήρ*» 1889 р. 275). Когда-то богатая обитель, она нынѣ представляетъ изъ себя лишь гостинницу для бѣдняковъ.

2) *Πελεκητός* — срубленный топоромъ; первоначально это была вѣроятно деревянная обитель.

3) *Krumbacher GBL*² S. 198.

что Савва, агіографъ Іоанникіевъ, въ 40-хъ годахъ ІХ столѣтія былъ рядовымъ инокомъ одного изъ Олимпійскихъ монастырей, тогда какъ Савва, агіографъ Макарія, въ то же время былъ уже настоятелемъ Пелекитской обители. Кромѣ того первый агіографъ — человѣкъ очень литературно образованный, тогда какъ второй — очень неискусенъ въ писаніи¹⁾. Да и само разстояніе отъ Олимпа до Пелекиты слишкомъ велико, чтобы можно было говорить о тождествѣ обоихъ Саввъ. Такимъ образомъ, вслѣдъ за Болландистами мы также не находимъ возможнымъ отождествить обоихъ этихъ агіографовъ.

Савва былъ сначала инокомъ Пелекитской обители, при игуменѣ Макаріи, по смерти послѣдняго написалъ его житіе и позже самъ былъ игуменомъ монастыря. Онъ былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ жизни своего игумена, о чемъ и замѣчаетъ въ разныхъ мѣстахъ житія. «Я недостойный преемникъ твоей паствы», «я, Савва, самовидецъ твоего жительствова, написалъ немного изъ многого». При этомъ онъ пользовался и рассказами другихъ.

Саввино житіе Макарія относится къ разряду житій похвальныхъ, богатыхъ риторическими красотами, но бѣдныхъ біографическими подробностями. Красоты эти взяты на прокатъ изъ риторическихъ учебниковъ; канва же житія, какъ она изложена агіографомъ, свидѣтельствуешь, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ совсѣмъ неискуснымъ и неопытнымъ ни въ исторіи, ни въ церковномъ дѣлѣ. Савва говоритъ сначала о томъ, что Макарій сдѣлался игуменомъ Пелекитскаго монастыря, и значительно позже говоритъ о рукоположеніи его во священника; или патр. Янниса онъ пріурочилъ ко времени царствованія имп. Льва Армянина (813 — 820), тогда какъ онъ жилъ въ царствованіе Теофила (829 — 842); но чисто внѣшнимъ образомъ слабыя стороны житія, написаннаго однимъ изъ преемниковъ святого, могутъ навести на мысль, что житіе это неудачно изложено или редактировано. Въ немъ отдѣльныя фактическія данныя поставлены не на мѣстѣ, въ чемъ повиненъ едва ли самъ Савва. Если предположить, что во священника Макарій былъ рукоположенъ игуменомъ Пелекиты, а игуменомъ онъ сдѣлался позже, во времена патр. Тарасія; если далѣе § 11 житія перенести въ начало § 13, а взамѣнъ того конецъ § 13 переставить на мѣсто § 11, то мы избѣгнемъ явныхъ несообразностей въ житіи.

1) Напр. р. 152b. 23—24 ἐχομένους безъ подлежащаго, неполный genitivus absolutus.

Такъ или иначе, но скудость свѣдѣній монаха и игумена Пелекиты о своемъ предшественникѣ позволяетъ предположить, что Савва или не былъ непосредственнымъ преемникомъ Макарія, или что этотъ послѣдній ничѣмъ не ознаменовалъ время своего игуменства, что жизнь его текла тихо и монотонно, что онъ былъ въ ссылкѣ до самой смерти, въ продолженіи почти двадцати лѣтъ, почему въ Пелекитѣ и не могли имѣть о немъ положительныхъ свѣдѣній.

По смерти Макарія на о. Афусія могила игумена естественно сдѣлалась предметомъ почитанія со стороны иноковъ Пелекитскаго монастыря. Скажемъ болѣе. Еще при жизни Макарія нѣкоторые изъ пелекитскихъ иноковъ явились на Афусію и служили изгнаннику. Въ кельѣ ихъ былъ діаконъ Дороеей (§ 8). Повидимому, онъ оставался на Афусіи до самой кончины святого (если не далѣе, § 16). Въ связи съ этимъ заслуживаетъ упоминанія и другое имя, имя Саввы. Онъ и Дороеей въ концѣ жизни Макарія были настоятелями афусійскаго братства. Два настоятеля въ монастырѣкѣ — интересный фактъ въ церковной жизни Византіи IX вѣка. Самъ Макарій, какъ опальный узникъ, не могъ конечно быть игуменомъ и афусійскаго (повидимому, значительнаго по численности) братства; но онъ могъ благословить Дороею и Савву на настоятельство. Въ такомъ случаѣ представляется возможнымъ, что Дороеей остался настоятелемъ афусійскаго братства въ Афусіи и по смерти Макарія, а Савва удался въ Пелекиту, гдѣ позже былъ игуменомъ; житіе Макарія онъ написалъ спустя много времени послѣ его кончины. И если онъ пользовался при этомъ другимъ источникомъ, то не трудно догадаться, что этимъ матеріаломъ могли быть рассказы Дороеей, который зналъ Макарія больше, нежели Савва.

Предисловіе житія Макарія¹⁾ говоритъ о томъ, что житія святыхъ побуждаютъ читателей къ подражанію добродѣтелямъ этихъ святыхъ (§ 1). Христофоръ (мірское имя Макарія) происходилъ родомъ изъ Византіи, отъ благородныхъ родителей. Осиротѣвъ въ очень молодыхъ годахъ, онъ воспитывался у своего дяди. Повидимому, родной его братъ совѣтовалъ ему переселиться въ восточную часть Константинополя и жениться; но Христофоръ отказался отъ этой мысли, выпросилъ себѣ (вѣроятно у дяди) хижину съ храмомъ и сталъ посѣщать одного священника, съ которымъ только и поддержи-

1) Βίος — παρὰ Σάββα μοναχοῦ: Πολλῶν ὄντων ἃ πρὸς ἀρετῆς. (Anal. Bolland. 1897, XVI, 142—163).

валь общеніе (§ 2). Возлюбивъ уединеніе, онъ сталъ готовиться къ монашеству, о чемъ и повѣдалъ іерею. Послѣдній, видя готовность юноши, посовѣтовалъ ему идти въ Пелекитскій монастырь, повидимому близко ему знакомый, причемъ описалъ Христофору мѣстоположеніе монастыря, климатическія условія мѣстности и образъ жизни монастырской братіи. Юноша воспыалъ рвеніемъ къ обители, священникъ напутствовалъ его. Вмѣстѣ съ нѣкимъ Іоанномъ Христофоръ трудился своими руками; но онъ также занимался и книжнымъ дѣломъ, такъ что тѣло его уставало, а душа поучалась въ словахъ (§ 3).—Итакъ здѣсь неясно выражено, что Христофоръ удалился въ Пелекиту, гдѣ и проводилъ подвиги съ Іоанномъ. По поводу этой послѣдней личности считаемъ нужнымъ привести мнѣніе арх. Сергія (П². 330): «Въ Антониновомъ евангеліи XII в. 17 августа: исповѣдника Макарія при Константинѣ Копронимѣ; напротивъ въ Академическомъ Апостолѣ XI—XII в.: исповѣдника Макарія при Львѣ Армянинѣ. Но извѣстно, что при Львѣ страдалъ за иконы Макарій Пелекитскій; дѣйствительно въ синаксаріяхъ туринскомъ и доминиканскомъ онъ называется 19 августа Пелекитскимъ; въ минеѣ криптоферратской онъ названъ византійскимъ, неизвѣстно почему... Но такъ какъ основанія нерѣшительны въ отношеніи къ Кіевскому мѣсяцеслову, то преподобный Іоаннъ и не внесенъ нами въ I отдѣлъ». Очевидно память 18 августа исповѣдника Макарія и Іоанна указываетъ на иноковъ Пелекитскаго монастыря IX, а не VIII столѣтія. Если бы арх. Сергій читалъ житіе Макарія, онъ включилъ бы Іоанна подъ 18 августа, а не отнесъ бы въ разрядъ довольно неопредѣленныхъ святыхъ.

Въ Пелекитѣ Христофоръ принялъ схиму и нареченъ былъ Макаріемъ. Слава о его подвигахъ открыла ему путь къ настоятельству (*τὰ τῆς ποιμνῆς ἐνεχείρισεν*), хотя онъ и не желалъ того, а немного спустя онъ также противъ воли поставленъ былъ на игуменство. Онъ получилъ благодать и сталъ творить чудеса: прогонялъ бѣсовъ, исцѣлялъ посредствомъ возложенія рукъ, лечилъ словомъ и дѣломъ (§ 4). Патрикій Павелъ, повидимому, стратигъ Азіатской земли, страдалъ *χαλεπῶ νοσήματι*, потратилъ много средствъ на докторовъ и на лекарства, но бесполезно. Макарій прибылъ къ нему, помолился и вылечилъ (§ 5)¹⁾. Послѣ того вскорѣ захворала жена Павла, которая ѣздила

1) διὰ περιφάνειαν στρατηγεῖν τὸ τηλικαῦτα πρὸς τοῦ κρατοῦντος τῆς παρακειμένης χώρας ἐτέταχτο. О нѣкоемъ патрикіи Павлѣ упоминаетъ подъ 799 г. Θεοφάνης (II, 473); но трудно сказать, можно ли отождествить ихъ между собою.

лечиться даже въ столицу¹⁾. — Болландисты толкуютъ это мѣсто такъ, что она поѣхала къ императрицѣ (Иринѣ, 797—802); но ἡ βασιλὶς безъ обязательнаго эпитета εὐσεβεστάτη τε καὶ φιλόχριστος, а равно дальнѣйшее указаніе на мѣсто, говоритъ о томъ, что βασιλὶς здѣсь значитъ βασιλὶς τῶν πόλεων, то-есть Константинополь. — Макарій, испѣлившій мужа, испѣлилъ и его жену. Равнымъ образомъ жена патрикія Θεогноста, страдавшая водянкою (ὕδρωτος), была испѣлена игуменомъ (§ 6). Патр. Тарасій пожелалъ видѣть святого мужа; Макарій ѣздилъ въ столицу и вернулся оттуда въ Пелекиту священникомъ (!) (§ 7). У одного человѣка, независимаго отъ монастыря, былъ сынъ — мальчикъ въ параличѣ. Макарій отслужилъ службу въ присутствіи отца и сына, затѣмъ взялъ у мальчика костыли и отдалъ ихъ діакону Дорохею, послѣ чего паралитикъ сталъ ходить безъ палки (§ 8). Во время одной засухи Пелекитская мѣстность какъ бы замерла. Жители обратились къ Макарію за молитвою. Игуменъ собралъ народъ со всѣхъ окрестныхъ деревень и городовъ и у храма св. пророка Іліи, стоявшаго неподалеку, совершилъ литію. Послѣ службы появилось облако и пошелъ дождь (§ 9). — Болландисты находятъ, что монастырь Іліи находился близъ Пелекиты, между Трилійскимъ монастыремъ и киновією св. Михаила въ Сиги. По преданію, этотъ монастырь основанъ въ X в. Игнатіемъ, игуменомъ Ваеириакскаго монастыря²⁾. Память о монастырѣ сохранилась до нашего времени въ искаженной формѣ Σίσβη (Θεοβίτου)³⁾. Имѣя все это въ виду, Болландисты предполагаютъ, что первоначально здѣсь стояло святилище св. Іліи, а позже здѣсь основанъ былъ уже монастырь, киновія.

Когда дикій звѣрь (т. е. Левъ Армянинъ, 813 — 820) обрушился на церковь и испустилъ ядъ на св. иконы, онъ свергъ съ престола патриарха (Никифора, 806—815), однихъ наказывалъ ударами, другихъ изгнаніемъ. Вызванъ былъ на судъ и св. Макарій Пелекитскій, подвергшійся заточенію въ столичной тюрьмѣ. Левъ посылалъ къ нему одного изъ вельможъ склонить къ иконоборству, обѣщая ему высокое положеніе и милость императора, въ противномъ случаѣ грозя ударами до смерти; однако Макарій остался непреклоннымъ

1) διὸ πρὸς τῇ βασιλίδι στέλλεται. καὶ γὰρ ἔτυχεν ἐκεῖσε τὸ γύναιον διατρέβον τῷ πάθει περιπεσεῖν.

2) Anal. Boll. XIV, 415; Synax. Sirmond. ed. H. Delehaye, † 27 сентября.

3) «Σωτήρ», р. 279.

(§ 10). Предтечею зла былъ Ἰκωνίης (!), волхвъ и чародѣй, нарочно державшій царя въ ослѣпленіи. Макарій обнаружилъ твердость передъ патр. Яннисомъ, а сей послѣдній донесъ объ этомъ царю, который усилилъ ему наказаніе (§ 11).

Но вотъ справедливое возмездіе постигло неправеднаго царя, который погибъ тамъ, гдѣ дѣлалъ беззаконія. — Несомнѣнно, здѣсь намекъ на имп. Льва Армянина, который былъ коронованъ и убитъ въ церкви Фара. Въ своемъ заточеніи Макарій имѣлъ возможность видѣться съ патр. Никифоромъ, построившимъ монастырь въ Пропонтидскомъ заливѣ, гдѣ онъ отбывалъ свое изгнаніе. — Свидѣтельство это едва ли заслуживаетъ довѣрія. Никифоръ въ 813 г. былъ сосланъ въ монастырь «Благого» (Христа), а потомъ въ монастырь великомуч. Θεοδώρα на о. Προκωννισίς. Константинополь и Προκωννισίς — два значительно отстоящіе другъ отъ друга пункта, чтобы можно было говорить о свиданіи этихъ узниковъ. Агіографъ быть можетъ умышленно вставилъ этотъ эпизодъ для бѣльшаго прославленія своего игумена. — Одинъ изъ иноковъ Пелекитскаго монастыря, совращенный въ иконоборческую ересь, прибылъ къ Макарію и рассказалъ ему обо всемъ. Макарій воспретилъ ему служеніе, но не отрѣшилъ его отъ должности. Инокъ, не смотря на это, служилъ литургію и пріобщалъ св. Таинъ своихъ сестеръ, которыя и рассказали объ этомъ Макарію; послѣдній очень разгнѣвался на священноіерея (§ 12).

По убіеніи царя Льва и по смерти его преемника (Михаила II) на престолъ вступилъ новый царь (Θεοφίλης, 829—842). Послѣдній призвалъ Макарію на судъ ἑπαρχος'а. Вопросы царя и отвѣты Макаріа (§ 13), изложенные какъ бы въ подлинномъ видѣ, безъ сомнѣнія сочинены агіографомъ, какъ сочинялись бесѣды и другими писателями. Когда павликіяны (παυλικισταί) или манихеи, содержавшіеся въ тюрьмѣ (вѣроятно столичной), были осуждены на смерть и просили совершить надъ ними отходную, Макарій отказался, замѣтивъ: что общаго между свѣтомъ и тьмою? Только одинъ изъ нихъ удостоился осѣненія святымъ: онъ-то и остался въ живыхъ, а всѣ остальные были казнены; спасшійся, конечно, перешелъ въ православіе (§ 14). — Здѣсь имѣется въ виду жестокая расправа уже имп. Θεοδωры, въ 855 г., когда посланцы ея — сыновья Аргира и Дуки, а равно Судалисъ — умертвили болѣе 100.000 павликіанъ, не хотѣвшихъ изъ ереси перейти въ православіе, о чемъ подробно рассказываетъ Кедринъ (II, 153 В); но это событіе случилось уже послѣ кончины Макаріа. — Далѣе Макарій спасъ

молитвою одного заключеннаго отъ смерти. Теофиль, къ которому Савва возвращается снова, осудилъ святого на изгнаніе на пропонтидскій островъ Ἀφουσία, такъ названный, по мнѣнію агіографа, отъ τὸ ἀπειναί τῆν κατευθείαν. Святой прибылъ на островъ въ то время, когда жители его страдали отъ голода. Макарій помолился и насытилъ народъ. Здѣсь онъ построилъ храмъ на мѣстѣ развалинъ какого-то зданія (§ 15). Во время постройки одинъ изъ монаховъ оставался безъ дѣла. Святой и ему велѣлъ работать. Тотъ отвѣтилъ, что онъ не въ состояніи, такъ какъ у него одинъ палецъ на рукѣ сухой. Макарій побудилъ его дѣйствовать, и монахъ сдѣлался дѣеспособнымъ. Произнеся поученіе братіи и указавъ мѣсто своей могилы, Макарій велѣлъ настоятелямъ братства Дороою и Саввѣ начать заготовленіе ея. Произнеся: «въ руки Твои предаю духъ мой», онъ скончался μηνὶ πανέμφ (т. е. августа) 18 (§ 16). Агіологи полагаютъ, что Макарій скончался около 830 года¹⁾.

По смерти святой творилъ безчисленное множество чудесъ (§ 17). Во время его погребенія къ о. Афусіи присталъ корабль, на которомъ прибылъ нѣкій Григорій, одержимый нечистымъ духомъ и хотѣвшій утопиться. Путешественники высадили его на берегъ. Онъ прибылъ къ могилѣ святого, палъ на землю и пролежалъ такъ цѣлый день. На утро онъ выздоровѣлъ (§ 18). Макарій исцѣлилъ также нѣкоего Димитрія отъ нечистаго духа, другого, находившагося въ веригахъ (§ 19), двухъ дѣтей: одного безгласнаго сдѣлалъ говорящимъ, другого освободилъ отъ безгласнаго духа (§ 20). У одного пнока выгналъ изъ желудка лягушку (!) черезъ питье больнымъ масла (§ 21); слѣпымъ даровалъ зрѣніе; масло изъ лампы на его могилѣ (καίόμενον ἔλαιον) творило чудеса, прогоняло болѣзни. Разсказъ о каждомъ чудѣ въ отдѣльности, замѣчаетъ агіографъ, мы оставляемъ другимъ, а сами составляемъ о чудесахъ особое слово²⁾ (§ 22). Итакъ кромѣ Саввина житія Макарія Пелекитскаго существовало еще его же особое слово о чудесахъ его, до насъ не дошедшее. Въ заключеніе (§ 23) Савва говоритъ, что онъ составилъ житіе³⁾ на основаніи другого

1) Сергій, Полный мѣсяцесловъ Востока, II, стр. 94. О заточеніи Макарія видно также и изъ замѣтки Θεοδώρα Студита: ἐν ἐλυπήθην περὶ τῶν δύο ἀδελφῶν τῶν ἀπὸ τῆς Πελεκητῆς ποτῆ, ὅτι οὐχ ὡς μέλη ἡμῶν, καὶ ἀδελφοὶ ἐδιοικήθησαν (Mai, Nova Patr. bibl. VIII. 1 p. 31, письмо 38) (впервые указано П. В. Никитинымъ въ «Сказаніяхъ о 42 Аморійскихъ мученикахъ» (Спб. 1905 стр. 156).

2) p. 163: Ἴδιον τὸν περὶ τούτων ὀρίζομεθα λόγον.

3) ἑτέρω μὲν χρῆσάμενος.

источника; по достоинству же описать твои подвиги не могутъ и десятки тысячъ языковъ.

Житіе Луки столпника¹⁾, жившаго, собственно говоря, уже въ X вѣкѣ (879—979), написано современникомъ и очевидцемъ, по всей вѣроятности ученикомъ святого. Для нашей цѣли заслуживаетъ вниманія лишь одно начало біографіи и прежде всего заглавіе: Βίος τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Λουκᾶ τοῦ ἐν Εὐτροπίαις στυλίτου. Μηνὶ δεκεμβρίῳ ια'. Область τὰ Εὐτρόπια лежала на азіатскомъ берегу Мраморнаго моря, между Халкидономъ и дворцомъ Іеріей, между современными Kadi-Keui и Phanarakı. Въ настоящее время отъ византійской эпохи здѣсь сохранилась лишь одна церковь Salamich съ надписью, написанною нѣкимъ Петромъ. Столпъ, на которомъ подвизался Лука, теперь находится уже въ водѣ.

Уроженецъ востока, Лука былъ сынъ непоименованныхъ родителей, тоже восточныхъ уроженцевъ, занимавшихся земледѣліемъ и бывшихъ людьми довольно достаточными. Года рожденія Луки въ Житіи не дано, это есть только вѣроятный выводъ Vanderstuuf'a. Въ § 5 житія идетъ рѣчь о началѣ византійско-болгарской войны, въ которой принималъ участіе и 18-тилѣтній Лука. Фогтъ полагалъ, что подъ страшнымъ пораженіемъ грековъ разумѣется здѣсь Ахелойская битва (20 августа 917 г.); но Vanderstuuf съ бѣльшимъ основаніемъ думаетъ, что тутъ идетъ рѣчь о Болгарофигской битвѣ 897 г., откуда и сдѣлано заключеніе о времени рожденія Луки.

Ниже, въ третьей части, при разсмотрѣніи памятной литературы, мы встрѣтимся съ нѣкоторыми реальными данными для біографіи святого, о которыхъ современникъ не упоминалъ: здѣсь мы найдемъ имя родины и имена родителей святого.

ГЛАВА XII.

Кипръ.

Ж. Димитріана.

О. Кипръ извѣстенъ былъ въ старое время, преимущественно въ IV в., значительнымъ количествомъ святыхъ и достопочтенныхъ мужей:

1) Analecta Bollandiana, 1909, XXVIII, 11—56 (публикація А. Vogt'a): Ἦ μὲν ὑπόθεσις πρὸς ἣν ὁ τῆς. Рецензія на это изданіе С. Vanderstuuf'a: Etude sur saint Luc le stylite, въ «Echos d'Orient», 1909, №№ 76—78 и сл. Фогтъ приурочивалъ жизнь Луки къ 899—1000 гг.; неправильность этого расчета указана въ критикѣ. Однако Э. А. Σιδερίδης, Βυζαντινὴ ἐπιγραφή ἐν Ἀριστοῦ ('Ο ἐν Κ/πολεὶ ἐλληνικὸς φιλολογικὸς σύλλογος, 1911 σ. 125=7 п^о 8) придерживается мнѣнія Фогта.

св. Тихономъ въ Амаунтѣ, еп. Филономъ въ Карпасіи, мощами св. Лазаря Четверодневнаго въ Китіи, св. Спиридономъ въ Тримеунтѣ, св. Трифилліемъ въ Левкудіи, агиографомъ св. Іоанна Милостиваго, Леонтіемъ, въ Неаполѣ, св. Софроніемъ въ Константіи, наконецъ св. Димитріаномъ въ Хитридѣ.

Житіе Кипрскаго (Хитридскаго) епископа Димитріана¹⁾ сохранилось въ синайской рукописи № 789, XII в., гдѣ оно занимаетъ послѣднюю тетрадь, писанную другою рукою. Первый издатель житія г. Н. Grégoire, прославившійся дурнымъ знаніемъ греческой палеографіи, относилъ и эту тетрадь къ XII в., но проф. Лейпцигскаго университета Gregory относитъ ее по письму къ болѣе позднему времени, и мы склонны болѣе довѣрять послѣднему ученому. А въ такомъ случаѣ пришитая тетрадь представляетъ вѣроятно значительно позднѣйшую обработку житія, можетъ быть и написанную въ позднее время.

Разсмотримъ однако сначала общее содержаніе памятника.

Δημητριανός родился въ мѣстечкѣ Συχαῖς, не далеко отъ кипрскаго города Χιτρίδων²⁾, «въ началѣ царствованія христоненавистнаго царя Θεοφιλα» (ок. 832 г.). Пятнадцати лѣтъ (ок. 847 г.) онъ вступилъ въ бракъ съ дѣвушкою, которая прожила съ мужемъ только три мѣсяца³⁾ и умерла. Димитріанъ, черезъ годъ своего вдовства (въ 848 г.), удалился на высокую гору, гдѣ стоялъ монастырь св. Антонія съ небольшимъ числомъ иноковъ, но совершенныхъ мужей, и поселился здѣсь. Хитридскій епископъ Евстаѳій, узнавъ о добродѣтельномъ житіи его, рукоположилъ его во священника и назначилъ экономомъ своей епископіи. Новая служба Димитріану однако не понравилась, и онъ отпросился у Евстаѳія снова въ Антоніевъ монастырь. Здѣсь онъ былъ выбранъ игуменомъ.

Спустя нѣкоторое время Евстаѳій былъ переведенъ на митрополичью кафедру г. Саламина. Тогда онъ вспомнилъ о Димитріанѣ, котораго хотѣлъ видѣть своимъ преемникомъ въ Хитридѣ. Избѣгая этого бремени, Димитріанъ скрылся въ сѣверной части горы у одного своего друга, Павла, поселившись на морскомъ берегу. Когда посланцы Евстаѳія стали пытаться (!?) Павла, онъ открылъ имъ мѣсто-

1) Byz. Zeitschrift, XVI, 217—237; AA. SS. Boll. ноябрь, III, 300—308 (Ἡ παντοῦργός καὶ ὑπερούσιος καὶ παντεπίσκοπος μία θεότης).

2) иначе Χύτροι.

3) XVI, 222: ὁ δὲ Κύριος ...τάχιστα τῶν αὐτοῦ ἀγκυλῶν τὴν συζευχθεῖσαν ἀπέζευξε.

пребываніе «покойнаго» Димитріана. Послѣдній былъ приведенъ къ Евстаѳію и долженъ былъ (ок. 887 г.) принять епископство въ Хитридѣ, гдѣ ранѣе епископствовали Паппъ и Аѳанасій чудотворцы. Димитріанъ правилъ престоломъ 25 лѣтъ (887—912). Конецъ его правленія ознаменовался вторженіемъ на островъ арабовъ¹⁾, которые грабили Хитриду и увели плѣнныхъ. Въ глубокой старости Димитріанъ сопровождалъ свою паству въ «вавилонскій» (Багдадскій) плѣнъ и тамъ выпросилъ у халифа свободу своимъ землякамъ. Скончался онъ 6 ноября (ок. 912 года). Изъ чудесъ святого видно, что у Димитріана былъ въ услуженіи воловій пастухъ Македоніи.

Мы согласны съ Н. Grégoire'омъ и Kurtz'емъ въ томъ, что житіе это могло быть написано на о. Кипрѣ и даже въ Хитридѣ; но мы не раздѣляемъ ихъ оптимистическаго взгляда, что житіе написано очень образованнымъ авторомъ, знакомымъ съ классиками и даже съ философіею: мысль, заимствованная изъ классика, можетъ и не говорить о пользованіи подлинникомъ, — она могла быть взята изъ риторическаго руководства, которое онъ усвоилъ повидимому хорошо; напротивъ того, ошибки въ грамматическомъ строѣ предложеній (ср. τῆς αὐτοῦ 222, ἄπας νόσος 236 и пр.²⁾) указываютъ, что мы должны значительно разочароваться въ писательской дѣятельности нашего автора. Далѣе мы не можемъ согласиться съ г. Grégoire'омъ и Курцемъ и въ томъ, что житіе написано вскорѣ послѣ смерти Димитріана, не позже первой четверти X вѣка.

Имена Димитріана не встрѣчается въ исторіи Византіи послѣ IV столѣтія. Такія сложныя имена съ окончаніемъ на—*ανός*, какъ *Μαξιμιανός*, *Διοκλητιανός*, *Εὐφημιανός* (ср. *Εὐφημία*) существовали только въ старое время (извѣстенъ одинъ мученикъ *Δημητριανός* въ I вѣкѣ, другой, діаконъ саламинскій, пострадалъ ок. 306 года), но съ VI столѣтія уже не встрѣчаются въ жизни, поэтому уже одно существованіе въ IX в. имени Димитріана вызываетъ недоумѣніе.

Въ житіи слишкомъ много общихъ мѣстъ: бѣгство отъ епископскаго сана, выкупъ плѣнныхъ и т. д.; а обиліе этихъ *loci communes* свидѣтельствуетъ о несамостоятельности памятника.

1) XVI, 232: γεγονεν ἐπανάστασις Βαβυλωνίων βαρβάρων κατὰ τὴν τῶν Κυπρίων νῆσον, οὐ φόρων παραβάσεως ἐγκλητῶν αὐτοῦς ἐχόντων, οὐκ ἐπαναστάσεως αἰτίαν, ἀλλὰ τὸν ληστρικὸν τροπὸν συνεργὸν ἐχόντων, καὶ τὴν ἔμφυτον ἀγριότητα.

2) Ср. Ed. Kurtz, въ Anal. Boll. XXVII, 28—34; П. N. Παπαγεωργίου, въ Ἐκκλησιαστικῇ Ἀλήθειᾳ, XXVII (1907), 269—271.

Нашествіе арабовъ, приуроченное къ концу епископства Димитріана въ Хитридѣ, съ точностью не оправдывается. Съ 867 до 904 года Кипръ, какъ находившійся во власти арабовъ, не могъ быть завоевываемъ; въ 904 г. Іоаннъ Каменіать, взятый арабами въ Солуни, былъ привезенъ въ кипрскую гавань Пофъ, откуда былъ отправленъ въ сирійскій Триполь. По Масуди, кипряне навлекли на себя арабское нашествіе нарушеніемъ договора, а нашъ агіографъ говоритъ, что арабы обвиняли кипрянъ не за нарушеніе дани, а произвели просто разбойническое нападеніе; и здѣсь агіографъ не знаетъ обстоятельствъ экспедиціи, что было бы страннымъ, если бы онъ былъ современникомъ начала X вѣка.

Путешествіе Димитріана въ началѣ X столѣтія въ Багдадъ для освобожденія христіанскихъ плѣнниковъ Н. Grégoire считаетъ «совершенно вѣроятнымъ»¹⁾, но такъ ли? Епископу было около 80 лѣтъ отъ роду, и едва ли онъ могъ бы предпринять такое долгое и трудное путешествіе въ столь преклонномъ возрастѣ. Выкупъ плѣнныхъ изъ неволи входилъ въ агіографическую схему, и его мы можемъ видѣть въ десяткахъ позднихъ житій.

Вообще намъ кажется, что это житіе подложное. Составленное въ позднее время, оно имѣетъ претензію на современность, но и тутъ агіографъ выдаетъ себя головою: въ подлинныхъ и современныхъ житіяхъ агіографы напр. пользуются терминомъ *ὁ μακαρίτης* (покойный, недавно умершій) очень умѣренно, но нашъ авторъ употребляетъ его не въ мѣру часто, что уже подозрительно.

Вѣроятно, какой нибудь поздній хитріецъ для прославленія своей церкви сочинилъ житіе святого изъ временъ арабскаго господства на островѣ, какъ памятнаго каждому кипрійцу; имя святого явилось подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Димитріана, Саламинскаго (Киврскаго) мученика V столѣтія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Хр. Лопаревъ.

1) Byz. Zeitschr. XVI, 212.